

A woman with dark hair is shown from the chest up, wearing a red, off-the-shoulder, long-sleeved dress with a dark belt. The background is dark and textured.

ЛИНАСЕЙ
ДЭВИС

СЕРЕБРЯНЫЕ
СЛИТКИ

Annotation

Семидесятый год нашей эры. Рим. Город городов. Столица великой империи. Здесь царят весьма и весьма вольные нравы. Здесь государственные тайны обсуждаются в спальнях куртизанок и актеров. Здесь плетутся бесчисленные заговоры и интриги, а состояния наживаются самыми неожиданными — и далеко не всегда законными — способами.

И конечно, у «частного информатора» Дидия Фалько всегда много работы — ведь в Риме хватает и неверных жен, и легкомысленных любовников, и проворовавшихся управляющих, и нечистых на руку торговцев...

Фалько привык распутывать крайне сомнительные дела. Но розыск серебряных слитков, похищенных с копей далекой Британии, — дело еще и смертельно опасное. Ведь люди, которых ему предстоит вывести на чистую воду, сильны, могущественны и привыкли избавляться от всех, кто слишком много знает или задает слишком много вопросов...

-
- [Линдсей Дэвис](#)
 - [Действующие лица](#)
 - [От автора](#)
 - [ЧАСТЬ I](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)

- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [ЧАСТЬ II](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
- [ЧАСТЬ III](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)

- [Глава 48](#)
 - [Глава 49](#)
 - [Глава 50](#)
 - [Глава 51](#)
 - [Глава 52](#)
 - [Глава 53](#)
 - [Глава 54](#)
 - [Глава 55](#)
 - [Глава 56](#)
 - [Глава 57](#)
 - [Глава 58](#)
 - [Глава 59](#)
 - [Глава 60](#)
 - [Глава 61](#)
 - [Глава 62](#)
 - [Глава 63](#)
 - [Глава 64](#)
 - [Глава 65](#)
 - [Глава 66](#)
 - [Комментарии](#)
 - [Примечания](#)
-

A MARCUS DIDIUS FALCO MYSTERY

THE SILVER PIGS

*In ancient Rome, there's no deadlier
combination than a stolen treasure
and a beautiful fugitive...*

LINDSEY DAVIS

*"Witty and always enjoyable mysteries."
—Washington Post Book World*

Линдсей Дэвис
«Серебрянные слитки»

Посвящается Ричарду

Действующие лица

В императорском дворце:

Веспасиан Август, веселый старикан, который внезапно появился из ниоткуда и стал императором Рима.

Тит Цезарь, старший сын Веспасиана, популярен, очень умен, выдающийся полководец, 30 лет.

Домициан Цезарь, младший сын Веспасиана, не такой выдающийся и не такой популярный, 20 лет.

В I-м регионе (район Капенских ворот):

Децим Камилл Вер, сенатор, миллионер.

Юлия Юста, жена сенатора, дама благородного происхождения.

Елена Юстина, дочь сенатора, здравомыслящая молодая женщина, недавно разведена, 23 года.

Публий Камилл Метон, младший брат сенатора; занимается внутренней и внешней торговлей.

Сосия Камиллина, дочь Метона, блондинка, красавица, а потому ей не обязательно быть умной и здравомыслящей, 16 лет.

Наисса, служанка Елены Юстины, смотрит на мир широко раскрытыми глазами.

Гней Атий Пертинакс, мелкий чиновник, занимающий пост эдила (особое внимание уделяет дисциплине).

В XIII-м регионе (район Авентина):

Марк Дидий Фалько, частный информатор, республиканец.

Мать Фалько, мать, имеющая свою точку зрения по всем вопросам.

Дидий Фест, брат Фалько, национальный герой (погиб).

Марция, дочь брата Фалько, 3 года.

Петроний Лонг, начальник стражи на Авентине.

Ления, прачка.

Смаракт, владелец недвижимости, которую сдает внаем, ему также принадлежит школа гладиаторов.

В других частях Рима:

Астия, проститутка, подруга извозчика.

Юлий Фронтин, капитан преторианской гвардии.

Глаук, киликиец, владелец приличного гимнасия, которые встречаются нечасто.

Виночерпий, подающий подогретое вино (вонючий).

Стражник (пьяный).

Лошадь садовника (характер неизвестен).

В Британии:

Гай Флавий Иларий, прокуратор, занимающийся финансовыми вопросами в провинции. Его интерес распространяется и на серебряные рудники.

Элия Камилла, жена прокуратора, младшая сестра сенатора *Камилла Вера* и его брата *Публия*.

Руфрий Виталий, бывший центурион Второго легиона Августа, вышел в отставку, проживает в Думнониоре.

Клаудий Трифер, подрядчик, владелец прав на управление императорскими серебряными рудниками в Вебиодуне, в Мендипских горах.

Корникс, садист, старший мастер, отвечающий за рабов на императорских серебряных рудниках.

Симплекс, военный врач во Втором легионе Августа в Глеве (особо интересуется хирургией).

От автора

Каждый писатель должен ценить свою первую опубликованную книгу. Когда я оглядываюсь назад, с трудом верю, насколько сложно было в конце восьмидесятых годов XX века убедить издателей заняться популярными романами, действие в которых происходит в эпоху Римской империи. Это считалось «слишком сложным». Можно было издавать только классические произведения античных авторов, но современные романы о далеком прошлом считались вызывающими отвращение у современных читателей. Сегодня это кажется снобизмом и глупостью с коммерческой точки зрения. Тогда я очень рисковала, но, как и многие наивные начинающие авторы, отказывалась сдаваться.

В конце концов я встретила литературного агента Хизер Дживс, застрявшую в Новой Зеландии на шесть недель со сломанной ногой. У нее было много свободного времени, чтобы рассмотреть возможности и перспективы такой «сложной» рукописи. Как и многие другие несколько необычные книги, моя может похвалиться долгой историей отказов издателей. Хизер услышала про одного редактора, по слухам, специалиста по античным языкам и литературе (что на самом деле оказалось не так) и отнесла «Серебряные слитки» Оливеру Джонсону, который недавно получил задание начать выпуск художественной литературы в «Сиджвик и Джексон», дочерней фирме «Макмиллана», недавно приобретенной этим книгоиздательским гигантом. Оливер оказался проницательнее других, когда купил первые две книги и предложил выкупить права на издание в мягкой обложке еще одному очень толковому молодому редактору Биллу Скотт-Керру из «Пэн Букс». Вскоре последовало издание обеих книг в Америке. Практически сразу же после выхода книг в Великобритании таинственная сила, известная как сарафанное радио, доказала, что мы были правы. Каждая новая книга серии по несколько раз допечатывалась, а это лучшая из возможных наград тем, кто с самого начала верил в успех. Без них, а также без счастливых случайностей, которые свели нас вместе, причем очень вовремя, первые две книги, вероятно, никогда не были бы опубликованы, а следующие не были бы написаны. Я всегда буду благодарна «Сиджвику» и «Пэну» за то, что

они пошли на риск с публикацией несколько необычных произведений тогда неизвестного автора, и очень рада, что «Серебряные слитки» и ее продолжение «Бронзовые тени» теперь переиздаются вместе с остальными книгами серии о Фалько в «Рандом Хаусе», где Оливер стал непререкаемым авторитетом и до сих пор занимается этой серией. Впервые все книги о Фалько будут выпущены вместе, и я с нетерпением жду нового издания моей первой книги. На этот раз мне даже позволили написать к ней предисловие!

* * *

Я всегда увлекалась чтением исторических романов, поэтому, когда сама решила писать, выбрала историческую тему. Я считала, что большая читательская аудитория с нетерпением ждет хороших романов, действие которых происходит в интересную историческую эпоху. Романы, навязывающие людям историю, ужасны и отвратительны, поэтому я сказала себе: «Остерегайся подобного занудства и пиши иначе». Присылающие мне письма читатели принадлежат к разным возрастным и социальным группам, имеют различные интересы, но их всех объединяет увлечение прошлым, которое они хотят узнать лучше. Некоторые любят знакомиться с ним, читая развлекательную литературу, другие с ностальгией вспоминают классику, которую изучали в юности. Также встречаются члены исторических кружков, жадные до любой информации, страстно и живо интересующиеся выбранным периодом. Есть молодые люди, профессионально изучающие древнюю историю, археологию или языки, для них чтение романов на серьезно изучаемые темы — настоящий отдых. Все, кому интересен Фалько, ищут просто «хорошее чтение». Любители художественной литературы хотят эскапизма (ухода от действительности), а один из способов добиться этого — перенестись в другой мир, будь то волшебный мир фэнтези, приключения или историческое прошлое. С самого начала работы над серией я видела, что могу одновременно охватить все три указанных направления.

Как будущая писательница о вымышленном, воображаемом и историческом Древнем Риме, я вначале решила написать «настоящий»

исторический роман (по крайней мере, самый «исторический» из всего, что я когда-либо напишу). Он был посвящен долгой любовной связи Антонии Кениды и Веспасиана. Много лет спустя этот роман опубликуют под названием «Путь чести», хотя после его написания я думала, что его прочитают только члены моей семьи и самые близкие друзья.

Требовалось новое направление. Во время изучения Рима Цезарей у меня внезапно промелькнула мысль, что неплохо было бы отправить типичного частного детектива из современной литературы на две тысячи лет назад в прошлое и заставить его работать среди античных портиков и опасных темных переулков Вечного города. Вначале я восприняла идею как шутку, но место действия показалось мне очень интересным: здесь найдется поле деятельности и для положительных персонажей, и для отрицательных — с жульничеством, мошенничеством и плетением интриг. Это могло бы получиться увлекательно. Эпоха после правления Клавдия, самые славные годы Империи, респектабельное общество и хорошо управляемое государство давали возможность показать людей, которые продвигаются вверх путями законными и не очень. То же относится и к классическим сыщикам: информатор (delator) должен быть хитрецом, умницей, ловкачом и пронырой, полагающимся на свой ум и кулаки, при этом его непременно будут презирать за выбранную карьеру.

Архитектура Древнего Рима позволяет ему жить на верхнем этаже здания, в квартире, которая одновременно служит и конторой для приема клиентов. Жилые дома Рима были плохо построены и часто становились опасными, поскольку, как мы знаем от древних сатириков, их сдавали нечестные домовладельцы. Дома состояли из маленьких, битком набитых людьми одинаковых каморок, в которых на всех этажах ютились бедняки. В таком же муравейнике живет Фалько, и к нему попадают самые разные личности, чтобы сделать сомнительные предложения или же нанять его на плохо оплачиваемую работу. В *vigiles*, или ночной страже, которая действовала и как пожарная служба, и как полиция, у нашего героя есть друг, представитель официальной власти. Наличие подобных незаменимых старых друзей и связных обязательно для всех успешных частных детективов.

Поскольку мой герой не читал книг о современных «коллегах», он не знает многих правил, которых ему требуется следовать. Например, Фалько любит женщин, но никто никогда не говорил ему, что нельзя после любовной связи их просто бросать. Во время каждого приключения Фалько развлекается с новой красоткой, но ему никогда не приходится сталкиваться с разъяренным отцом или рисковать получением извещения на выплату алиментов. Я не хочу пересказывать роман и поэтому не стану говорить, что он делает вместо этого. Вышло так, как даже я не ожидала, а уж он от себя и подавно...

Я знаю много способов для уничтожения и опровержения стереотипов, в особенности, если делать это с юмором. Классический частный детектив — это одиночка, прошлое которого дается набросками, туманно, обычно это военная служба на последней войне. Можно намекнуть, что он показал себя там героем, дабы мы верили в его умение побеждать. Крепкий, сильный, обладающий умом и не лишенный цинизма мужчина обычно одинок, у него нет семьи, в лучшем случае за плечами — бурный развод, но о родителях, братьях и сестрах, родном городе и детстве ничего не известно. Мне показалось, что Фалько нужно сделать полной противоположностью этому образу, подарить ему шумную итальянскую семью с бушующими страстями, которую возглавляет прямолинейная мать, — этакий буйный матриарх, правящий в патриархальном обществе. Мужчина в Риме имел определенные обязанности перед семьей, и я хотела, чтобы у моего героя они были, несмотря на то, что он всеми силами пытается от них уклониться. Откуда я могла знать, что это станет столь популярно? У моего героя много проблем, ему досаждают родственники, но у него есть верные друзья, изобретательные враги и соседи, которые действуют на раскаленных улицах Авентина и вокруг него. Для многих читателей все они стали любимыми литературными персонажами. Людям понравился главный герой и его поступки. Я получаю огромное удовольствие, ведя учет все увеличивающегося количества персонажей и их любопытных жизненных перипетий. Постоянные герои, многих из которых новые читатели встретят в «Серебряных слитках», приобрели страстных поклонников, которые часто поддерживают даже самых больших распутников и безнравственных личностей. Даже у животных теперь есть

почитатели. Меня горячо осуждают, если я вдруг не упоминаю чьих-нибудь любимцев.

Написание исторических романов дало мне явные преимущества. Экзотический антураж, а также природа и географические реалии мгновенно оживляют роман и делают более глубоким. Мне доставляет удовольствие исследовательская работа независимо от того, где и с чем приходится работать — с книгами, в музеях, на местах археологических раскопок или путешествовать. В процессе написания серии я побывала в Италии, Испании, Германии, Сирии и Ливии, и это, не упоминая уголки Великобритании, которые я не посещала ранее. Появляется определенная ответственность: не вижу смысла писать о прошлом, если не можешь представить его настолько реально, насколько в состоянии сделать это в настоящем. Я пытаюсь быть точной, в противном случае стоит создавать свой собственный мир и писать научную фантастику или фэнтези. Но я пишу художественную литературу, и пишу быстро, отвечая на читательский спрос. Иногда я позволяю себе вольности и использую новаторский подход, поэтому в текст могут закрасться ошибки. В «Серебряных слитках» из-за неопытности не все сюжетные линии были доведены до конца, некоторые слова выбраны неудачно. В этом, новом, издании мы исправили огрехи (нет, перечислять их я не стану!).

За двенадцать лет писательской деятельности я многое узнала и надеюсь совершенствоваться и дальше. Наука тоже движется вперед. Когда-то британские археологи называли найденные кусочки свинца «слитками». Это относилось как к определенно выплавленным чушкам, так и к обломкам, происхождение которых не всегда понятно. Теперь (возможно, это получилось из-за интереса к данной книге) ведутся дискуссии о том, как же на самом деле получились эти кусочки — расплавленный металл остывал слишком быстро и не успевал заполнять все желобки? На настоящих выплавленных чушках должны были остаться метки в том месте, где их отсекали. По размышлению кажется маловероятным, что серебряные и свинцовые слитки, которые мы видим в музеях, отливались в отдельных формах, поэтому, возможно, Фалько ошибается, когда описывает процесс получения слитков Петронию. Впрочем, мой герой не безупречен и не без греха, но мне самой эта сцена всегда нравилась. Она прекрасно демонстрирует взаимоотношения персонажей. Я заговорила о теме

слитков не случайно: она показывает, с какими проблемами автор сталкивается даже после публикации романа, пытаюсь учесть все последние находки и изыскания. Подумав, я решила не менять сцену разговора героев, более того я убеждена, что название книги тоже нельзя менять хотя бы потому, что «Серебряные формы» ассоциируется... с формочками для бланманже!

Я признаю ошибки и, если могу, исправляю их позже. Отдавая книгу в печать, я становлюсь мишенью «помощников», людей, которые считают своим долгом указать на мои ошибки. Когда-то я на это обижалась, но теперь просто думаю, что писателю, рассказывающему о преступлениях, полезно понаблюдать за скрытыми мотивами в общем-то приятных людей.

Мне кажется, что художественная литература, не предназначенная для того, чтобы ее воспринимали слишком серьезно, в конечном счете имеет ценность только как занимательное повествование. Верят ли читатели в мир Фалько и его действия? Некоторым трудно совершить скачок воображения, но в целом — да, верят. Ни один автор не в состоянии удовлетворить вкусам всех читателей и всем угодить. Я стараюсь думать не о скептиках и педантах, выискивающих недостатки и скрупулезно ко мне придирающихся, а думать о вере и увлеченности тех, кого интересуют мои книги.

К счастью, последних больше. С момента появления «Серебряных слитков» я начала получать немало восхищенных откликов читателей, многие из которых мне искренне благодарны. Мне приносит большую радость то, что многим, похоже, кажется, будто они пишут другу, и часто начинают письмо словами: «Я никогда раньше не писал автору...» После первой книги серии пришло письмо от моего официального поклонника «номер один». Его зовут Найджел Алефаундер, он преданно поддерживает меня, хотя и смущается при упоминании своей жизненно важной роли. Найджела забавляют, интригуют и очаровывают римляне, тем не менее, он всегда очень трезво подходит к тому, для чего этот вид литературы предназначен на самом деле.

Я должна сказать, что читатели серии книг о Фалько — удивительно приятные люди, и писать для них — одно удовольствие. Это вдохновляет, и, хотя я не могу подчиниться просьбам «писать быстрее», могу пообещать не останавливаться, по крайней мере, какое-

то время. Я надеюсь, что некоторые из вас, читая эту книгу, впервые познакомятся с Фалько и Еленой и начнут с этого романа чтение серии, которая будет продолжаться. Добро пожаловать! А старых друзей я приветствую снова и, как всегда, спасибо за ваше доверие и преданность.

Линдсей Дэвис

Лондон, март 2000 года

ЧАСТЬ I

Глава 1

Рим, лето — осень 70 года н. э.

Когда я увидел девушку, бегущую вверх по ступенькам, то подумал, что на ней слишком много одежды.

Был конец лета. Рим напоминал скворчащий на сковороде блин. Люди расшнуровывали обувь, но не могли ее снять: даже слону не удалось бы пройти по улице босиком. Обнаженные до пояса горожане плюхались на стулья в затененных дверных проемах, широко разводя голые колени, а на дальних улочках в районе Авентина, где я жил, так делали и женщины, только женщины.

Я стоял на Форуме. Она бежала. Девушка надела на себя слишком много одежды и опасно покраснелась, но ее еще не хватил солнечный удар, и она не задохнулась. Девушка покрылась липким потом и блестела, напоминая тарелку с залитым глазурью печеньем. Когда она взлетела по ступеням храма Сатурна и устремила прямо на меня, я не сделал попытки отодвинуться в сторону. Она пролетела мимо, едва меня не задев. Некоторые мужчины рождаются счастливыми, других называют Дидий Фалько.

Когда незнакомка приблизилась, я снова подумал, что ей было бы лучше не надевать столько туник, только поймите меня правильно. Я люблю, когда на женщинах что-то надето — тогда я могу надеяться на шанс это что-то снять. Если же на них ничего нет, я впадаю в уныние, потому что они либо только что разделись для кого-то еще, либо, если учитывать мою работу, уже мертвы. Эта была явно жива, причем полна жизни и энергии. Возможно, в богатом особняке, облицованном мрамором, с фонтанами, садами и затененными двориками, отдыхающей молодой девушке было бы и не жарко даже в тяжелых дорогих одеждах, гагатовых и янтарных браслетах, обвивающих руку от запястья до локтя. Но если она оттуда поспешно выбежит, то сразу же об этом пожалеет, просто растает от жары, а эти изысканные одежды прилипнут ко всем частям ее стройного тела, а волосы, спадающие дразнящими локонами, приклеятся к шее. Ступни будут

скользить по влажным внутренним частям сандалий, струи пота польются по теплой шее в манящие ложбинки подо всей этой изысканной одеждой...

— Простите меня... — выдохнула девушка.

— Простите меня!

Она сделала вокруг меня вираж, я вежливо отступил в сторону. Она увернулась — я увернулся. Я пришел на Форум на встречу с банкиром, отчего был угрюм и мрачен. Я встретил это запыхавшееся создание с интересом человека, которому нужно, чтобы его избавили от проблем.

Девушка оказалась маленькой и худенькой. Я предпочитаю высоких, но был готов пойти на компромисс. Она была опасно молодой. В то время я увлекался более зрелыми женщинами, но ведь эта тоже вырастет, и я определенно могу подождать. Пока мы отплясывали на ступеньках, девушка в панике обернулась назад. Я восхитился красотой ее плеча, прищурился и сам взглянул в ту же сторону и остолбенел.

Их было двое. Две тупые уродливые горы плоти, два типа, место которым в тюрьме, два широкоплечих высоченных головореза проталкивались к ней сквозь толпу и уже находились всего в десяти шагах. Малышка явно была в ужасе.

— Уйди с дороги! — умоляюще сказала она.

Я задумался, что делать.

— Какие у тебя плохие манеры! — произнес я задумчиво-укоризненно. Головорезы тем временем оказались уже в пяти шагах.

— Уйдите с дороги, господин! — закричала девушка. Она была безупречна.

Жизнь на Форуме шла, как обычно. Слева от нас находился архив и возвышался Капитолий, справа — суды, а дальше, вниз по Священной дороге, — храм Кастора. Напротив, за белой мраморной ростральной трибуной находился Сенат. Все портики были заполнены мясниками и ростовщиками, все открытые места — запружены потными толпами, в основном мужчин. На площади раздавались ругательства рабов, которые пересекали ее то в одну, то в другую сторону, напоминая плохо организованный военный парад. В воздухе сильно пахло чесноком и помадой для волос.

Девушка отскочила сторону, я устремился туда же.

— Вам подсказать, куда идти, юная госпожа? — желая помочь, спросил я.

Она была в отчаянии и не могла притворяться.

— Мне нужна местная магистратура.

Три шага. Варианты выбора быстро заканчивались. У нее изменилось выражение лица.

— О, помогите мне!

— С удовольствием.

Я взял ситуацию в свои руки. Как только первый головорез сделал выпад, я быстро одной рукой оттолкнул девушку в сторону. Вблизи эти типы выглядели еще большими гигантами, а я на Форуме не мог рассчитывать на поддержку. Я опустил подошву сапога на грудь первого головореза, затем резко выпрямил колено и услышал хруст собственного сустава. Бык пошатнулся, завалился на своего приятеля, и они полетели спиной вперед, словно допустившие ошибку акробаты. Я стал судорожно оглядываться по сторонам, чтобы каким-то образом отвлечь внимание.

Ступени, как обычно, были заполнены прилавками спекулянтов, подпольно продающих свой товар. Я подумал, не сбросить ли мне на ступени несколько дынь, но разбить фрукты — значило снизить количество жизненных средств у того, кто их выращивает. Я сам страдал от скудости этого количества, поэтому решил остановиться на изящной медной посуде. Я задел прилавок плечом, и весь товар полетел наземь. Высокий крик продавца утонул под грохотом падающих больших плоских бутылей, кувшинов для умывания и чаш, которые полетели вниз по ступеням храма. За ними в отчаянии неслись владелец и несколько добродетельных прохожих, которые явно надеялись отправиться домой с новой миленькой чашей для фруктов под мышкой.

Я схватил девушку и побежал вверх по ступеням храма. Не останавливаясь для восхищения величественной красотой Ионического портика, я протолкнул ее среди шести колонн, а затем внутрь здания. Она пискнула, я не снижал скорости. Внутри оказалось темно и достаточно прохладно, и мы поежились. Я вспотел. Это было очень старое здание, и запах оказался соответствующим. Наши быстрые шаги резко отдавались от древнего каменного пола.

— А мне позволено сюда заходить? — прошептала она.

— Постарайся выглядеть набожной. Другого пути все равно нет.

— Но мы не сможем выбраться!

Если вы что-то знаете о храмах, то поймете, что в них имеется единственный, впечатляющий вход в передней части. Если вы что-нибудь знаете о священниках, то обращали внимание на неприметную маленькую дверцу где-то в задней части, которую они обычно держат для себя. Служители храма Сатурна нас не разочаровали.

Я вывел девушку со стороны ипподрома, и мы направились на юг. Бедняжка выбралась с арены прямо в яму со львом. Я повел ее по темным переулкам, заставляя передвигаться ускоренным шагом, почти бегом, к знакомым местам.

— Где мы?

— Авентинский сектор, Тринадцатый квартал. К югу от Большого цирка, направляемся к Остийской дороге.

Это так же успокаивало, как улыбка акулы маленькую рыбешку. Мою спутницу определенно предупреждали о подобных местах. А если любившие ее старые няньки знали свое дело, то ее предупреждали и о типах вроде меня.

После того как мы перешли улицу Аврелия, я замедлил шаг во многом потому, что оказался в безопасной родной местности, но также и потому, что девушка от усталости еле стояла на ногах.

— Куда мы идем?

— Ко мне в контору.

Судя по виду, она испытала облегчение. Но ненадолго — моя контора, одновременно служившая и местом жительства, располагалась на шестом этаже неприятно сырого здания, в котором стены держались только благодаря скрепляющей их грязи и мертвым клопам. До того как кто-то из моих соседей смог оценить ее одежду, я повернул девушку с грунтовой дороги, для которой название дороги было слишком громким, а затем завел ее в прачечную Лении, предназначенную для низших классов.

Услышав голос Смаракта, моего домовладельца, мы резво выскочили назад, на улицу.

Глава 2

К счастью, он уходил. Я завел девушку в портик плетенщика корзины и наклонился к ней, пытаясь справиться со шнурками на левом сапоге.

— Кто это? — прошептала она.

— Кусок местных отбросов. — Я избавил ее от речи о владельцах недвижимости, которые являются истинными паразитами и обижают бедных, но смысл она уловила.

— Он — ваш домовладелец!

Умница.

— Он ушел? — спросил я.

Она кивнула.

— Пять или шесть тощих гладиаторов вместе с ним? — уточнил я, не желая рисковать.

— С подбитыми глазами и в грязных бинтах.

— Тогда пошли!

Мы пробрались сквозь мокрую одежду, которую Лени разрешали сушить на улице. Приходилось постоянно отворачиваться, чтобы мокрые тряпки не били нас по лицу. Потом мы вошли в помещение.

* * *

Прачечная Лени. В лицо ударил пар, от которого мы чуть не рухнули на пол. Мальчишки, работавшие в прачечной, стояли в лоханях с горячей водой и топтали белье. Вода доходила им до маленьких потрескавшихся коленок. Было очень шумно, слышался плеск белья, топот ног, глухие удары, звон котлов, ударяющихся друг о друга, — и все это в небольшом замкнутом пространстве, где звуки еще и повторялись эхом. Прачечная занимала весь первый этаж, а также задний двор.

Нас встретили насмешки неряшливо одетой, обутой в стоптанные сандалии владелицы. Ления, вероятно, была младше меня, но выглядела на сорок. У нее было усталое, изможденное лицо, а через край корзины, которую она несла, свешивался отвислый живот. Из-под выгоревшей ленты, охватывающей голову, выбивались пряди вьющихся волос. При виде моей красавицы Ления расхохоталась грудным смехом.

— Фалько! А твоя мать позволяет тебе играть с маленькими девочками?

— Красавица, да? — я говорил вкрадчиво, при этом мое лицо приняло слащаво-учтливое выражение. — Я заключил неплохую сделку на Форуме.

— Ты не очень-то увлекайся, — насмешливо заметила Ления. — Смаракт велел намекнуть: или платишь, или его мальчики с трезубцами займутся кое-какими нежными частями твоего тела.

— Если он желает вывернуть наизнанку мой кошель, то ему следует представить счет в письменном виде. Скажи ему...

— Скажи ему сам.

Ления проявляла ко мне благосклонность, я, возможно, ей даже нравился, но она никогда не влезала в мои дела с домовладельцем. Смаракт демонстрировал Ленину определенные знаки внимания, но в настоящее время она сопротивлялась, поскольку любила независимость. Однако, будучи предприимчивой деловой женщиной, она никогда не отметала все возможные варианты. Смаракт был мерзким и подлым. Я считал, что Ления сошла с ума, и высказал все, что думаю по этому поводу. В ответ Ления заявила мне, чтобы не лез не в свое дело.

Ее беспокойный взгляд снова переместился на мою спутницу.

— Новая клиентка, — похвалился я.

— Правда? Она платит тебе за опыт или ты платишь ей за удовольствие?

Мы обернулись, чтобы осмотреть девушку.

На ней была тонкая белая нижняя туника, скрепленная на плечах голубыми зажимами из эмали. Поверх она надела длинную тунику без рукавов, перехваченную поясом из сплетенных золотых нитей. Вышивка украшала грудь и подол, а также шла широкими полосами по всему переду. Судя по прищуренным водянистым глазам Ленини, я мог сказать, что мы наслаждаемся видом очень качественной одежды. Каждое аккуратное маленькое ушко моей богини украшала петелька с крошечными стеклянными бусинками. На ее шее висела пара цепочек, на левой руке красовались три браслета, на правой — четыре. Пальцы унизывало множество колец в форме узелков, змей и птичек с длинными перекрещивающимися клювами. Мы могли бы продать все эти девичьи украшения и получить больше, чем я заработал за весь

прошлый год. А сколько владелец борделя мог бы отстегнуть нам за симпатичную девчонку, лучше было бы и не думать.

Она была блондинкой. Ну, она была блондинкой в этом месяце. А поскольку она вряд ли приехала из Македонии или Германии, то, вероятно, использовалась краска, и использовалась умело. Сам я никогда бы не догадался, но позднее меня просветила Ления.

Лента перехватывала мягкие волосы у основания шеи, откуда они ниспадали тремя тяжелыми локонами. У меня возникло искушение развязать эту ленту, причем руки зудели, словно после укуса осы. Конечно, она использовала косметику. Все мои сестры раскрашивали себе лица и сияли, будто недавно позолоченные статуи, поэтому я был привычен к подобному зрелищу. Мои сестры — это поразительные, но довольно грубые произведения искусства. Здесь же все было сделано более тонко, и эффект достигался незаметно, только после пробежки на жаре один глаз явно смазался. У девушки оказались карие широко расставленные глаза, милые, не коварные и не хитрые.

Ления устала глядеть на нее задолго до меня.

— Воруешь уже из колыбели! — без обиняков сказала она мне. — Пописай в ведро перед тем, как вести ее наверх.

Ления не просила меня сдать анализ мочи для уточнения болезни — кражи детей из колыбели. Это была просьба гостеприимной соседки с деловым подтекстом.

* * *

Мне придется кое-что объяснить насчет ведра и чана для отбеливания. Прошло немало времени, и я объяснял то же самое одной знакомой. Мы обсуждали, что прачки используют для отбеливания ткани.

— Разведенный в воде древесный пепел? — неуверенно предположила моя знакомая.

Они на самом деле используют пепел. Они также применяют соду, сукновальную или валяльную глину и мягкую белую трубчатую глину для обработки великолепных нарядов кандидатов на выборах. Но тоги, которые издавна носят в нашей империи, очень эффективно отбеливаются при помощи мочи, которую собирают в наших

общественных уборных. Император Веспасиан, всегда быстро соображающий, где еще выжать деньги, и все время придумывающий новые способы их выжимания, быстро наложил налог на эту торговлю продуктами человеческой жизнедеятельности. Ления платила налог, хотя из принципа постоянно пополняла запасы бесплатно всякий раз, когда ей это удавалось.

— Как я предполагаю, в сезон овощей, когда все едят свеклу, половина тог на Форуме окрашивается розовым? — заметила женщина, которой я это рассказывал. — Они их прополаскивают?

Я пожал плечами, давая преднамеренно уклончивый ответ. Я не стал бы упоминать эти не совсем приятные детали, но в конце концов чан Лении, использовавшийся для отбеливания, оказался крайне важен для нашего рассказа.

* * *

Поскольку я жил на шестом этаже в коморке, оснащенной не лучше, чем какие-либо другие трущобы в Риме, ведро Лении давно стало моим добрым другом.

Ления повернулась к моей гостье.

— Девушкам — за лестницу, дорогая, — сказала она добрым голосом.

— Не смущай мою утонченную клиентку, Ления! — я покраснел вместо нее.

— На самом деле мне пришлось поспешно уйти из дома...

Утонченная, но в отчаянии. Клиентка проскользнула мимо шестов, на которых были вывешены сухие вещи из ткани с начесом. Шесты продевались в рукава и закреплялись на специальных стержнях. Над ворсом будут работать позднее. Дожидаясь возвращения девушки, я заполнил ведро обычной нормой и поговорил с Ленией о погоде. Обычная пустая болтовня.

Через пять минут я больше не мог говорить о погоде.

— Исчезни, Фалько! — поприветствовала меня девушка, занимающаяся начесом, когда я выглянул из-за развешанной сухой одежды.

Моей клиентки не было. Если бы она была менее красивой, я мог бы смириться с пропажей. Но девушка отличалась исключительной привлекательностью, и я не видел оснований расставаться с такой невинностью в пользу кого-то еще. Ругаясь себе под нос, я пронесся мимо гигантских прессов и выскочил во двор прачечной.

Там стояла печь, на которой грели колодезную воду для стирки. Над некоторыми жаровнями с горячей серой была развешана одежда, которой требовалось дополнительное отбеливание. Какой-то таинственный химический процесс и дым обеспечивали это отбеливание. Несколько молодых людей засмеялись при виде меня, что привело меня в ярость, пахло там отвратительно. Девушки не было. Я перескочил через ручную тележку и быстро понесся по переулку.

Она проскочила мимо емкостей с ламповой сажей, использовавшейся красильщиками, смело обогнула навозную кучу и уже дошла до середины клеток с птицей, в которых перед завтрашним рыночным днем отдыхали гуси с большими ногами и понурый светло-вишневый фламинго. При моем приближении девушка резко остановилась. Путь ей загородил веревочник и уже расстегивал ремень, обхватывающий его дюжее тело (весом восемнадцать стоунов), чтобы было легче ее насиловать. Насилие в наших местах осуществлялось с небрежной грубостью и жестокостью, которые считались оценкой женских форм. Я вежливо поблагодарил веревочника за то, что присмотрел за моей клиенткой. Затем, не дожидаясь того, как кто-то из них смог бы начать со мной спор, я вернул ее назад.

Это была клиентка, контракт с которой придется заключать силой, привязывая ее к моему запястью длинной веревкой.

Глава 3

После гула Форума и суматохи римских площадей моя квартира казалась благословенно тихой, хотя негромкие звуки доносились с улицы вниз. Время от времени сквозь красную черепичную крышу можно было услышать пение птиц. Я жил на самом верхнем этаже. Мы добрались до моей каморки, как и все посетители, сильно запыхавшись. Девушка остановилась, чтобы прочитать надпись на керамической табличке. В табличке вообще-то не было

необходимости, потому что никто не пойдет на шестой этаж, не зная, кто там живет. Но я пожалел странствующих торговцев, которые все-таки поднимались, дабы убедить меня в необходимости рекламы. Они считали, что она поможет ремеслу, впрочем, ничто никогда не помогает моему ремеслу, но не в этом дело.

— М. Дидий Фалько. «М» стоит вместо Марка. Мне называть тебя Марком?

— Нет, — ответил я.

* * *

Мы вошли.

— Больше ступеней, ниже арендная плата, — объяснил я с унылым видом. — Я жил на крыше до тех пор, пока голуби не стали жаловаться, что я занимаю слишком много места на черепице...

Я обитал на полпути к небу. Девушка была очарована. Она явно привыкла к просторным хорошо обставленным комнатам не выше первого этажа, с собственными садами и выходом к акведукам, поэтому, вероятно, не замечала недостатков моего орлиного гнезда. Я опасался, что фундамент рухнет и шесть жилых этажей обвалятся, подняв столбы пыли и штукатурки, или однажды я не услышу сигнал пожарной тревоги и зажарюсь в своей коморке.

Девушка направилась на балкон. Я позволил ей побыть там одной, потом присоединился, по-настоящему гордый открывающимся видом. По крайней мере, вид был сказочным. Наш дом стоял достаточно высоко на Авентине, и можно было видеть соседей вплоть до моста Пробия. Можно было шпионить на много миль, рассмотреть, что происходит за рекой, в квартале за Тибром, вплоть до Яникула и западного побережья. Лучше всего было по ночам. Все звуки обострились, после того как грузовые повозки с товарами прекращали грохотать. Слышался плеск воды о берега Тибра и звук копий, втыкаемых в землю императорской стражей на Палатине. Девушка глубоко вдохнула теплый воздух, насыщенный городскими запахами готовящейся еды, жаровен и паникадил, а также ароматом пиний из публичных садов на Пинции.

— О, как бы мне хотелось жить в каком-то месте, подобному этому... — Вероятно, она заметила выражение моего лица. — Я была обречена как ребенок, с которым все носятся! Ты думаешь, будто я не вижу, что у тебя нет воды, тепла зимой, нет печки и тебе приходится покупать горячую пищу...

Она была права. Я именно так и подумал.

— Кто ты? — резко спросила она более тихим голосом.

— Ты же прочитала: «Дидий Фалько», — наблюдая за ней, ответил я. — Я — частный информатор.

Девушка на мгновение задумалась, потом выпалила:

— Ты работаешь на императора!

— Веспасиан ненавидит информаторов. Я работаю на печальных мужчин средних лет, которые считают, что их хитрые жены спят с возницами колесниц. Есть еще более грустные, которые знают, что их жены спят с их племянниками. Иногда я работаю на женщин.

— А что ты делаешь для женщин? Или неприлично спрашивать?

Я рассмеялся.

— То, за что они платят! Что угодно!

Я не стал ничего уточнять.

Я вернулся в комнату и быстро убрал кое-какие вещи, которые не хотел бы ей демонстрировать, затем принялся за приготовление ужина. Через некоторое время она тоже вернулась с балкона и осмотрела жалкую дыру, которую сдавал мне Смаракт. Это было оскорбление за цену, которую он требовал, впрочем, платил я редко.

В первой комнате могла развернуться только собака, причем тощая и с поджатым хвостом. У меня был шатающийся стол, косая скамья, полка с посудой, очаг из сложенных рядами кирпичей, на котором я готовил, рашпер, пустые кувшины для вина и полная мусорная корзина. Из первой комнаты был выход на балкон, куда можно было выбраться, устав наступать на тараканов. Второй дверной проем, завешенный шторой в яркую полоску, вел в спальню. Вероятно, девушка почувствовала, что скрывается за занавеской, и не стала спрашивать.

— Если ты привыкла к пирам, которые растягиваются на всю ночь и состоят из семи блюд — от яиц в рыбном соусе до замороженного шербета с фруктами и орехами, выкопанного из ледника, предупреждаю: по вторникам мой повар навещает бабушку.

У меня не было повара, вообще не было рабов. Моя клиентка опечалилась. — Пожалуйста, не беспокойся. Я смогу поесть, когда ты отведешь меня домой...

— Пока ты никуда не уходишь, и я не знаю, когда и куда тебя верну. А теперь ешь!

Мы ели свежие сардины. Мне хотелось бы предложить что-то более изысканное, но сардины оставила женщина, которая взяла на себя обеспечение моего обеда. Я приготовил холодный сладкий соус, чтобы оживить рыбу, — мед, немного одних специй, щепотку других. В общем, как обычно. Девушка наблюдала за мной так, словно никогда в жизни не видела, как кто-то толчет любисток и розмарин в ступке. Возможно, она на самом деле никогда не видела.

Я закончил трапезу первым, затем поставил локти на край стола и склонился вперед, наблюдая за девушкой с честным и вызывающим доверие лицом.

— А теперь расскажи все дяде Дидию. Как тебя зовут?

— Елена.

Я так старался выглядеть честным, что не заметил внезапно появившуюся у нее на лице краску. Это должно было подсказать мне, что жемчуг в раковине поддельный.

— Ты знакома с этими варварами, Елена?

— Нет.

— И где они тебя прихватили?

— У нас дома.

Я тихо присвистнул. Это меня удивило.

Вспомнив о них, девушка явно испытала негодование, а от этого стала более разговорчивой. Они схватили ее среди бела дня.

— Эти люди смело позвонили в дверной колокол, проскочили мимо стоявшего у двери слуги, пролетели по дому и вытащили меня на улицу. Там они засадили меня в паланкин и побежали по улице! Когда мы добрались до Форума, им пришлось снизить скорость из-за толп людей, поэтому я выпрыгнула и бросилась прочь.

Они достаточно напугали ее, чтобы она молчала, но явно недостаточно, чтобы сломать.

— Ты представляешь, куда они тебя тащили?

Она не знала.

— А теперь не волнуйся! — успокоил я девушку. — Скажи мне, сколько тебе лет?

Ей оказалось шестнадцать. О, Юпитер!

— Замужем?

— Я выгляжу как замужняя женщина?

Она выглядела, как та, которая вскоре должна ею стать!

— У папы есть какие-то планы? Может, он уже заметил какого-нибудь хорошо воспитанного офицера, вернувшегося из Сирии или Испании?

Ее, похоже, заинтересовала эта мысль, но она покачала головой. Я придумал замечательный способ удержать эту красотку и постарался выглядеть еще более честным и надежным.

— Кто-то из папиных друзей рассматривал тебя слишком откровенно? Мама представляла тебя достойным сыновьям своих подруг детства?

— У меня нет матери, — тихо перебила она.

Последовала пауза, во время которой я размышлял над ее странной формулировкой. Большинство людей сказали бы: «Моя мать умерла». Я решил, что ее благородная мамочка пребывает в добром здравии, только ее, вероятно, застали в постели с рабом, после чего последовал позорный развод.

— Прости меня — профессиональный вопрос. Есть у тебя какой-то почитатель, о котором не знает семья?

Внезапно она расхохоталась.

— О, прекрати говорить глупости! Нет никого подобного!

— Ты очень красивая девушка, — настаивал я, потом быстро добавил, — конечно, со мной тебе нечего бояться.

— Я вижу! — сказала она.

На этот раз огромные карие глаза внезапно блеснули. Я с удивлением понял, что меня поддразнивают.

Кое-что было блефом. Она сильно испугалась, а теперь старалась показать себя смелой, и чем смелее она становилась, тем привлекательнее выглядела. Красивые глаза смотрели в мои, в них плясали хитрые огоньки. А у меня возникли серьезные проблемы...

Очень вовремя перед дверью снаружи послышались шаги, а потом постучали уверенно и нагло, как могут стучать только представители закона.

Глава 4

Представитель закона восстанавливал дыхание после подъема по лестнице.

— Заходите, — крикнул я. — Не заперто.

Он зашел и рухнул с другой стороны скамьи.

— Присаживайся, — предложил я уже после этого.

— Фалько! Негодник! Это шаг вперед.

По его лицу медленно расплылась улыбка. Петроний Лонг, начальник стражи в Авентине. Крупный, спокойный мужчина сонного вида, которому доверяют люди. Возможно, потому что он так мало говорит.

Мы с Петронием знакомы очень давно. Мы в один и тот же день пошли в армию и познакомились в очереди желающих дать клятву императору. Потом мы выяснили, что выросли всего в пяти улицах друг от друга. Семь лет делили одну палатку. А когда вернулись домой, у нас оказался еще один общий пункт в биографии: оба мы считались ветеранами Второго легиона Августа в Британии. И не только это. Мы также были ветеранами легиона, служившими в период восстания Боудикки против Рима. Поэтому после ужасного выступления Второго легиона мы оба ушли из армии на восемнадцать лет раньше положенного срока и нас связывала общая тема, которую мы никогда не хотели обсуждать.

— Верни глаза на место, — сказал я ему. — Нечего тут пялиться. Ее зовут Елена.

— Приветствую, Елена. Какое красивое имя! Фалько, где ты ее нашел?

— Она участвовала в забеге вокруг храма Сатурна.

Я выбрал именно этот простой, четный ответ, поскольку нельзя было полностью исключать, что Петроний не в курсе случившегося. Кроме того, я хотел, чтобы девушка знала, что имеет дело с мужчиной, который говорит правду.

Я представил начальника стражи моей ослепительной клиентке.

— Петроний Лонг, возглавляет стражу в нашем квартале. Самый лучший стражник.

— Добрый вечер, господин, — ответила она.

Я горько рассмеялся.

— Нужно начать работать в местном управлении, и тогда женщины станут называть тебя господином! Дорогая, нет необходимости все преувеличивать.

— Не обращайтесь внимания для этого хитреца. Он вечно все запутывает и усложняет, — с легким укором сказал Петроний, который держался свободно и заинтересованно ей улыбался. Этот интерес в его глазах мне не очень понравился.

Елена улыбнулась Лонгу в ответ.

— Мы, мужчины, хотим посплетничать над вином, — вставил я, не вдаваясь в подробности. — Иди в спальню и подожди меня там.

Она бросила на меня удивленный взгляд, но послушалась. Вот преимущество либерального образования. Эта девушка знала, что живет в мире мужчин. Кроме того, она обладала хорошими манерами, и находилась в моем доме.

— Прелестна! — одобрил Петроний тихим голосом.

У него есть жена, которая почему-то его обожает. Он никогда о ней не рассказывает, но, вероятно, заботится. Петроний как раз относится к типу мужчин, которые заботятся о жене. У него три дочери и, как хороший римский отец, он становится очень сентиментальным при упоминании его девочек. Относится он к ним очень трепетно, и я жду приближения дня, когда Туллианская тюрьма будет забита испуганными молодыми парнями — щенками, посмеявшимися бросить похотливый взгляд на дочерей Петрония. Я достал два кубка для вина, они выглядели чистыми, но я протер предназначенный для Петрония подолом своей туники перед тем, как поставить на стол. В дыре под половицей, служившей винным погребом, у меня хранилась кое-какая испанская отравка — подарок благодарного клиента. Вино было темно-красным, а вкус... Создавалось впечатление, что его похитили из какой-то гробницы этрусков. У меня также нашлась старая амфора с приличным белым сетийским вином. Поскольку Петроний появился в такой неудачный момент, я колебался, что подавать: просто поставить на стол этрусское вино, раз надо что-то ставить, или все-таки остановиться на сетийском. В конце концов я остановился на сетийском, поскольку мы старые друзья и в любом случае я сам был не прочь немного выпить.

Как только Петроний попробовал его, то понял, что ему дают взятку, но ничего не сказал. Мы опустошили несколько кубков.

Наступил момент, когда разговор стал неизбежен.

— Послушай, — начал он. — Поступил сигнал о том, что сегодня утром из дома одного сенатора выкрали девчонку в юбке с золотым подолом. Не спрашивай меня, почему...

— Ты хочешь, чтобы я держал глаза и уши открытыми? — предположил я веселым тоном, хотя видел, что нисколько его не обманул. — Она наследница, да?

— Заткнись, Фалько. Позднее ее видели вместе с каким-то отвратительным типом, описание которого чудесным образом тебе подходит. Тип куда-то ее тащил. Ее зовут Сосия Камиллина, она совершенно не для тебя, и я хочу отправить ее назад, туда, откуда она пришла. И отправить до того, как какие-то помощники претора начнут ползать по всей подвластной мне территории и делать грубые замечания насчет того, как я тут управляюсь... Это она там? — он кивнул на дверь в спальню.

Я кротко кивнул.

— Наверное, она.

Мне нравился Петроний. Он хорошо выполнял свою работу. Мы оба знали, что он нашел своего потерянного котенка.

Я объяснил, как она у меня оказалась, и особо подчеркнул свою доблестную роль спасителя представительницы благородного сословия, попавшей в трудную ситуацию. При этом я сделал гораздо меньший упор (в виду более раннего замечания Петрония) на разгроме рыночных прилавков... Казалось, что лучше не ставить его перед дилеммами, решить которые ему будет трудно, и решение поставит его в неловкое положение.

— Мне придется забрать ее с собой, — заявил Петроний. Он много выпил и опьянел.

— Я сам ее отведу, — обещал я. — Сделай мне одолжение. Если ее отведешь ты, тебе скажут: «Спасибо, офицер. Вы выполнили свой долг». Если же ее приведу я, то могу получить небольшое вознаграждение. Мы его поделим.

Подмазанный хорошим вином, мой приятель Петроний становится чутким. Немногие люди так внимательно относятся к прибылям и убыткам М. Дидия Фалько.

— О-о... — он уронил кубок и с унылым видом посмотрел на него. — Это меня устраивает. Дай мне слово.

Я дал ему слово и остатки сетийского, после чего он ушел счастливым. На самом деле я не собирался ее возвращать. Ну... пока нет.

Глава 5

Я влетел в спальню, опасно раздраженный. Занавеска с шумом проехала по палке, с которой свисала. Маленькая потеряшка виновато подпрыгнула, уронив мои личные записные книжки на пол.

— Отдай мне их! — заорал я.

Теперь я на самом деле пришел в ярость.

— Ты — поэт! — воскликнула она, явно пытаюсь выиграть время. — А «Аглая — белая голубка» посвящено женщине? Наверное, они все посвящены дамам, но довольно грубы... Прости. Мне стало интересно.

Аглая была моей знакомой девушкой, но совсем не белой, и нисколько не похожей на голубку. А если уж говорить до конца, то ее вообще звали не Аглая.

Гостья продолжала смотреть на меня горящими глазами, но выглядела весьма сконфуженной, эффект оказался совсем не таким, на какой она рассчитывала, а гораздо хуже. Самые красивые женщины блекнут после того, как ловишь их на лжи.

— Сейчас ты услышишь кое-что значительно более грубое! — рявкнул я. — Сосия Камиллина? Так почему ты представилась другим именем?

— Я испугалась! — парировала она, — не хотела называть свое имя. Я не знала, что ты хочешь...

Я не стал это никак комментировать, я сам не знал.

— Кто такая Елена?

— Моя двоюродная сестра. Она отправилась в Британию. Она развелась...

— Экстравагантность или просто прелюбодеяние?

— Она сказала, что все слишком сложно и объяснить невозможно.

— А-а! — с горечью воскликнул я. Я никогда не был женат, но мог считаться экспертом по разводам. — Прелюбодеяние. Я слышал о женщинах, которых ссылают на острова за аморальное поведение, но ссылка в Британию кажется уж слишком унылой и мрачной!

На лице Сосии Камиллины появилось любопытство.

— Откуда ты знаешь?

— Я там бывал.

Из-за восстания я говорил скупно и отрывисто. В то время ей, вероятно, было лет шесть. Она не помнила большое восстание британцев, а я сейчас не собирался устраивать урок истории.

— Почему твой друг назвал тебя хитрецом, который вечно все запутывает и усложняет? — внезапно спросила девушка.

— Я — республиканец. Петроний Лонг считает это опасным.

— Почему ты республиканец?

— Потому что любой свободный человек должен иметь голос в правительстве города, в котором вынужден жить. Потому что Сенат не должен отдавать контроль над империей одному человеку пожизненно. Он ведь может сойти с ума, стать коррумпированным или аморальным — и вероятно станет. Потому что я ненавижу то, что Рим вырождается в сумасшедший дом, контролируемый несколькими аристократами. А теми, в свою очередь, манипулируют их циничные бывшие рабы, в то время как многие граждане не могут нормально заработать себе на жизнь...

Невозможно сказать, что она из этого поняла и к каким выводам пришла, но следующий вопрос девушки оказался удивительно практичным.

— А частные информаторы прилично зарабатывают на жизнь?

— Используя каждую законную возможность, они получают столько, чтобы не помереть с голоду. В хорошие дни на столе может стоять пища, дающая нам силы для возмущения несправедливостью мира...

Теперь меня понесло. Я ведь выпил столько же вина, сколько и Петроний.

— Ты считаешь мир несправедливым?

— Я знаю это, госпожа!

Сосия очень серьезно посмотрела на меня — так, словно ей стало грустно от мысли, как жестоко мир со мной так обошелся. Я тоже посмотрел на девушку, сам я не особо радовался.

Я чувствовал себя усталым и отправился в гостиную, куда через пару минут за мной последовала девушка.

— Мне снова нужно в уборную.

Я почувствовал дикое беспокойство. Такое ощущает человек, который принес домой щенка. Щенок выглядит таким милым, но внезапно хозяин понимает, что на шестом этаже у него возникают проблемы. Не паниковать не стоило. Квартира у меня спартанская, но я слежу за гигиеной.

— Так, есть несколько вариантов на выбор, — поддразнил я ее. — Ты можешь спуститься вниз и попытаться убедить Лению снова открыть прачечную, хотя работа уже закончилась. Или можешь пробежаться по улице к большой общественной уборной. Но не забудь монетку. Вход платный, а возвращаться за деньгами на шестой этаж отнимает много времени...

— Как я предполагаю, ты и твои друзья-мужчины справляете нужду с балкона? — надменно спросила Сосия.

Я изобразил на лице крайнее удивление. Я и на самом деле был несколько смущен.

— Ты знаешь, что это противозаконно? — спросил я.

— Даже не представляла, что тебя будут беспокоить законы и нарушение общественного порядка! — ухмыльнулась Сосия.

Она начинала понимать суть моей работы, вернее, уже поняла, что я собой представляю.

Я поманил девушку пальцем — она последовала за мной в спальню, где я показал ей удобства, которыми пользовался сам.

— Спасибо, — поблагодарила она.

— Не стоит, — ответил я.

Сам я опорожнился с балкона просто, чтобы доказать свою независимость.

* * *

На этот раз, когда она снова вошла в гостиную, я размышлял. Похоже, в случае с Сосией мне было труднее обычного разобраться с подоплекой похищения. Я не мог решить, упустил ли я смысл, или на самом деле знал все, что можно узнать об этом деле. Я задумался, что

представляет собой ее сенатор. Он политически активен? Сосию могли схватить, чтобы повлиять на его голосование. О боги, конечно нет! Она слишком красива. Наверняка в это дело вовлечено гораздо большее.

— Ты отведешь меня домой?

— Слишком поздно. Слишком рискованно. Я слишком пьян.

Я отвернулся, прошел в спальню и рухнул на кровать. Сосия стояла в дверном проеме, словно оставшаяся после трапезы рыба кость.

— А где я буду спать?

Я был пьян почти так же, как Петроний. Я лежал на спине и прижимал к груди свои записные книжки и был способен только на слабые жесты и глупости.

— У моего сердца, маленькая богиня! — воскликнул я, затем широко развел руки. Правда, разводил очень осторожно, по одной за раз.

Она испугалась.

— Хорошо! — ответила она. Девчонка оказалась крепким орешком. Стойкая, решительная и отважная.

Я слабо улыбнулся ей, затем занял предыдущее положение. Я сам довольно сильно испугался.

Однако я был прав. Слишком рискованно выходить на улицу с кем-то таким ценным. Не после наступления темноты. Не в Риме. Не на эти улицы, погруженные в кромешную тьму и заполненные ворами и всякими мерзавцами. Она была в большей безопасности со мной.

На самом деле была в безопасности? Кто-то потом спросил меня об этом. Я ушел от ответа. До этого дня я на самом деле не знаю, была ли Сосия Камиллина в безопасности со мной в ту ночь или нет.

* * *

— Гости спят на кушетке для чтения, — сообщил я Сосии хриплым голосом. — Одежда в деревянном ящике.

Я наблюдал за тем, как она устраивает сложный кокон. У нее получилось ужасно. Сооружение напоминало палатку, установленную новобранцами легиона. Нечто подобное бывает, когда восемь вялых сентиментальных парней в новых туниках, никогда не ходившие в

поход, впервые встают лагерем. Сосия очень долго крутилась вокруг кушетки, взяла слишком много покрывал и слишком долго их раскладывала.

— Мне нужна подушка, — наконец пожаловалась она слабым голосом, но очень серьезно, словно ребенок, который может спать только, если соблюдается определенный ритуал.

Я был счастлив от вина и возбуждения. Меня не волновало, есть у меня подушка или нет. Я завел руку за голову, выдернул собственную подушку и бросил девушке — она ее поймала.

Сосия Камиллина осмотрела мою подушку, словно по ней бежали блохи. Еще один повод испытывать негодование к господам благородного происхождения. Возможно, блохи там и обитали, но все представители живой природы были плотно защищены внутри веселенькой пурпурной наволочки, которую мне всучила мама. Мне не нравится, когда важничающие и задирающие нос девчонки с презрением смотрят на предметы моего быта, а тем более клеветают на них.

— Она идеально чиста! Пользуйся и благодари.

Сосия очень аккуратно положила подушку на край кровати. Я потушил свет. Частные информаторы, когда слишком пьяны, могут быть галантными, чтобы быть способными на что-то еще.

Спал я как младенец. Не представляю, спала ли моя гостья, вероятно, нет.

Глава 6

Сенатор Децим Камилл Вер жил в районе Капенских ворот. Этот район располагался через один от моего, поэтому я пошел пешком. По пути я встретил свою младшую сестру Майю и по крайней мере еще двоих маленьких безобразников, имена которых значатся в нашем генеалогическом древе.

Некоторые информаторы создают образ одиночек. Может, в этом-то я как раз и ошибся. Каждый раз, когда я украдкой следил за каким-то прелюбодеем в яркой тунике, я поднимал голову и видел кого-то из младших родственников. Они вытирали рукой нос и кричали через улицу, называя меня по имени. Я был в Риме хромым ослом. Наверное, я связан родственными узами с большинством людей между Тибром и

Ардейскими воротами. У меня пять сестер, и еще есть одна несчастная девушка, на которой мой брат Фест так никогда и не нашел времени жениться, тринадцать племянников и четыре племянницы, и еще несколько намечаются, что уже заметно. В этот список я не включил родственников, которых юристы именуют наследниками четвертой и пятой очереди: братьев моей матери, сестер моего отца, всех троюродных братьев и сестер детей от первого брата отчимов тетей бабушки. Мать у меня тоже есть, хотя я пытаюсь игнорировать это обстоятельство.

Я махнул безобразникам в ответ. Не стоит с ними сориться, среди наших ребят найдется парочка неплохих. В любом случае я использую этих изобретательных деток для слежки за прелюбодеями, когда сам вместо этого отправляюсь на бега.

* * *

Децим Камилл владел большим домом, который стоял на принадлежавшей ему земле среди тихих улиц, заполненных жилыми домами. Он купил право брать воду прямо из старого проходящего рядом Аппиева акведука. У него не было финансовой необходимости сдавать участок перед домом под прилавки или лавки, а верхний этаж — в наем жильцам, хотя он и делил участок желанной земли с владельцем точно такого же соседнего дома. Из этого я сделал вывод, что этого сенатора ни в коем случае нельзя считать баснословно богатым. Как и все мы, бедняга пытается поддерживать уровень жизни, положенный ему по рангу. Различие между ним и остальными нами заключалось в том, что для прохождения в Сенат Децим Камилл Вер должен был быть миллионером.

Поскольку я отправлялся в гости к миллиону сестерциев, то рискнул подставить шею под бритву цирюльника. Я облачился в поношенную белую тогу, дыры которой умело прикрыл, перебрасывая ее через плечо. Еще я надел короткую чистую тунику, свой лучший ремень с кельтской пряжкой и коричневые сапоги. Свободный гражданин, патриций, о статусе которого свидетельствует длина строя сопровождающих его рабов, правда, моем случае рабы отсутствовали.

На дверных замках сенатора красовались совершенно новые пластинки с гербами. Как только я дернул за веревку большого медного колокола, сквозь решетку на меня уставилось лицо запуганного жалкого привратника с большим синяком на скуле. Он тут же открыл дверь, здесь явно кого-то ждали. Вероятно, того же, кто вчера взрезал привратнику и утащил девушку.

Мы пересекли зал, выложенный черными и белыми плитками, с брызгающим во все стороны фонтаном и выцветшими, когда-то ярко-красными стенами, похоже, их покрывали киноварью. Камилл оказался неуверенного вида мужчиной лет пятидесяти с небольшим, он сидел в библиотеке, обложившись горой бумаг. Тут же стоял бюст императора и парочка приличных бронзовых ламп. Выглядел Камилл нормально, но на самом деле таковым не являлся. Во-первых, он оказался вежливым...

— Доброе утро. Как я могу вам помочь?

— Меня зовут Дидий Фалько. Вот моя верительная грамота, господин.

Я протянул ему один из браслетов Сосии. Он был сделан из британского гагата, который привозят с северного побережья. Браслет был выполнен в форме сжатых китовых зубов. Сосия сказала, что этот браслет прислала ее двоюродная сестра. Я знал стиль со времен армейской службы, однако в Риме подобные браслеты встречались редко.

Сенатор внимательно осмотрел браслет.

— Могу ли я спросить, где вы взяли эту вещь?

— С руки одной красавицы, которую спас вчера от двух головорезов.

— Она как-то пострадала?

— Нет, господин.

Его удачно посаженные глаза под густыми бровями смотрели прямо на меня. Волосы торчали ежиком, и хотя не были особо короткими, делали его похожим на веселого мальчишку. Я видел, как сенатор собирается с силами, чтобы спросить, чего я хочу. Я решил ему помочь.

— Сенатор, вы хотите, чтобы я ее вернул?

— Ваши условия?

— Вы представляете, кто ее схватил?

— Совершенно не представляю.

Я не думаю, что он врал, а если врал, то можно было бы восхититься его манерой речи. Говорил он как деловой человек, и в любом случае мне понравилась его настойчивость.

— Пожалуйста, назовите ваши условия.

— Просто профессиональное любопытство. Я поместил ее в безопасное место. Я частный информатор. Начальник стражи Петроний Лонг из Тринадцатого квартала может поручиться за меня...

Камилл протянул руку к чернильнице и сделал пометки в уголке письма, которое читал. Мне это тоже понравилось. Он собирался проверить.

Не оказывая давления, я предложил Камиллу нанять меня, раз он мне благодарен. Сенатор выглядел задумчивым. Я назвал свои ставки, немного надбавив из-за статуса заказчика, поскольку, если мне и дальше придется именовать его «господином», наше общение несколько растянется. Камилл продемонстрировал некоторое нежелание. Я решил, что оно вызвано тем, что он не хочет видеть меня рядом с девушкой. Но в конце концов мы договорились: я дам ему несколько советов по обеспечению безопасности дома и постараюсь что-то выяснить о похитителях.

— Возможно, вы правильно сделали, спрятав Сосию Камиллину, — сказал он. — А она в приличном месте?

— За ней присматривает моя мать, господин!

Это в некотором роде было правдой. Мать регулярно осматривала мои комнаты в поисках доказательств пребывания распутных женщин. Иногда она их находила, иногда я успевал вовремя их вывести.

Этот сенатор не был идиотом. Он решил, что кто-то должен отправиться со мной и проверить, все ли в порядке с девушкой, я же не советовал ему так делать. Какие-то неприятные типы показались в таверне напротив дома сенатора, следили за входящими в его дом. Нельзя было с уверенностью говорить, что они как-то связаны с Сосией. Молодчики вполне могли оказаться обычными ворами-взломщиками, неудачно выбравшими день для оценки потенциальной жертвы. Поскольку сенатор в любом случае показывал мне дом, мы отправились на них взглянуть.

На входной двери висел надежный деревянный замок, открывавшийся шестидюймовым трехзубчатым железным ключом, а

также четыре латунные задвижки. Также была установлена решетка, закрывавшаяся отодвигающейся планкой. Сквозь решетку привратник осматривал посетителей. На ночь дверь запиралась еще и на толстую перекладину из каменного дуба, которая подвешивалась поперек на две крепко вбитые опоры. Привратник жил в маленькой комнатке сбоку от входной двери.

— Достаточно? — спросил у меня сенатор.

Я долго смотрел на него, потом перевел взгляд на сонное воздушное создание, используемое в качестве привратника — вялого типа, которого сдует сильный порыв ветра, впустившего похитителей Сосии в дом.

— О да, господин. Система прекрасная, но позвольте мне дать вам один совет: пользуйтесь ею!

Как я видел, он понял, что я имею в виду.

Я заставил его посмотреть сквозь решетку на двух типов в таверне.

— Эти два наблюдателя видели, как я пришел. Я перепрыгну через вашу стену позади дома. Позвольте мне осмотреть дом сзади. Отправьте раба к дежурному в местном временном помещении для арестованных и добейтесь их ареста за нарушение общественного порядка.

— Но они не...

— Они его нарушат, — сообщил я ему. — Когда отряд преторианской гвардии будет их арестовывать.

Сенатор был убежден. Руководителей империи вообще так легко убедить. Сенатор обратился к привратнику, который выглядел раздраженным, но, тем не менее, отправился исполнять поручение. Я заставил Камилла Вера показать мне верхний этаж, а когда через десять минут мы спустились вниз, я снова глянул через решетку. На этот раз я увидел, как двух типов из таверны ведет по улице группа солдат. Руки у молодчиков были скручены за спиной.

Я убедился, что обращение важного гражданина к магистрату с жалобой вызывает быструю реакцию, и это радовало!

Если на единственной входной двери на фасаде дома было множество разнообразных засовов, то сзади насчитывалось семь различных входов в сад и ни единого приличного замка. Кухонная дверь открылась легко, стоило мне достать свою отмычку. Ни на одном из окон я не увидел решеток. Балкон, идущий вокруг верхнего этажа, открывал доступ ко всему дому. Элегантная голубая столовая закрывалась хлипкими раздвижными дверями, которые я без труда открыл обломком плитки с клумбы. За моей работой наблюдал секретарь сенатора. Это был худой раб, грек с горбатым носом, смотрел он надменно. Кажется, что секретари-греки просто рождаются с подобным надменным выражением лица. Я долго диктовал указания.

Я решил, что мне нравится диктовать. Мне также понравилось выражение лица грека, когда я улыбнулся на прощание, перебрался через солнечные часы, поставил для опоры ногу на ветку плюща и взлетел на стену, разделяющую участок, чтобы осмотреть соседний дом.

— Кто там живет?

— Младший брат хозяина.

Я сам был младшим братом и с удовольствием отметил, что младший Камилл — человек разумный. Он установил на каждом окне крепкие планчатые ставни, окрашенные в темно-малахитовый цвет. Оба дома облицевали стандартными плитами из лавы, верхние этажи поддерживались тонкими колоннами, вырезанными из самого обычного серого камня. Архитектор щедро украсил фронтоны скульптурами из терракоты, но к тому времени, когда потребовалось заниматься садом и выставлять там обычные статуи грациозных богинь, деньги закончились. Сад украшали одни решетки для вьющихся растений, правда, растения цвели пышно и определенно были здоровыми. Оба дома по разные стороны стены явно строились одним архитектором. Трудно сказать, почему один из них, сенаторский, казался привлекательным и словно улыбался, а дом его брата выглядел строгим и холодным. Я порадовался, что Сосия живет в улыбающемся доме.

Я долго смотрел на дом брата, не уверенный в том, что именно ищу, затем махнул греку и прошел по верху разделяющей дома стены до самого конца. Там я беспечно спрыгнул вниз.

Приземлившись в переулке за стеной сенаторского сада, я запачкался в пыли и сильно ушиб колено. Один Геркулес знает, почему я это сделал, ведь рядом имелся въезд для телег, которые доставляли продукты, с очень хорошими воротами.

Глава 7

Возвращаясь домой, я заметил, что людей и шума на улице прибавилось. Кричали торговцы, слышался стук копыт, звенели колокольчики на упряжи. Маленькая черная собака со свалывшейся плотными комками шерстью, торчавшими во все стороны, яростно облаяла меня у лавки булочника. Когда я повернулся, чтобы обругать собаку, ударился головой о кувшины, вывешенные на веревке гончаром. Этот гончар считал, что его товар следует рекламировать таким образом — кувшины выдерживали удар головой. К счастью, моя голова тоже оказалась крепкой. На Остийской дороге меня сильно задели, а потом еще и зажали чьи-то слуги-носильщики, но мне удалось отомстить, отдав ног несколько из них. В трех улицах от дома я заметил мать, она покупала артишоки. Ее губы были поджаты, а лицо выражало недовольство — верный признак, что думает она обо мне. Я юркнул за бочки с улитками, а затем отступил назад, чтобы не выяснять, на самом ли деле она обо мне думала. Похоже, мать меня не заметила. Дела шли хорошо: я подружился с сенатором, у меня появилась бессрочная работа, а что лучше всего, — Сосия.

Из мечтательного состояния меня быстро вывело приветствие двух крепких парней и заставило взвыть от боли.

— Ой! — заорал я. — Послушайте, парни, это ошибка. Скажите Смаракту, что моя арендная плата...

Я не узнал ни одного из них, но гладиаторы у Смаракта редко задерживаются надолго, если они не сбегают, то неизбежно погибают на ринге. Если же они не добиваются до ринга, то умирают от голода, поскольку у Смаракта свои представления о диете для тренирующегося гладиатора: горсть бледно-желтой чечевицы в использованной для мытья воде. Я предположил, что это два последних приобретения моего домовладельца.

Мое предположение оказалось неправильным. К этому времени моя голова оказалась зажатой под локтем первого парня. Второй

наклонился ко мне и улыбнулся. Уголком глаза я увидел часть шлема последней модели с нащечниками и привычный красный шейный платок у него под подбородком. Ребята явно были из армии. Я подумал, не сообщить ли им, что я сам старый солдат, но, если вспомнить историю моего легиона, было маловероятно, что покинувший Второй легион Августа солдат может на кого-то произвести впечатление.

— Муки совести? — прокричал тот, что был сбоку. — Тебя должно еще кое-что волновать. Дидий Фалько, ты арестован!

Арест молодчиками в красном был обыденным делом, как и требования наличных Смарактом. Более крупный из этих верзил пытался выдавить мои миндалины и действовал с ловкостью и быстротой поваренка, выдавливающего горох из стручка. Я бы попросил его остановиться, но лишился дара речи от восхищения его техникой...

Глава 8

Я чувствовал себя в караульном помещении как дома, будто находился на вечеринке, устроенной эдилом Атием Пертинаксом. Я ожидал, что меня потащат в тюрьму — Лаутумийскую, а то и Мамертинскую, если удача от меня полностью отвернулась. Вместо этого они поволокли меня на восток, в Первый квартал. Для меня это было ново и удивительно, поскольку я раньше никогда не имел никаких дел в районе Капенских ворот. Получается, я оскорбил власти за такое короткое время.

Если есть какой-то класс людей, которых я ненавижу больше всех остальных, то это эдилы. Ради провинциалов позвольте мне сказать, что в Риме за законом и порядком следят преторы, их выбирают по шесть человек за раз, и они делят между собой четырнадцать кварталов. У каждого есть помощник для выполнения вспомогательной работы — ногами. Это и есть эдилы, наглые и дерзкие молодые политики, которые впервые заняли какой-то пост на службе обществу. Таким образом они убивают время перед тем, как занять лучшие места, на которых дают больше взяток.

Гней Атий Пертинакс был типичным представителем племени, этакий коротко стриженный щенок, взбирающийся по политической

лестнице. Он надоедал мясникам требованиями мыть фасады лавок, а тут еще и избил меня. Раньше я никогда не видел его. Когда пытаюсь вспомнить происходившее, то вижу только какую-то серую полосу, наполовину скрытую потоком ослепительного солнечного света. Серая полоса — это, вероятно, утраченные воспоминания. По-моему, у него были светлые глаза и прямой острый нос, ему еще не исполнилось тридцати (то есть он был немного младше меня), а природная скупость уже отпечаталась на лице. Такие лица обычно бывают у людей, страдающих запорами.

Также присутствовал и мужчина постарше, в одежде которого я не заметил ничего пурпурного, то есть не сенатор. Он молча сидел в глубине комнаты. Этот человек обладал совершенно непримечательным лицом, которое к тому же ничего не выражало, и лысая голова. По опыту я знаю, что сидящие в углах люди — это наблюдатели. Вначале меня ждал обмен любезностями с Пертинаксом.

— Фалько! — закричал он после того, как с формальностями было быстро покончено и выяснилось, кто я. — Где девушка?

У меня была серьезная претензия к Атию Пертинаксу, хотя я об этом еще не знал.

Я придумывал грубый ответ, но сказать не успел — он приказал сержанту меня подбодрить. Я заявил, что я свободнорожденный гражданин, а избиеие гражданина является оскорблением и нарушением демократии. Оказалось, что ни Пертинакс, ни его бугаи не изучали политические науки, и без колебаний и мук совести принялись за оскорбление демократии. У меня было право подать апелляцию прямо императору, но я решил, что толку от этого не будет.

Если бы я думал, что Пертинакс впал в такую ярость из-за привязанности к Сосии, мне было бы легче вынести избияения, но мы с ним не разделяли общих чувств. Все происходящее меня беспокоило. Сенатор вполне мог передумать, отказаться от нашего контракта и донести на меня магистрату, тем не менее, Децим Камилл выглядел мягким человеком и знал (в большей или меньшей степени), где находится его пропавшая девочка, поэтому я терпел. Я был хоть и в синяках, но гордый.

— Я верну Сосию Камиллину ее семье, когда они меня попросят, и что бы ты ни делал, Пертинакс, я не верну ее никому другому!

Я увидел, как его взгляд метнулся в сторону сидевшего в углу ничем не примечательного типа. На лице мужчины появилась легкая, грустная улыбка терпеливого человека.

— Спасибо, — сказал этот тип. — Меня зовут Публий Камилл Метон. Я ее отец. Возможно, я могу попросить вас об этом сейчас.

Я закрыл глаза. Это вполне могло так и быть, никто на самом деле не объяснял мне родственных взаимоотношений сенатора и Сосии. Вероятно, это его младший брат, который живет в холодном соседнем доме. Значит, мой клиент — только ее дядя. А все права принадлежат отцу.

В ответ на дальнейшие вопросы я согласился отвести к ней отца и его очаровательных друзей.

* * *

Ления высунулась из прачечной, заинтригованная гулким топотом ног. Увидев меня под арестом, она не очень удивилась.

— Фалько? Твоя мать сказала... О-о!

— С дороги, грязный старый мочевой пузырь! — закричал эдил Пертинакс, отталкивая Лению в сторону.

Чтобы спасти его от унижения быть раздавленным женщиной, словно фрукт под прессом, я решил вмешаться.

— Не сейчас, Ления, — сказал я мягко.

После двадцати лет выжимания тяжелых мокрых тог Ления обладала большой силой, о которой не сразу можно было догадаться. Эдил мог бы серьезно пострадать. Мне хотелось, чтобы он пострадал, мне хотелось бы поддержать его, пока Ления им занимается. Мне и самому хотелось ему врезать.

Но мы практически сразу же оказались на лестнице. Визит получился коротким. Когда мы ворвались в мою комнату, Сосии Камиллины там не оказалось.

Глава 9

Пертинакс пришел в ярость, я же сильно расстроился. Отец девушки выглядел усталым. Когда я предложил ему помощь в ее

поисках, то увидел: он тоже приходит в ярость.

— Держись подальше от моей дочери, Фалько! — гневно закричал он.

Это было понятно. Вероятно, он мог догадаться о моей заинтересованности. Вероятно, он тратит немало времени на то, чтобы отгонять всяких бездельников от дочери.

— Значит, меня отстраняют от дела... — пробормотал я голосом человека ответственного, достойного доверия.

— Ты никогда по нему и не работал, Фалько! — каркнул эдил Пертинакс.

Я знал, что лучше не спорить с обидчивым политиком, в особенности если у него такое болезненное лицо и острый нос.

Пертинакс приказал своим людям обыскать мою квартиру, им требовались доказательства. При обыске не нашли даже тарелки, с которых мы ели сардины, — их кто-то помыл, но только не я. Перед тем, как уйти, люди Пертинакса превратили мою мебель в куски дерева. Когда я попробовал протестовать, один из них с такой силой врезал мне по лицу, что чуть не сломал нос.

Если Атий Пертинакс хотел, чтобы я считал его вонючей вошью с манерами помойной крысы, то преуспел в этом деле.

* * *

Как только они ушли, Ления бросилась вверх по лестнице, чтобы проверить, не поставит ли в известность Смаракта о смерти одного из жильцов. Она резко остановилась при виде моего разгромленного имущества.

— О, Юнона! Твоя комната! И твое лицо, Фалько!

Комната никогда не представляла собой ничего особенного, но своим лицом я когда-то гордился.

— Мне нужен новый стол, — простонал я остроумно. — В наши дни можно купить великолепные столы. Приличные кленовые столы длиной шесть футов, на одной единственной мраморной ножке. Он очень подошел бы к моему бронзовому канделябру...

Я обычно освещал комнату сальными свечами.

— Дурак! Твоя мать сказала...

— Избавь меня от этого! — воскликнул я.

— Как хочешь! — она отправилась прочь. На ее лице читалось: «Я просто передаю чужие послания».

Дела шли не очень хорошо. Тем не менее мой мозг оказался не полностью превращен в пыль. Я слишком беспокоился о своем здоровье, чтобы проигнорировать послание от мамы, но необходимости беспокоить Лению не было. Я и так знал, что хотела мне передать моя родительница, а, учитывая потерю моей малютки с ласкающими глаз карими очами, у меня возникло предположение о ее местонахождении.

* * *

Новости по Авентину распространяются быстро. Появился Петроний, обеспокоенный и не очень довольный. Я тогда еще вскрикивал от боли, умывая лицо.

— Фалько! Пусть твои друзья из гражданских лиц с отвратительными манерами не появляются у меня на пороге...

Он присвистнул и взял черный керамический кувшин из моей дрожащей руки и помог мне умыться. Это напоминало старые времена после тяжелой драки перед клубом центурионов в Думнониоре, но в двадцать девять все болело гораздо сильнее, чем в девятнадцать.

Через некоторое время Петроний занялся остатками моей скамьи, вернее, тем, что от нее осталось: поставил доску на два кирпича из очага, на которую меня и усадил.

— Кто это сделал, Фалько?

Я попытался рассказать ему, используя только левую сторону рта.

— Перевозбужденный эдил по имени Атий Пертинакс. Мне очень хотелось бы вспороть ему брюхо как цыпленку, и зажарить его на рашпере со всеми костями, причем на очень горячем рашпере!

Петроний зарычал. Он ненавидит эдилов еще больше, чем я. Они ему мешают, нарушают заведенный им на месте порядок, приписывают себе все заслуги, а ему потом приходится подчищать за ними все дерьмо.

Петроний поднял половицу и достал вино, но оно сильно щипало, поэтому он выпил все сам. Мы оба очень не любим, когда что-то

пропадает.

— Ты пришел в себя? — спросил он.

Я кивнул и позволил ему одному все рассказывать.

— Я проверил семью Камилла. Дочь сенатора отправилась в путешествие. Есть два сына, один служит в армии в Германии, другой протирает задницу за письменным столом утирает нос губернатору в Бетике. Твоя маленькая подружка — это дочь брата сенатора, результат замалчиваемой неосторожности. Он не женат, и не спрашивай меня, как ему это сходит с рук! Судя по данным цензора, Сосию зарегистрировали как ребенка одной из его рабынь, признанную, а потом удочеренную им. Может, ее отец просто — приличный, порядочный человек, или ее мать была более важной женщиной, и он не может назвать ее имя.

— Я с ним встречался, — выдавил я из себя нечто, напоминающее писк цыпленка. — Тонкогубый. Почему он не в Сенате, как брат?

— Обычная история. Семья смогла купить только одно место в политике. Старший сын надел пурпур, младший вместо этого отправился в торговлю. Как повезло торговле! Это правда, что ты потерял девчонку?

Я попытался улыбнуться. Это не получилось. Петроний поморщился.

— Она не потерялась. Пошли со мной, Петроний. Если она там, где я думаю, то мне требуется твоя поддержка...

Сосия Камиллина оказалась там, где я думал.

Глава 10

Мы с Петронием нырнули в выложенный плитками проход между лавками ножовщика и продавца сыров. Затем мы завернули на лестницу перед элегантной квартирой на первом этаже, которую занимал не работающий бывший раб. Этому бывшему рабу принадлежал весь дом и еще несколько других домов (они знают, как надо жить). Мы вошли в серое здание цвета графита, расположенное за Эмпорием, недалеко от реки, но не очень близко, поэтому его не заливало весной, во время наводнений. Это был бедный район, но, тем не менее, все колонны окутывали вьющиеся растения, откормленные кошки с лоснящейся шерстью спали на подоконниках, на балконах

пестрели цветы, здесь рос лук, и кто-то всегда подметал ступени. Мне это место казалось дружелюбным, впрочем, я давно его знаю.

На площадке второго этажа мы постучались в красную дверь, выкрашенную под цвет кирпичей. После оказанного на меня давления я красил ее самолично. Нас впустил крошечный субтильный раб, похожий на призрака. Мы сами нашли дорогу в комнату, где, как я знал, должны все находиться.

— Ха! Сегодня все винные лавки закрылись слишком рано?

— Здравствуй, мама, — сказал я.

* * *

Мать в кухне и следила за работой повара. Это означало, что повара нигде не было видно, но мама что-то быстро делала с овощем, орудуя острым ножом. Она трудится по принципу: если хочешь, чтобы что-то было сделано правильно, сделай это сама. Везде вокруг крутились чужие дети, втыкавшие стальные челюсти в караваи хлеба или фрукты. Когда мы появились, Сосия Камиллина сидела за кухонным столом и наслаждалась куском пирога с корицей, причем так его смаковала, что я понял: она освоилась и чувствует себя как дома. Так случается со всеми людьми, попадающими в дом моих родителей.

Где мой отец? Лучше не спрашивать. Когда мне было семь лет, он отправился поиграть в шашки. Вероятно, игра очень растянулась, потому что он до сих пор не вернулся домой.

Я поцеловал маму в щеку как хороший сын, надеясь, что Сосия это заметит, но за вместо этого за все мои старания удостоился удара дуршлагом.

Мама поприветствовала Петрония улыбкой. (Такой хороший мальчик, такая трудолюбивая жена, такая постоянная, хорошо оплачиваемая работа!) Здесь же на кухне сидела моя старшая сестра Викторина. Мы с Петронием вели себя тихо и старались не привлекать внимания сестры. Я испугался, что Викторина назовет меня Бедой перед Сосией. Я не мог представить, почему Петроний выглядит таким обеспокоенным.

— Привет, Беда, — поздоровалась сестра, потом повернулась к Петронию. — Привет, Примула!

Теперь она замужем за штукатуром, но кое в чем она совсем не изменилась с тех пор, как терроризировала Тринадцатый квартал, когда мы были детьми. Петроний в те дни не был знаком ни с кем другим из нашей семьи. Однако, как и все на много миль вокруг, знал нашу Викторину.

— Как мой любимый племянник? — спросил я, поскольку сестра держала на руках своего последнего отпрыска с плоским лицом и толстым приплюснутым носом. Более того, это лицо было сморщенным, а глаза слезились, как у столетнего старика. Он уставился на меня через ее плечо с явным презрением. Он едва ли начал ползать, но уже чувствовал обман.

Викторина устало посмотрела на меня. Она знала, что мое сердце отдано Марции, нашей трехлетней племяннице.

Моя мать успокоила Петрония миской изюма и тем временем вытягивала из него важные факты его отношений с женой. Мне удалось схватить кусок дыни, но отпрыск Викторины ухватился за него с другой стороны. У него оказалась хватка борца с Либурнии. Мы боролись несколько минут, затем я отдал кусок более сильному противнику. Мерзавец бросил дыню на пол.

Сосия наблюдала за всем происходящим огромными серьезными глазами. Предполагаю, что ей никогда не доводилось бывать в местах, где столько всего происходит одновременно, царит такой хаос, но все делается добродушно.

— Привет, Фалько!

— Привет, Сосия!

Я улыбнулся и оглядел ее так, словно желал покрыть ее золотом. Мать с сестрой обменялись насмешливыми взглядами. Я поставил ногу на скамью рядом с Сосией и принялся смотреть на нее с похотливой улыбкой сверху вниз, пока на это не обратила внимания мать.

— Убери ногу с моей скамьи!

Я снял ногу со скамьи.

— Маленькая богиня, нам с тобой нужно поговорить с глазу на глаз.

— Все, что ты хочешь обсудить, можно обсудить прямо здесь, — заявила мне мать.

Улыбавшийся больше, чем нужно, по моему мнению, Петроний Лонг сел за стол и опустил подбородок на руки. Он ждал, когда я начну. Все знали, что я не представляю, что хочу сказать.

Недовольные и возмущенные женщины несколько раз в прошлом описывали мне выражение лица моей матери, когда ей доводилось встречать накрашенных и надушенных женщин у меня в квартире. Иногда я их больше никогда не видел. Следует отдать должное моей матери: среди покоренных мною дам встречались большие ошибки.

— Что здесь происходит? — спросила моя мать у Сосии, когда обнаружила ее в моей квартире во время моей вынужденной беседы с Пертинаксом.

— Доброе утро, — ответила Сосия.

Моя мать фыркнула, отправилась в спальню, отбросила в сторону занавеску и оценила ситуацию со спальными местами.

— Так! Я вижу, что происходит. Клиентка?

— Мне не позволено говорить, — ответила Сосия.

Моя мать ответила, что она сама будет решать, что позволено. Затем она усадила Сосию за стол и дала ей поесть. У мамы свои методы. Очень скоро она вытянула из девушки всю историю. Моя мать спросила у Сосии, что подумает благородная мама девушки, а Сосия неблагоразумно ответила, что никакой благородной мамы у нее нет. Моя собственная дорогая родительница пришла в ужас.

— Так! Ты можешь пойти со мной, — объявила мама.

Сосия пробормотала, что чувствует себя здесь в безопасности. Мама посмотрела на нее своим особенным взглядом. Сосия отправилась с ней.

* * *

А теперь Петроний, будь он благословен, встрял, чтобы мне помочь.

— Пришла пора отвести тебя домой, юная госпожа! — сказал он.

Я рассказал Сосии, что меня нанял сенатор. Из этого она сделала слишком много выводов.

— Значит, он все объяснил? Я думала, что дядя Децим проявляет слишком большую осторожность...

Она замолчала, затем бросила на меня обвиняющий взгляд.

— Ты не понимаешь, о чем я говорю!

— Ну, тогда объясни мне, — мягко предложил я.

Она была очень сильно обеспокоена. Ее огромные глаза повернулась к моей матери. Люди всегда доверяют моей матери.

— Я не знаю, что делать! — умоляющим тоном произнесла Сосия.

— Не смотри на меня. Я никогда не вмешиваюсь, — ответила моя мать раздраженно.

Я хмыкнул. Мама меня проигнорировала, но даже Петроний не смог сдержаться и подавился смешком.

— О, расскажи ему про свою банковскую ячейку, дитя. Самое худшее, что он может сделать, — это украсть содержимое, — сказала моя мать.

Какое доверие! Наверное, ее нельзя винить. Мой старший брат Фест каким-то странным образом стал героем войны. Я не могу с ним соперничать.

— Дядя Децим прячет что-то важное в моей банковской ячейке на Форуме, — виновато пробормотала Сосия. — Я — единственный человек, который знает шифр, открывающий ячейку. Те мужчины пытались затащить меня туда.

* * *

Я смотрел на нее, не мигая, и заставлял ее страдать. В конце я повернулся к Петронию.

— Что ты об этом думаешь? — спросил я, не сомневаясь в ответе.

— Нужно туда сходить и взглянуть!

Сосия Камиллина вела себя очень застенчиво и робко, правда, предупредила, что нам потребуется тележка для перевоза добра.

Глава 11

На Форуме было прохладнее и тише, чем в предыдущий раз, когда я там появлялся и встретил Сосию, в особенности на длинной колоннаде, где менялы предлагали услуги нервным клиентам. Семья

Камилла осуществляла банковские операции с помощью улыбающегося вифинца, который сделал нездоровый вклад в жир на теле. Сосия прошептала цифры для идентификации своей собственности, и тип со счастливым лицом открыл ее ячейку. Она арендовала большой ящик, хотя то, что оказалось внутри, было относительно небольшим.

Крышка свалилась. Сосия Камиллина шагнула в сторону. Мы с Петронием заглянули внутрь. Ее сбережения оказались даже менее впечатляющими, чем мои. Ее дядя арендовал для нее этот ящик, что было разумным, но ей принадлежало не более десяти золотых монет и нескольких приличных ювелирных украшений, для ношения которых, по мнению ее тети, она еще не доросла. (У каждого своя точка зрения. Для меня она была достаточно взрослой.)

Интересовавший нас предмет был завернут в фетр, а потом обвязан веревками. Поскольку банкир наблюдал за нами с типичным для вифинцев любопытством, Петроний помог мне вытащить предмет, не разворачивая. Он оказался невероятно тяжелым. Нам повезло, что мы арендовали ручную тележку у мужа моей сестры, штукатура, который, как обычно, сидел без работы. (Мой зять сидел без работы не потому, что все стены Рима вдруг стали ровными и гладкими, а потому, что жители Рима предпочитают смотреть на голые плиты, чем нанимать эту наглую, ленивую свинью). Шатаясь, мы пошли прочь. Наша тележка скрипела под весом груза. Петроний взвалил на меня большую часть работы.

— Не урони его на себя! — воскликнула Сосия, что было мило с ее стороны.

Петроний ей подмигнул.

— Он не такой хрупкий, как кажется. Он тайно тренируется с гирями и поднимает тяжести в зале, где тренируются гладиаторы. Давай, напряги мускулы...

— Когда-нибудь ты должен мне рассказать, почему моя сестра Викторина называет тебя Примулой, — выдохнул я в ответ.

Он ничего не сказал, но покраснел. Клянусь, что покраснел.

К счастью, Рим — современный город, который трудно чем-то удивить. Двое мужчин с девушкой и тележкой могут запросто заползти в таверну, не вызывая интереса и комментариев. Мы прошли на затененную боковую улочку и оттуда пробрались в таверну. Я выбрал

столик в темном углу, Петроний купил несколько горячих пирожков. Нам обоим пришлось приложить усилия, чтобы поднять предмет на стол. Опустили мы его с глухим звуком. Потом мы осторожно сдвинули фетр.

— Царство Гадеса! — выдохнул Петроний.

Я понял, почему дядя Децим не хочет, чтобы новость куда-то просочилась.

* * *

Сосия Камилла не представляла, что это такое. Мы с Петронием знали, и нам стало немного не по себе, нас даже стало подташнивать. Однако Петроний, обладающий железным желудком, вонзил зубы в овощной пирог. Это было лучше, чем предаваться неприятным воспоминаниям, и я тоже принялся за еду. Мой пирог оказался с кроликом, куриной печенкой и думаю, можжевельником. Неплохо. Еще нам подали тарелку с кусочками свинины. Мы отдали ее Сосии.

— Та глухая дыра на таможенном посту в стороне от всего, — в ужасе вспоминал Петроний. — В устье Сабрины, не на нашей стороне границы. Нечего делать, кроме как считать кораклы, плывущие в тумане, и следить, не сделают ли вылазку через реку маленькие смуглые человечки. О Боже, Фалько, ты помнишь дождь?

Я помнил дождь. Долгий, монотонный дождь в Британии забываем.

— Фалько, что это? — прошипела Сосия.

— Сосия Камиллина, это серебряный слиток! — сообщила я, наслаждаясь драматизмом момента.

Глава 12

Он весил двести фунтов. Однажды я попытался объяснить знакомой, насколько он был тяжелым.

— Не намного тяжелее тебя. Ты — высокая девушка и довольно крепкая. Жениху удастся тебя поднять, перенести через порог и не успеть прекратить улыбаться глупой улыбкой...

Девушка, которую я оскорблял, впечатляла внешне, хотя ее ни в коей мере нельзя было назвать толстой. Это звучало грубо, но если вы когда-то пытались взять на руки хорошо упитанную молодую даму, то оцените мое сравнение и признаете его точным. На самом деле после того как мы поднимали этот серый кусок, не зная, что делаем, у нас обоих заняли спины.

Мы с Петронием смотрели на серебряный слиток, как на старого друга, причем не совсем приятного друга.

— Что это такое? — спросила Сосия. Я ответил.

Я объяснил, что, когда ценная руда проходит очистку, расплавленный металл попадает в длинный желоб, из которого стекает в расположенные по обеим сторонам формы для образования брусков. По виду это напоминает свиноматку с присосавшимися к ней с двух сторон поросятами. Петроний скептически смотрел на меня, пока я все это объяснял. Временами Петроний удивляется моим познаниям.

Этот ценный предмет представлял собой длинный тусклый кусок металла, длиной примерно двадцать дюймов, шириной пять и высотой четыре, немного скошенный или обрезанный по бокам. С одного конца было выгравировано имя императора и дата. Человек, который попытается нести слиток, вскоре согнется пополам. Двадцать четыре ковша расплавленной руды для каждой стандартной формы, не очень тяжело заливать, но трудно украсть. Однако, если сможешь, оно того стоит. Мендипская руда дает удивительно высокий процент серебра — в среднем сто тридцать унций на тонну. Я задумался, извлекли ли уже серебро из лежавшей на столе штуковины. Серебро очень редко встречается в чистом виде, обычно в сочетании с другими металлами. Руды у серебра и свинца одни и те же. Руда помещается в разделительную печь, где происходит отделение благородного металла от свинца.

Правительство объявило монополию на ценную руду. Откуда бы ни поступил этот металл, он принадлежал монетному двору. Мы перевернули его и стали искать какое-нибудь клеймо.

Слиток на самом деле оказался клеймен — Т КЛ ТРИФ. Какая-то новая таинственная чушь, причем клеймо стояло не один раз, а целых четыре! Затем мы обнаружили еще одно клеймо — EX ARG BRIT, старую знакомую метку, которую мы одновременно надеялись и боялись найти. Петроний застонал.

— Британия. То самое клеймо!

Мы оба почувствовали себя неудобно.

— Лучше уходите, — предложил Петроний. — Мне это убрать? Наше обычное место? Ты заберешь девушку?

Я кивнул.

— Фалько, что происходит? — взволнованно спросила Сосия.

— Он уберет серебряный слиток в одно неприятное место, куда преступники навряд ли полезут, — сказал я. — Они слишком нежные. А ты отправляйся домой. Мне нужно срочно поговорить с твоим дядей Децимом!

Глава 13

Я доставил Сосию домой в паланкине. Там хватило места для двоих. Моя спутница была миниатюрной девушкой, а я так редко мог позволить себе нормально питаться, что носильщики позволили нам обоим забраться внутрь. Я долго молчал. Девушка же, решив, что я не нее больше не сержусь, принялась болтать. Она была слишком молода, чтобы молча сидеть после испытанного удивления. Я слушал, не вникая.

Меня начинало раздражать семейство Камиллов. Ничто из сказанного каждым из них не было или полной правдой, если только они не говорили то, что я предпочел бы не слышать. Мой контракт без указания даты его окончания поставил меня в тупик.

— Почему ты такой тихий? — внезапно спросила Сосия. — Ты хотел бы украсть серебряный слиток?

Я ничего не сказал. Естественно, я думал, как бы организовать подобное.

— А у тебя когда-нибудь бывают деньги, Фалько?

— Иногда.

— И что ты с ними делаешь?

Я ответил, что плачу арендную плату.

— Понятно, — ответила девушка с серьезным видом.

Сосия обеспокоено смотрела на меня своими огромными глазами. Грустное выражение ее лица сменилось укоризненным. Малышке явно не нравилась моя агрессивность. Я хотел заметить, что ей не стоит так

смотреть на мужчин, с которыми остаешься с глазу на глаз. Правда, я ничего не сказал, потому что предвидел трудности с объяснениями.

— Дидий Фалько, что ты на самом деле делаешь с деньгами?

— Отдаю матери.

Мой тон породил сомнения в душе Сосии о правдивости моих слов. Люблю, чтобы женщина пребывала в сомнениях.

Тогда я считал, что мужчина никогда не должен говорить женщинам, куда деваает деньги. (Конечно, в те дни я еще не был женат, и моя жена еще не решила вопрос с деньгами.)

На самом деле в те дни я иногда платил арендную плату (чаще не платил). Затем после вычета расходов, которых не избежать, я отдавал половину маме. Остальное я отдавал одной молодой женщине, на которой мой брат не нашел времени жениться до того, как его убили в Иудее, и ребенку, о существовании которого брат так и не узнал. Но все это не касалось племянницы сенатора.

* * *

Я сдал девушку на руки ее тети, которая явно испытала от этого облегчение. Жены сенаторов, по моему мнению, делятся на три типа: те, которые спят с сенаторами, но не с теми сенаторами, которые бы на них женились; те, которые спят с гладиаторами; и наконец, те немногие, что сидят дома. До Веспасиана первые два типа встречались повсеместно. Потом их стало еще больше, потому что, когда Веспасиан стал императором и находился со старшим сыном на Востоке, его младший сын Домициан жил в Риме. Домициан считал, что стать Цезарем означает совращать сенаторских жен.

Итак, жена Децима Камилла относилась к третьему типу — она оставалась дома. Я это твердо знал, в противном случае я бы о ней слышал. Камилла оказалась именно такой, как я ожидал: ухоженной, напряженной чопорной, с идеальными манерами и бренчащими золотыми украшениями. Она была женщиной, о которой хорошо заботятся и которая сама за собой превосходно ухаживает. Вначале взгляд ее внимательных черных глаз метнулся на Сосию, затем — на меня. Она была как раз той разумной матроной, которую повезет найти

холостяку, если он вдруг окажется с незаконнорожденным ребенком на руках. Я понял, почему ловкий Публий поместил Сосию сюда.

Юлия Юста, жена сенатора, приняла потерянную племянницу без суеты и суматохи. Она задаст вопросы позднее, после того как в доме все успокоится. Это была благовоспитанная, достойная женщина, которой не повезло выйти замуж за человека, занимающегося нелегальной валютой. И человек этот оказался столь неумел и глуп, что нанимает своего информатора для изобличения себя же.

Я проследовал в библиотеку и без объявления ворвался к Дециму.

— Вот уж удивили так удивили! Сенатор, который коллекционирует не грязный греческий антиквариат, а слитки с художественной правительственной гравировкой. У вас и так достаточно проблем, господин, так зачем же еще нанимать меня?

Мгновение он не знал, куда девать глаза, затем, похоже, взял себя в руки. Предполагаю, что политик привыкает к тому, что люди называют его лжецом.

— Ты ступил на опасную тропу, Фалько. Когда ты успокоишься...

Я был абсолютно спокоен. В ярости, но прозрачный как стекло.

— Сенатор, серебряный слиток явно украден. Я не считаю вас вором. Во-первых, если бы вы потрудились украсть британское серебро, то лучше бы позаботились о вашей добыче, — хмыкнул я. — Как вы с этим связаны?

— Официально, — сказал он, затем передумал. Это было хорошо, потому что я ему не поверил. — Полуофициально.

Я все равно ему не поверил и подавил смехок.

— И полукоррупцированно? — спросил я.

Он отмахнулся от моей прямоты.

— Фалько, это должно остаться конфиденциальным.

Самоуверенность и наглость этой семьи мне совсем не нравились.

— Слиток обнаружили на улице после драки и отнесли к магистрату. Я знаю претора этого квартала. Мы с ним вместе обедаем, а его племянник обеспечил должность моему сыну. Естественно, что мы обсуждали слиток.

— А-а, просто среди друзей!

Что бы Децим Камилл ни сделал, все равно я вел себя неприлично грубо, разговаривая с человеком его ранга. Его терпение меня удивило. Я внимательно наблюдал за сенатором, он точно также внимательно

наблюдал за мной. Я подозревал, что он попросил бы меня об услуге, если бы относился к другому сословию.

— Моя дочь Елена повезла письмо в Британию, у нас там есть родственники. Мой родственник занимает должность прокуратора, отвечающего за финансы в Британии. Я написал ему...

— Все остается в семье! Я понимаю, — я снова фыркнул.

Я забыл, насколько тесны у этих людей семейные связи, как они все делают внутри кланов. Надежные друзья отправлены во все провинции от Палестины до Гераклеи.

— Фалько, пожалуйста! Гай, мой родственник, сделал проверку и обнаружил, что с британских рудников постоянно пропадает товар, по крайней мере, начиная с года четырех императоров. Это воровство в большом масштабе, Фалько! После того как мы это услышали, захотели, чтобы наши доказательства хранились в надежном месте. Мой друг претор попросил у меня помощи. Я сожалею, что использование банковской ячейки Сосии Камиллины было моей собственной «блестящей» идеей.

Я рассказал, куда мы перепрятали слиток. Сенатору стало дурно — Петроний увез серебряный слиток в прачечную Лении (мы собрались хранить его в чане с мочой для отбеливания).

* * *

Сенатор никак не прокомментировал ни то, что мы заполучили его слиток, ни вонючее место, выбранное для его укрытия. Он предложил мне гораздо более опасное дело.

— Ты занят в настоящий момент?

Я никогда не был занят. Я не очень хороший информатор.

— Послушай, Фалько, а ты не согласишься нам помочь? Мы не можем доверять официальной системе. Кто-то, вероятно, уже проболтался.

— А как насчет вашего дома? — перебил я.

— Я ни разу не упоминал здесь слиток. Я отвел Сосию в банк, не объясняя зачем, после чего претил ей об этом кому-либо рассказывать. — Децим Камилл сделал паузу. — Она — хороший ребенок. Я кивнул с унылым видом.

— Фалько, я признаю, мы были не осторожны до того, как осознали возможные последствия и все, что тут может быть замешано, но, если из управления претора идет утечка информации, мы больше не имеем права рисковать. Ты, как мне кажется, очень подходишь для этой работы — лицо полуофициальное и полукорруптированное...

Вот ведь старый негодник! Какой сарказм! Я понял, что этот человек обладает тонким чувством юмора и весьма опасен. Сенатор был гораздо умнее и проницательнее, чем казалось на первый взгляд, и определенно знал, что меня беспокоит. Он провел рукой по ежику волос, затем снова заговорил. Похоже, чувствовал он себя неудобно.

— Сегодня у меня состоялась встреча во дворце. Больше я ничего сказать не могу, но для восстановления империи после Нерона и гражданской войны эти слитки просто необходимы казначейству. Во время наших бесед всплывало твое имя. Как я понял, у тебя был брат...

У меня на самом деле изменилось выражение лица — теперь оно не предвещало собеседнику ничего хорошего.

— Прости меня! — воскликнул он обеспокоено так, как иногда это делают аристократы, правда, я никогда не верил им полностью. Сенатор извинился передо мной, но я проигнорировал извинение. Никому не позволено обсуждать моего брата.

— Ну, ты хочешь получить эту работу? Мой начальник готов платить по твоей обычной таксе. Как я понял, ты ее несколько завысил для меня! Если же ты найдешь украденного серебра, то можешь ожидать высокой премии.

— Мне хотелось бы встретиться с вашим начальником! — безапелляционно заявил я. — Наши с ним представления о премии могут не совпадать.

— Представление моего начальника о премии — это самое большее, что ты получишь! — проревел в ответ Децим Камилл.

Я знал, что это означает. Мне предстояло работать на какой-то задирающий носы и воображающий из себя невесть что секретариат из выскочек-писарей, которые при малейшей возможности урежут мой гонорар, но я все равно согласился на работу. Наверное, у меня помутился рассудок. Тем не менее сенатор приходился дядей Сосии, и мне было жаль его жену.

В этом деле было что-то странное.

— Кстати, господин, это вы отправили за мной хитрую рысь по имени Атий Пертинакс?

Сенатор выглядел раздраженным.

— Нет!

— У него есть связи с вашей семьей?

— Нет, — нетерпеливо ответил он, затем исправился, — есть небольшая связь.

Так, тут все не просто. Сенатор смотрел на меня с непроницаемым каменным лицом.

— У него есть деловые связи с моим братом.

— Вы сказали брату, что Сосия находится у меня?

— У меня не было возможности.

— Кто-то сказал. Он попросил Пертинакса меня арестовать.

Сенатор улыбнулся.

— Я прошу прощения. Мой брат очень сильно беспокоился из-за дочери. Он будет рад, что ты привел ее домой.

Децим Камилл очень ловко закончил разговор и вышел из щекотливой ситуации. Петроний Лонг говорил, что мои приметы известны, поэтому эдил вполне мог меня разыскать. Пертинакс с Публием предположили, что я — негодяй и преступник. Старший брат Децим решил не упоминать младшему брату Публию, что нанял меня на работу. Я не удивился. Я сам из большой семьи, и Фест многое забывал мне сказать.

Глава 14

Эта утечка серебра была очень хитро придумана! Британские рудники, которые в дни моего пребывания в Британии охранялись армией, очевидно, теперь имеют множество отводов. Система напоминает нелегальные трубы, которые отдельные граждане подсоединяют по всей протяженности Клавдиева акведука. Блестящие куски серебра плывут в Рим, словно хрустальные голубые воды

источника. Ах, как я сожалел, что мы с Петронием ничего подобного не сделали десять лет назад.

Проходя помещение для задержанных у Капенских ворот, я заглянул внутрь. Мне хотелось посмотреть на тех арестованных бездельников, которые утром шпионили за сенатором из таверны. Мне не повезло, Пертинакс отпустил их. Оказалось, что, по мнению Пертинакса, не существовало доказательств для удерживания их под стражей.

Я посмотрел на стражника и вздохнул, как человек, знающий, как устроен этот мир.

— Замечательно! — сказал я. — А он хоть удосужился их допросить?

— Сказал несколько дружеских слов.

— Отлично! И как тебе вообще этот Пертинакс?

— Всезнайка! — пожаловался стражник. Мы оба знали этот тип людей и обменялись полными боли взглядами.

— Он просто некомпетентен, или ты считаешь, что тут что-то еще?

— Я сказал бы, что он мне не нравится, но я это могу сказать о них обо всех.

Я улыбнулся.

— Спасибо. Послушай, а что говорят про слиток правительственного серебра? — спросил я, решив уговорить его с помощью лести. — Это неофициально официально, если ты понимаешь, что я имею в виду.

Это была шутка. Я сам не понимал, что несу.

Стражник заявил, что получил строгий приказ ничего не рассказывать. Я протянул ему несколько монет (этот способ всегда срабатывает).

— На прошлой неделе его принес ломовой извозчик, надеялся на награду. Сам магистрат спускался вниз, чтобы посмотреть. Извозчик живет по адресу... Еще немного магического звона монет. — С другого берега Тибра, в хижине у самой реки, рядом с мостом Сульпиция, там еще есть поворот...

Я нашел хижину, но не извозчика. Три дня назад его лошадь в темноте натолкнулась на серебряный слиток, а его самого вытащили из Тибра два рыбака, удивших на плоту. Они отвезли его на остров на

Тибре, в хоспис при храме Эскулапия. Большинство пациентов хосписа умирают, но это не касалось извозчика: он итак был мертв.

Перед тем как покинуть остров, я облокотился на парапет старого моста Фабриция и глубоко задумался. Ко мне кто-то очень осторожно приблизился. Я всегда настораживаюсь при таком приближении.

— Ты — Фалько?

— Кто это хочет знать, госпожа?

— Меня зовут Астия. Ты спрашивал про утонувшего мужчину?

Я догадался, что Астия была подругой извозчика. Она оказалась худой, маленькой, сморщенной женщиной с усталым обветренным лицом. Лишь взглянув на эту замухрышку, становилось понятно, что живет она на берегу реки. Все они выглядят одинаково. Лучше сразу же определиться, с кем говоришь.

— Ты — его женщина? — прямо спросил я.

Астия горько рассмеялась.

— Больше не его! Ты из преторианцев? — выплюнула она.

Я постарался сдержать удивление.

— Жизнь слишком коротка, — сказал я и стал ждать. Это было единственное, что я мог сделать, поскольку совершенно не представлял, чего жду. Казалось, женщина раздумывает, можно ли мне доверять, затем, через некоторое время она мне все выдала.

— Эти люди приходили сюда после случившегося. Он сам их нисколько не волновал, выведывали информацию.

— Ты им что-то сказала?

— А ты как думаешь? Когда у него водились деньги, он был добр ко мне... Я ходила в храм, сама хоронила его. Фалько, может, его и нашли в реке, но я точно знаю: он не утонул. В храме мне сказали, что он, вероятно, рухнул в воду, поскольку был пьян. Но когда он напивался, он обычно ложился в свою повозку, и лошадь сама привозила его домой.

Я подумал, что, вероятно, он напивался слишком часто, но такт не позволил мне это уточнить.

— А повозку нашли?

— Она стояла на Бычьем рынке. Лошади только не было.

— М-м-м. А что хотели стражники, госпожа?

— Он нашел что-то ценное. Он не хотел говорить что, но это его напугало. Вместо того чтобы продать находку, он отнес ее ближайший

стражникам. Стражники знали, что он это нашел. Они не знали, что он сделал с находкой.

Значит, юную Сосию выкрали не стражники. В любом случае это было маловероятно: от них малышка с такой легкостью не сбежала бы. Она вполне могла бы и не сбежать.

— Мне придется с ними поговорить. Ты случайно не слышала их имен?

Астия знала очень мало. Их капитана, как она сказала, звали Юлий Фронтин. Как у члена элитного полка, у него, несомненно, было целых три имени, но мне хватит и двух, чтобы его разыскать. Впервые в жизни я добровольно собирался на встречу с преторианской гвардией императора.

Глава 15

Я медленно шел к лагерю преторианской гвардии, который располагался в дальней части города. Добравшись туда, я ожидал получить тяжелым сапогом (которым меня вполне могли раскрошить, как яичную скорлупу) от какого-нибудь гвардейца.

Я сразу же узнал Фронтин. Нагрудник кирасы у него был сделан из эмали, а ремень украшала серебряная пряжка, однако он когда-то ходил в школу и изучал алфавит, сидя на одной скамье под навесом в углу нашей улицы рядом с курчавым негодником по имени Дидий Фест. Другими словами, для Юлия Фронтин я был младшим братом национального героя. Поскольку он больше не мог отправиться в таверну вместе с Фестом и напоить его допьяна (Фест лежал мертвым в Иудейской пустыне), он взял туда меня.

Таверна, в которую мы пришли, оказалась удивительно приличной и чистой. Она не бросалась в глаза, потому что располагалась в северном углу Рима, рядом с Виминальскими воротами. В ней сидели солдаты из городских полков, и дело у хозяев явно шло хорошо. Еды, впрочем, не было, женщин тоже. Выпивка предлагалась всех сортов, как теплая, так и охлажденная, со специями и без, дороже обычного, хотя мне и не разрешили за нее платить. Сам по себе я никогда бы не попал внутрь: мне не позволили бы занести и одну ногу, но поскольку я пришел вместе с Фронтином, на меня никто не покосился.

Мы устроились среди высоких крепких мужчин, которые явно подслушивали, но не произносили ни слова. Фронтин, вероятно, их знал, они же, похоже, были в курсе того, что он собирается сказать, но чтобы заставить моего спутника это сказать, потребовалось время. Когда такой человек приглашает вас выпить, понятно, что перед тем, как начать говорить о деле, необходимо соблюсти церемонии. Наша церемония состояла в том, чтобы оказать мне честь и доставить ему удовольствие. Поэтому мы обсуждали героев и их героизм, пока не напились до сентиментальных слез.

После того как мы поговорили о Фесте и до того, как я отрубился, я смог задать несколько вопросов. Фронтину удалось на них ответить еще до того, как он отправил меня домой в фургоне строителя вместе с грузом плиток.

— Почему он это сделал? — все еще продолжал задумчиво рассуждать Фронтин. — Первым полез через городскую стену Бетеля и поэтому первым погиб... Больше он никогда ничего не сможет сделать, только его могильная плита будет становиться все белее под солнцем пустыни. Сумасшедший!

— Хотел получить все наличные, перечисляемые в фонд помощи семьям погибших. Не мог терпеть всех этих вычетов из жалованья, не хотел терять эти деньги. Итак, брат-патриот, за упокой твоей души!

После смерти Феста прошло два года. Он погиб в конце галилейской кампании Веспасиана, хотя в городе с тех пор произошло столько событий, что казалось, будто прошло гораздо больше времени. Тем не менее я не мог поверить, что его нет. В некотором смысле я никогда этого не пойму. Я все еще жду гонца с сообщением, что Фест высадился в Остии с просьбой приехать туда за ним на повозке и привезти несколько бурдюков с вином, потому что у него закончились деньги, а он на корабле познакомился с несколькими ребятами, которых хотел бы угостить... Вероятно, я буду ждать этого послания всю жизнь.

Было приятно произносить его имя, но я уже получил достаточно. Возможно, это отразилось у меня на лице. Я тоже достаточно выпил, и вероятно, создавалось впечатление, что меня стошнит. Несмотря на это, Фронтин снова наполнил наши кубки, затем склонился ко мне, очевидно готовый к разговору.

— Фалько! Фалько — это имя тебя дали родители?

— Марк, — признался я. — Все точно так же, как у Феста, и это должен был знать Фронтин.

— Марк! О, Юпитер, я буду называть тебя Фалько. Как ты впутался в это дело, Фалько?

— Назначена награда за серебряные слитки.

— Нет, парень, не назначена! — он внезапно заговорил покровительственным тоном, словно отец. — Это политическое дело. Оставь его гвардии. Фест сказал бы это тебе, но его здесь нет, поэтому послушай меня. Послушай, и я все объясню. После того как на троне менее чем за двенадцать месяцев сменились четыре человека, Веспасиан кажется приятным вариантом. Но на него продолжают охотиться несколько типов. Ты знаешь, как это бывает. Когда у тебя увольнительная, они подходят и что-то тебе предлагают. Маленькие человечки, у которых для продажи есть нечто большое...

— Серебряные слитки! — Все встало на место. — *Ex Argentiis Britanniae*. Финансирование политического заговора. И кто За этим стоит?

— Именно это и хочет знать гвардия, — с мрачным видом сообщил мне Фронтин.

Я заметил движение мужчин вокруг него.

— Верность императору, — сказал я осторожно, не глядя ни на кого из них.

— Если хочешь... — Юлий Фронтин рассмеялся.

Они гордятся верностью. В свое время преторианская гвардия физически поднимала императоров на трон. Они таким образом короновали Клавдия, а в год четырех императоров даже такой бритый олух, как Отон, смог захватить империю после того, как заручился поддержкой преторианской гвардии. Но для их подкупа потребуется частный монетный двор. Кто-то не испугался британской погоды, чтобы это организовать.

— Когда ко мне подошли, я потребовал доказательств, — сообщил Фронтин. — Я тянул время. Они появились через два дня с брусом, на котором стояло клеймо. Мои ребята преследовали долгоносиков назад в их логово, когда те поспешно разбежались и сбросили добычу.

Поскольку я уже поднимал слиток, то понимал, почему они это сделали.

— Мы их потеряли, а когда отправились назад, то не нашли и слитка. Мы отправили шпионов в дешевые кабаки на берегу Тибра и вскоре услышали, что какой-то извозчик хвастается, что нашел некую штуку, за которую получит золотое спасибо от самого императора. Кто-то менее нежный, чем преторианцы, очевидно тоже про него услышал.

Фронтин посмотрел на меня тяжелым взглядом. Я почувствовал холод в груди под нижней туникой. Он был абсолютно трезв.

— Веспасиан не дурак, Фалько. Возможно, он выпрыгнул из ниоткуда, но он все правильно рассчитал и действовал умно. Он полагался на сообразительность и инстинкты. Мы решили, что он в курсе. А теперь появляешься ты! Ты работаешь информатором на дворец, луч света? Ты выполняешь специальное задание, прикрывая Веспасиана на тот случай, если преторианцы его подведут?

— Насколько я знаю, нет, Юлий...

Я начал понимать, сколько же всего я на самом деле не знаю.

Глава 16

На следующий день я снова отправился к сенатору. Я смог добраться до него после вечера с Фронтином лишь во второй половине дня, впрочем. Детали моего утра мы, пожалуй, опустим. Скажу лишь, что большую часть утра я провел в постели, мучаясь повторяющимися болезненными спазмами. Когда я появился в доме сенатора, то нашел его страдающим от послеобеденных болей в желудке. У меня тоже болел живот, хотя я не мог смотреть на еду и не обедал.

Я ворвался в дом. Сенатор определил мое настроение по внезапности моего появления. Сегодня я выскочил, как негодяй, из пьесы какого-то драматурга, злобно фыркая, кудахча и желая поделиться своими злыми умыслами со зрителями. Камилл Вер был достаточно мил, отложил в сторону бумаги, с которыми работал, и позволил мне выпустить цветную пену.

— Никаких серебряных слитков, но я натолкнулся на заговор! Вы меня обманули, господин. Вы лжете гораздо больше, чем больная шляха в храме Исиды, и с гораздо более гнусной целью, но рассказанной точно, ловко и умело.

— Фалько! Можно мне объяснить?

Нет, он по крайней мере задолжал мне разрешение на бурю эмоций. Мои ярость и возбуждение очаровали его.

— Избавьте меня от этого, сенатор. Я не касаюсь политической работы. Я не считаю риск стоящим. Моя мать уже подарила одного сына Веспасиану в Галилее. Я — единственный из оставшихся у нее, и я очень хочу жить дальше!

Камилл Вер выглядел обиженным и раздраженным. Он считал, что я недооцениваю его политические доводы. Поскольку я считал, что это делает он, мы выглядели как два шашиста после пата — оба в безвыходном положении.

— Ты хочешь, чтобы Веспасиана убили? О, Фалько! Ты хочешь, чтобы страну снова раздирала гражданская война? Ты хочешь краха империи? Больше войн и боев, больше неуверенности, больше пролитой римской крови на римских улицах?

— Людям платят немалые деньги за защиту императора, — выпалил я. — Мне платят ложью и обещаниями.

Внезапно я потерял терпение. Здесь для меня не было будущего. Меня обманули, попытались использовать. Более умные люди, чем этот сенатор, принимали меня за деревенского клоуна, фигляра и обнаруживали затем свою ошибку. Я немного успокоился и закончил смехотворное театральное представление.

— Веспасиан не любит информаторов, а я не люблю императоров. Я думал, что мне нравитесь вы, но любая килька, оказавшаяся не в своих водах, может допустить ошибку! Прощайте, господин!

Я вышел. Он позволил мне уйти. Как я заметил раньше, Децим Камилл Вер был умным и хитрым человеком.

* * *

В гневе я мчался по залу с фонтаном в центре, как вдруг услышал какой-то шорох.

— Фалько! — меня звала Сосия. — Иди в сад. Нам нужно поговорить.

Было бы неправильно сплетничать с молодой госпожой, даже если бы я и дальше работал на ее дядю. Я стараюсь не расстраивать сенаторов, общаясь с опекаемыми ими лицами в их собственных

домах, где слуги могут увидеть все происходящее. Если я вообще буду разговаривать с Сосией — что я должен сейчас сделать, поскольку сия благородная дама заговорила со мной — разговор должен быть быстрым. И нам следует остаться в зале.

Я шаркнул по мраморным плиткам пола каблуком.

— О, Дидий Фалько! Пожалуйста!

Исключительно из желания сделать назло я последовал за ней.

Девушка провела меня во внутренний дворик, который я не видел раньше. Здесь блестел белый камень, черно-зеленые подстриженные кипарисы создавали прохладу, ворковали голуби и бил фонтан еще большего размера, чем в зале. За одной из каменных ваз, покрытых лишайником, пронзительно закричал павлин. В вазах цвели гордые белые лилии. Это было прохладное, красивое тихое место, но я отказался устроиться в тени в перголе, увитой ползущими растениями, и успокаиваться. Сосия села. Я смотрел на нее стоя, сложив руки на груди. В некотором роде это было неплохо. Однако как бы мне ни хотелось ее обнять, я не позволил себе этой радости.

Она надела красную тунику, по подолу отделанную тесьмой цвета терносливы. Платье Сосии подчеркивало бледность ее кожи под толстым слоем грима. Девушка склонилась ко мне с обеспокоенным лицом, мгновение она казалась хрупкой слабой маленькой девочкой. Казалось, что девушка извиняется от имени семьи, хотя, когда она пыталась расположить к себе, выглядела серьезнее, чем когда-либо раньше. Видимо, кто-то когда-то научил ее стоять на своем и не отступать.

— Я подслушивала. Фалько, ты не можешь допустить, чтобы Веспасиана убили. Он будет хорошим императором!

— Я в этом сомневаюсь, — ответил я.

— Он не жестокий. Он не сумасшедший. Он ведет простую жизнь. Он много работает. Он старый, но у него есть талантливый сын.

Слова вылетали эмоционально. Она верила в то, что говорила, хотя я знал, что сама она не могла разработать подобную теорию. Я удивился тому, что император смог получить такую поддержку, поскольку не имел традиционных преимуществ. Никто из членов семьи Веспасиана никогда не занимал высоких постов. Я не винил его за это. Никто из моих родственников тоже никогда не занимал таких постов.

— Кто вбил тебе эту чушь? — в ярости спросил я.

— Елена.

Елена. Двоюродная сестра, которую она упоминала. Дочь сенатора, с которой повезло развестись какому-то несчастному простофиле, ее бывшему мужу.

— Понятно... Так что представляет собой эта твоя Елена?

— Она великолепна! — мгновенно воскликнула Сосия, но затем с такой же уверенностью добавила, — тебе она не особо понравится.

— Это почему? — рассмеялся я.

Сосия пожала плечами. Я никогда не видел эту двоюродную сестру, тем не менее, моя интуиция подсказывала не верить этой женщине с тех самых пор, как Сосия попыталась представиться ее именем, потому что отказывалась мне доверять. На самом деле единственным, что мне не нравилось в Елене и я имел против нее, было значительное влияние, которое, как я видел, она имела на Сосию Камиллину. Я предпочел бы сам оказывать влияние на Сосию. В любом случае я считал, что Сосия не права. Обычно я любил женщин. Но если эта Елена пытается защитить и оградить свою юную родственницу от проблем, а я понял, что это так и есть, то велика вероятность, что я не понравлюсь ей.

— Я с ней переписываюсь, — объяснила Сосия, словно читая мои мысли.

Я ничего не сказал. Нужно было идти. Говорить больше было нечего. Я стоял, улавливая чистые запахи летних цветов и нежное тепло, исходящее от камней.

— Я все рассказываю Елене.

Я посмотрел на Сосию с большей теплотой, сраженный смущением. Странно, что чувствуешь больший стыд, когда отвечать-то не за что, чем когда на самом деле пытаешься скрыть какой-то позорный и скандальный факт.

Поскольку я продолжал молчать, Сосия продолжила говорить. Это была единственная ее привычка, вызывающая раздражение. Она никогда не могла сидеть тихо и спокойно.

— Ты на самом деле уходишь? Я тебя больше не увижу? Я хочу тебе кое-что сказать. Марк Дидий Фалько, я уже много дней раздумываю, как...

Она использовала мое официальное имя. Никто этого никогда не делал. Ее уважительный тон было трудно выдержать. Я столкнулся с настоящей проблемой, и моя ярость испарилась.

— Не надо! — тут же воскликнул я. — Сосия, поверь мне, когда тебе требуется много дней для составления сценария, лучше вообще ничего не говорить.

Она колебалась.

— Ты не знаешь...

В свободное время я баловался поэзией. Есть много вещей, которые я никогда не узнаю, но это я понял.

— О Сосия, я знаю!

Одно мгновение я фантазировал. Я погрузился в мечту, в которой беру Сосию Камиллину в свою жизнь. Но я тут же вернулся назад. Только дурак пытается перешагнуть через барьеры разрядов таким образом. Человек может купить себе место в среднем классе, или получить золотой перстень за службу императору (в особенности, если это услуги сомнительного характера). Но пока ее отец и ее дядя знают, что делают, и не забывают, кто они такие, — а ее дядя не может этого забыть, поскольку он миллионер — Сосию Камиллину пристроят таким образом, что ее положение только возвысится, а капитал их семьи увеличится, даже несмотря на странную проблему отсутствия матери. Наши жизни никогда не смогут соединиться. Сердцем она это понимала, потому что, даже предприняв смелую попытку объясниться, смотрела на мои большие пальцы ног в плетеных золотых сандалиях, прикусывала губу, но, тем не менее, принимала сказанное мною.

— Если ты мне понадобишься... — начала она тихим голосом.

Я ответил резко, ради себя самого.

— Я тебе не потребуюсь. В твоей спокойной, сладкой, обеспеченной жизни без тревог и забот тебе не нужен никто, типа меня. И, Сосия Камиллина, на самом деле и ты не нужна мне!

Я быстро ушел, чтобы не видеть ее лица.

Я шел домой пешком. Рим, мой город, который до этого времени всегда был моим утешением и успокоением, никогда меня не подводившим, лежал передо мной, как женщина, таинственная и красивая, требовательная и щедрая, вечно искушающая. Впервые в жизни я не позволил себя совратить. Я отказался от совращения.

Глава 17

Я все-таки снова увидел Сосию Камиллину. Она попросила меня о встрече. Конечно, я пошел на нее. Не пошел, а побежал, как только смог.

* * *

К тому времени лето уже терлось о шею осени. Дни казались такими же длинными и жаркими, но к сумеркам температура воздуха падала быстрее. Я отправился в Кампанию на праздник сбора винограда, но сердце у меня к нему не лежало, и я вернулся домой. Я не мог избавиться от мыслей о серебряных слитках. Эта загадка меня заинтересовала, и никакая ярость из-за отношения ко мне Децима Камилла этого не изменила. При каждой встрече Петроний Лонг спрашивал меня, как идет расследование. Он знал, что я чувствую, но был слишком любопытен, чтобы проявлять тактичность. Я начал избегать встреч с ним, из-за чего погрузился в еще большее уныние. В дополнение к этому весь мир наблюдал за нашим новым императором Веспасианом. Не было возможности посплетничать у цирюльника или в банях, на ипподроме или в театре и не чувствовать угрызений совести, поскольку я не мог забыть то, что знал.

Шесть недель или даже больше я оставался в тени. Я плохо сработал в деле о разводе, не вручил ордер, забыл даты появления в суде, оскорбил семью, избегал встреч с домовладельцем, слишком много пил, слишком мало ел и отказался от женщин навсегда. Если я ходил в театр, то терял нить сюжета.

Как-то однажды Ления зажала меня в углу.

— Фалько! Приходила твоя девушка.

По привычке я спросил которая. Я все еще любил намекать, что ко мне каждый день пристают полуголые акробатки из Триполитании. Ления прекрасно знала, что я покончил с женщинами. Ей не хватало постукивания их маленьких сандалий по лестнице и смеха, который она всегда слушала, когда я их приводил к себе. Ей также не хватало криков негодования, когда на следующий день моя мать выметала их вместе с пылью.

— Маленькая изящная госпожа с родословной и браслетами. Я дала ей пописать в чан для отбеливания, она оставила тебе записку наверху...

Я понесся вверх по лестнице. Когда добежал до квартиры, то очень тяжело дышал, сердце судорожно колотилось в груди. Там побывала мама. Лежала груда зашитых туник, рисунок колесницы, выполненный моей племянницей на грифельной доске, тушеное мясо с луком и картофелем в закрытой посуде. Я отодвинул все это в сторону и занялся поисками.

Записка лежала у меня в спальне. Я почувствовал странную боль, представив Сосию здесь. Она оставила послание на куче моих стихов, прижав его гагатовым браслетом, который я видел на ней. Я задумался, поняла ли девушка, что в стихотворении под названием «Аглая, лучезарная богиня» на самом деле говорится о ней. Все девушки в моих одах зовутся Аглая. Поэту ведь необходимо себя защищать.

Сосия оставила мне деревянную табличку, снятую из одного из четырехстраничных блокнотов. Писала она круглым почерком человека, которому никогда не приходилось много писать.

«Дидий Фалько, я знаю место, где могут храниться серебряные слитки. Если я тебе его покажу, ты сможешь получить награду. Встреться со мной у Золотого мыльного камня через два часа. Если ты занят, я отправлюсь вместо тебя и посмотрю сама...» В панике я бросился вниз.

— Ления! Ления, когда она была здесь...

Меня уже ждали у подножия лестницы. Смаракт!

* * *

Подо мной двигались тени, их босые ноги бесшумно ступали по каменным ступеням. Это были гладиаторы домовладельца, которые пришли за арендной платой.

У меня есть договоренность с портным, который шьет плащи, он живет на втором этаже: в случае крайней необходимости я могу пробежать через его комнату, спрыгнуть с балкона на защищающий от огня навес над входом, а оттуда на улицу. Я уже миновал дверь

портного, полуобернулся назад. Дверь открылась. Вышел человек, который вовсе не был портным.

Гладиаторы только что вернулись из грязного гимнасия Смаракта и оставались в боевом облачении. Подо мной находились так называемые мирмиллоны, с намазанными маслом телами, блестящими над ремнями. Их правые руки от ключицы до кулака покрывали металлические поручи, а крепкие высокие шлемы на голове по форме напоминали изогнувшуюся ухмыляющуюся рыбину. Когда я развернулся, то увидел над собой двух легких смеющихся мужчин в одних туниках, у каждого из которых вокруг руки была обернута дьявольская сеть. Это были ретиарии. Я ринулся назад.

— Дидий Фалько! Куда ты так торопишься?

Я узнал говорившего, узнал по фигуре. Он слегка склонился, приняв боевую стойку. Я не видел его лица за забралом. Наверное, я что-то выкрикнул.

— О, нет! Не сейчас, о боги, не сейчас...

— Сейчас, Фалько!

— Вы не можете, о-о, вы не можете...

— О-о, мы можем! Давайте покажем человеку...

Затем оба ретиария бросили сети вниз мне на голову.

Безнадежно пытаюсь выпутаться из двух десятифутовых врезающихся в тело сетей, я знал, что дальнейшее будет гораздо хуже ареста головорезами эдила. Если Смаракт просто пытался мне напомнить о необходимости платить, они отлупят меня, словно осьминога, прижатого камнями к берегу. Если же Смаракт нашел себе нового жильца на верхнюю квартиру, мне конец. Хуже ничего и представить нельзя. Единственным утешением было то, что я об этом мало что узнаю, поскольку вскоре потеряю сознание и возможно никогда не очнусь.

Вероятно, их было пятеро, но казалось, что больше. Ретиарии не могли появляться на улице с трезубцами с шипами, однако мирмиллоны принесли с собой деревянные учебные мечи. Пока я дергался в сетях, они систематично избивали меня, и, наконец, я погрузился в темноту и вообще перестал слышать даже разрозненные звуки.

Я приходил в себя. «Наверное, с новыми жильцами туго. Может, они слышали, что представляет собой жизнь в квартире Смаракта. Квартира все еще оставалась моей». Я просыпался.

Но оказался не у себя в комнате, а где-то в другом месте. Я чувствовал ужасную усталость. Боль растекалась по мне, словно густой нектар, затем я вдруг попал в поток ощущений и яростных звуков, словно меня закрутило в водовороте.

— Он приходит в себя! Скажи что-нибудь, Фалько! — приказала Ления.

Мой мозг выдал слова. Я не услышал звуков, мой рот, словно шарик ваты, даже не пошевелился.

Мне было жаль этого Фалько, если у него все болит так, как у меня. Я отключился от действительности, возможно, секунд на тридцать, а может, и на сотню лет. Где бы я ни был, было лучше, чем здесь, и я хотел туда вернуться.

— Марк! — это больше не Ления. — Не пытайся говорить, сын.

Ления послала за моей матерью. Боже праведный.

Красный туман у меня перед глазами медленно рассеивался. Я и тот другой несчастный по имени Фалько медленно соединились в одно целое.

— Это...

Кто это сказал? Я или Фалько? Думаю, что он.

Послышался голос матери, полный облегчения.

— Именно поэтому люди не задерживают арендную плату!

Надо мной маячила Ления, ее морщинистая шея напомнила мне гигантскую ящерицу.

— Лежи и не шевелись, — приказала она.

Я сел, мне помогла мать. Я хотел снова лечь, но она подперла мне спину рукой и держала меня прямо, словно кукловод палкой свои игрушки.

Мать подняла мне голову и поддержала ее под подбородком уверенной рукой опытной сиделки, которая всю жизнь посвятила этой работе. Она воспринимает меня как безнадежный случай и разговаривает со мной, словно я умственно отсталый ребенок. Потеря моего великого брата горит между нами огнем и горчит, словно полынь в горле. Это постоянный упрек. Я даже не знаю, за что она меня упрекает. Я подозреваю, что она сама не знает.

Похоже, теперь она в меня верит. Мать заговорила голосом, который глубоко врезался в месиво, некогда бывшее моим мозгом.

— Марк! Меня беспокоит та девушка. Мы прочитали ее записку. Я отправила Петрония на ее поиски, но тебе следует идти...

* * *

Я прибыл на Форум на носилках. Меня несли сквозь толпы людей, словно какого-то огромного евнуха, у которого денег больше, чем вкуса. Мы поднялись к Золотому мильному камню, откуда начинаются все дороги в империи. Я думал о Сосии, ожидающей встречи со мной в центре мира. Теперь ее не было и следа. Один из подчиненных Петрония передал мне, что его начальник ждет меня в переулке Ворсовщиков. Этот человек задерживался. Он ждал кого-то еще, поэтому отправился пешком.

В поисках нужного переулка на задворках я нашел нескольких мастеров, которые прокладывали канализационные трубы и всей толпой крутились вокруг одного люка. Мастера работали с большим, чем обычно, энтузиазмом. Бетон яростно бросали вниз, а поблизости не стояло ни одной емкости с вином для освежения.

Я обратился к мастерам официальным тоном, который всегда использую с профессионалами.

— Простите, что отрываю вас от работы. Вы случайно не видели Петрония Лонга, начальника авентинской стражи?

Старший в ответ изложил мне свою жизненную философию.

— Послушай, центурион, когда огромная канализационная система начинает свой священный путь, заглатывая дерьмо, скопившееся за последние пятьсот лет, у землекопов, укрепляющих кульверт, есть более важные дела, чем следить за прохожими!

— Извините за беспокойство, — вежливо ответил я. — Для разнообразия это сработало.

— На складе перца, с задней стороны, — хрипло сообщил он, — целая толпа глухих сатиров поднимает пыль.

Я находился уже на полпути туда, выкрикивая благодарности. Торопиться не требовалось.

Переулок Ворсовщиков располагался с южной стороны Форума рядом с рынком специй. Это была типичная крутая, петляющая боковая улочка, но достаточно широкая, чтобы по ней могла бы проехать повозка. Множество таких улочек ответвляются от главных улиц. Там было много засохшей грязи, валялись бревна и отходы. На петлях качались ставни там, где здания нависали над улицей, закрывая небо. Пахло затхлостью. В ночное время здесь явно собираются маргиналы. Когда я проходил там, яростно завопил кот. Это была дыра из тех, где начинаешь беспокоиться, если видишь, как кто-то к тебе направляется, и также беспокоишься, если не видишь никого. Она казалась печальным концом для величественных караванов, которые везли богатства Аравии, Индии и Китая через полмира для продажи в Риме.

Склад, который я искал, выглядел заброшенным. Густая растительность пробивалась сквозь выбоины на подъездной дороге. Перед зданием стоял сломанный фургон, накренившийся на один бок. Я нашел Петрония Лонга и еще дюжину мужчин в открытом дворе. Даже до того как я оказался у дверей, грустные голоса мастеров предупредили меня о том, чего ждать. Я много раз в прошлом слышал подобные приглушенные голоса.

Петроний направился мне навстречу.

— Марк!

Я утратил все надежды и сомнения.

Он добрался до меня и взял обе мои руки в свои. Его взгляд прошелся по моим синякам, правда, он был слишком обеспокоен, чтобы все их отметить. Петроний никогда не станет черствым. Пока другие мужчины сидят в кабаках и демонстрируют цинизм фактически на пустом месте, Петроний Лонг просто улыбается улыбкой терпеливого человека, которая медленно появляется у него на лице. У него за спиной послышалось какое-то движение, он повернулся и обнял меня за плечи, не говоря мне, что случилось. Это не имело значения. Я уже знал.

Они нашли ее на складе. Я появился в тот момент, когда ее выносили... Я увидел белое платье, которое висело, словно моток шерсти, на руках у мрачного солдата. Ее голова запрокинулась так, что при одном взгляде на нее становилось понятно: Сосия Камиллина мертва.

Глава 18

Темнота, вспышки, патруль ждет магистрата. Они легко справлялись с задушенными проститутками и торговками рыбой, забитыми палками, но это дело касалось сената. Расследовать не труднее, но предстоит масса бумажной работы.

Петроний стонал от отчаяния.

— Мы потратили несколько часов на поиски. Взяли за жабры нескольких сутенеров, которые за ней следили. Нашли переулок, отдубасили нескольких стражников перед тем, как найти место. Слишком поздно. Я ничего не мог сделать. Я просто ничего не мог сделать. Этот проклятый город!

Он любил Рим.

* * *

Они положили ее во дворе.

На этом этапе обычно несложно сохранять отстраненность. Я редко знаком с жертвой, я встречаюсь с ней только после совершения преступления. Так гораздо лучше. Я закрыл лицо руками.

* * *

Я понял, что Петроний Лонг отводит своих людей назад. Мы дружим очень давно. Мы сражались на одной стороне. Он дал мне столько времени на прощание, сколько мог.

Я стоял в ярде от нее. Петроний тихо подошел и встал за моим плечом. Он что-то пробормотал, потом наклонился и нежно закрыл глаза Сосии своей большой рукой, затем снова встал рядом со мной. Мы оба смотрели на убитую сверху вниз. Петроний смотрел, чтобы не смотреть на меня. Я — потому что больше никогда ни на что не хотел смотреть на этой земле.

Ее милое лицо все еще оставалось ярким от косметики, которой пользуются молодые женщины ее сословия, но кожа под краской уже побелела и напоминала алебастр. Это была она и не она. Погасли

огоньки в глазах, исчез смех, осталась только безжизненная, неподвижная белая оболочка. Сосия мертва, тем не менее, я не мог относиться к ней как к трупу.

— Она ничего не поняла, — тихо произнес Петроний и откашлялся, — ее просто убили. Больше ничего.

Изнасилование. Он имел в виду изнасилование, пытки, осквернение, оскорбление.

Она мертва, и этот несчастный дурак пытается сказать мне, что она не подверглась насилию? Я хотел наорать на него, что больше ничего не имеет значения. Друг пытался сказать мне, что все случилось быстро. Я это видел! Сосию Камиллину убили одним быстрым сильным ударом до того, как она догадалась, что сделает этот человек. Крови было очень мало. Она умерла легко.

— Она была мертва, когда вы пришли? — спросил я. — Она успела что-то сказать?

«Рутинные вопросы, Марк. Придерживайся своей рутины». Спрашивать не имело смысла. Петроний в бессилии пожал плечами, затем отошел.

* * *

Итак, я стоял там практически наедине с Сосией, больше такого шанса мне не представится. Я хотел взять ее на руки, обнять, но рядом находилось слишком много людей. Через некоторое время я просто присел на корточки рядом с ней, а Петроний не позволял своим подчиненным к нам приближаться. Я не мог с ней поговорить даже в мыслях и не смотрел на девушку, чтобы не видеть крови. Я мог этого не выдержать.

Я сидел на корточках, переживая то, что здесь произошло. Это было единственной помощью, которую я мог оказать Сосии. Это был единственный способ, которым я мог ее успокоить после того, как она умерла в одиночестве.

* * *

Я узнаю, кто это был, и убийца должен это понимать. Когда-нибудь, как бы тщательно он ни защищался, этот человек будет держать передо мной ответ.

Сосия нашла его здесь что-то пишущим (это было очевидно). Что он писал? Не опись серебряных слитков, потому что она ошиблась, — слитков тут не было, хотя мы на протяжении нескольких дней переворачивали заброшенный склад вверх дном. Но он писал, потому что белая одежда девушки было запачкано чернилами. Возможно, она его знала. Когда она нашла убийцу, тот понял, что ее нужно заставить замолчать, поэтому встал и быстро заколол жертву одним ударом в сердце. Он убил девушку пером.

Петроний был прав. Сосия Камиллина не могла этого ожидать.

* * *

Я встал. Мне удалось не шататься.

— Ее отец...

— Я им сообщу, — ничего не выражающим тоном заявил Петроний. Эту обязанность он ненавидел. — Отправляйся домой. Я сообщу семье. Марк, просто иди домой!

В конце концов я решил, что будет лучше, если им на самом деле сообщит Петроний.

Пока я шел прочь, чувствовал, как друг провожает меня взглядом. Он хотел помочь, знал, что никто ничего не может сделать.

Глава 19

Я пошел на похороны, в моей работе эта традиция. Петроний отправился со мной.

Как обычно церемонию проводили на улице. Процессия протянулась из дома ее отца, Сосию Камиллину несли на открытых деревянных носилках с гирляндами в волосах. Кремация проводилась за пределами городской черты, у семейного мавзолея на Аппиевой дороге. Они отказались от профессиональных плакальщиц. Носилки несли молодые люди, которые были друзьями семьи.

Дул сильный ветер. Они пронесли носилки через Рим при дневном свете, музыка флейт и плач нарушали покой городских улиц. Один из молодых носильщиков пошатнулся у погребального костра. Это место представляло собой сооружение из кучи дров, сложенных в виде жертвенника, со сплетенными вокруг него темными листьями. Я, не глядя, шагнул вперед, чтобы помочь. Носилки оказались такими легкими, что чуть не вылетели у нас из рук, когда мы поднимали их наверх.

Речь ее отца была краткой, почти небрежной. Это, наверное, правильно. Именно такой была ее жизнь. В тот день Публий Камилл произнес простые слова и простую правду.

— Это моя единственная дочь. Сосия Камиллина была честной девушкой, почтительной, обязательной, преданной долгу и покинула этот мир до того, как узнала любовь мужа или ребенка. Примите ее молодую душу с нежностью, о боги...

Он взял один из факелов и, не глядя на дочь, зажег погребальный костер.

— Сосия Камиллина. Здравствуй и прощай!

Она покинула нас в окружении цветов, маленьких безделушек и благоухании ароматических масел. Люди плакали, я был одним из них. Языки пламени взметнулись вверх. Единожды я увидел ее сквозь пелену дыма. Сосия Камиллина покинула нас.

* * *

Мы с Петронием присутствовали на похоронном ритуале много раз, нам он никогда не нравился. Мы стояли чуть в стороне, и я тихо ругался себе под нос.

— Это ужасно. Напомни мне еще раз, что, именем Гадеса, я здесь делаю?

Он ответил мне тихим голосом, пытаясь меня поддержать.

— Официально выражаешь соболезнования. Также остается слабая надежда на то, что тут может появиться и выродок, которого мы ищем. Вдруг очарованный своим преступлением, он решит пощеголять перед мавзолеем...

Сохраняя траурное выражение лица, я фыркнул.

— Выставит себя любопытным взглядам как раз в том единственном месте, где, как он точно знает, стоят представители закона, мечтающие о возможности броситься вслед за неприглашенным гостем, со странным выражением лица и огнем в глазах...

Петроний опустил руку мне на плечо.

— Ты знаешь, у членов семь, бывает, наблюдаются странные реакции, не совсем соответствующие ситуации.

— Семью можно исключить, — объявил я.

Петроний вопросительно приподнял брови. Он оставил этот щекотливый вопрос претору — пусть магистрат их же ранга пачкает чистую обувь в навозе. Я думаю, Петроний предположил, что у меня разбито сердце и в таком состоянии я не в состоянии обдумывать этот вопрос. Но я обдумал.

— У женщины недостаточно силы, у детей не хватает роста. У Децима Вера в свидетелях пятьдесят членов правительства, чьим словам я никогда не поверю, а вот свидетельства старого раба с Черного моря, его чистильщика обуви, для меня достаточно. Все заявляют, что Децим находился в сенате. Публий Метон обсуждал торговые корабли с бывшим мужем дочери его брата, с которым она развелась. Это, кстати, исключает также и бывшего зятя, даже до того, как мы стали рассматривать его кандидатуру, Петроний.

Я проверял. Я знал о местонахождении родственников сенатора и его брата, о существовании которых они забыли.

Единственное, что я не сделал, не встретился с бывшим мужем Елены Юстины. Я даже не потрудился выяснить его имя. Я исключил его по двум причинам. Полезный раб-чистильщик обуви сказал мне, где находился этот человек. И в любом случае он развелся с Еленой. Я видел слишком много браков других людей, чтобы поверить: сторонам лучше после того, как они положат конец официальному союзу. Если муж Елены был со мной согласен, то он безусловно разумный человек.

* * *

Не думайте, что мой верный старый армейский товарищ ничего не делал. Петроний оказался в составе группы расследования под

руководством местного претора. Он стал незаменим для эдила, занимающегося этим делом (к счастью, не Пертинакса. Убийство произошло в Восьмом квартале, районе римского Форума). Петроний лично провел обыск во всех лавках и лачугах переулка Ворсовщиков. Выяснилось, что склад, где нашли Сосию, принадлежал бывшему старому консулу по имени Карпений Марцелл, который медленно умирал от какой-то болезни в сельском поместье в пятидесяти милях к югу от Рима. Претор принял бы предсмертное состояние за алиби, но Петроний тем не менее, проехал в имение, чтобы убедиться. Это не мог сделать Карпений Марцелл. Он так страдал, что едва ли увидел Петрония, стоявшего у его постели.

Склад был пустым, когда мы его нашли, но мы не сомневались, что он кем-то использовался. Во дворе оставались недавние следы колес фургонов. Любой, знавший, что владелец болен, мог тайно им воспользоваться.

* * *

Во время похорон не произошло никаких инцидентов. Мы с Петронием никого не опознали и чувствовали себя не в своей тарелке.

Теперь ближайшие родственники ждали, когда можно будет собрать пепел. Остальным прощающимся пришло время уходить. Перед тем как уйти, я заставил себя подойти к опечаленному отцу Сосии Камиллины.

— Публий Камилл Метон.

Я впервые встретился с ним после того случая с Пертинаксом. Этого человека было легко забыть: гладкое овальное лицо, практически лишенное выражения, отстраненный взгляд с намеком на оправданное презрение. Это также оказался единственный раз, когда я видел его с братом. Лысый Публий выглядел старше, но сегодня во время официальной церемонии голова была прикрыта, и когда он отвернулся от меня, я заметил красивый и решительный профиль, который отсутствовал у Децима. Когда он отошел, послышался слабый запах мирры. Я также заметил золотой перстень с большим изумрудом, с инталией. Эти свидетельства холостяцкого тщеславия я не замечал

раньше. После того как я обратил внимание на эти вещи, которые казались такими неважными, я почувствовал себе еще более неловко.

— Господин, наверное, это последнее, что вы хотели бы от меня услышать... — По его выражению лица я понял, что не ошибся. — Господин, я обещаю вам... я обещаю ей... я найду того, кто убил вашего ребенка. Чего бы это ни стоило и сколько бы времени ни отняло.

Он уставился на меня так, словно разучился говорить. Юлия Юста, жена его брата, легко коснулась моей руки. Она метнула на меня полный раздражения взгляд, но я остался на месте. Публий мягко и печально улыбнулся, но эта мягкость лишь скрывала твердость, которую я не видел раньше.

— Ты уже вполне достаточно сделал для моей дочери! — воскликнул он. — Уходи! Оставь нас всех в покое!

Его резкий голос поднялся до крика.

Это было неприятно. Утренняя звезда померкла для нас обоих, и вот он я, здесь, пристаю к нему. Он не знал, кого еще винить, поэтому обвинял меня.

Тем не менее причина заключалась в другом. Это было неприятно, потому что Публий Камилл Метон выглядел, как человек, печаль которого мешает суровому самоконтролю. Этот человек сломается, но не сейчас, не на публике, не сегодня, не здесь. Раньше он был таким убедительным, но эта потеря потрясла его.

Я страдал из-за потери его полного жизни ребенка так же искренне, как и он. Мне было его жаль из-за нее. Ради нее я обратился к нему с открытым сердцем.

— Господин, мы разделяем...

— Мы ничего не разделяем, Фалько!

Он ушел прочь.

Я смотрел на бледную жену сенатора, которая взяла на себя обязанность поддерживать брата мужа на протяжении этого ужасного дня. Она подвела его к погребальному костру. Слуги собирали младших детей. Рабы семьи сгрудились вместе. Важные люди, собиравшиеся уходить, пожимали руку сенатора и провожали его брата серьезным взглядом.

Я знал, что могу установить контакт с сенатором. С его младшим братом Публием я просто сотрясал воздух, но с Децимом мы всегда

могли поговорить. Я ждал.

Два брата разделяли жизнь Сосии, теперь они разделяли ее уход. Теперь председательствовал Децим. Публий только неотрывно смотрел на кости на костре. Отец Сосии стоял отдельно от других, в одиночестве, а ее дядя готовился полить угли вином. По его сигналу прощающиеся стали уходить. Децим замер у костра, ожидая, когда посторонние уйдут.

Как и принято на похоронах, Децим вежливо позволял посторонним высказать соболезнования, затем прошел к Петронию Лонгу, официальному лицу. Сенатор остановился в трех шагах от нас и заговорил усталым голосом. Его усталость была сродни моей.

— Начальник стражи, спасибо за то, что пришел. Дидий Фалько, скажи мне, готов ли ты продолжать заниматься этим делом?

Никакой суеты. Никакой ссылки на расторжение мною нашего контракта. И мне не убежать. Я ответил с нескрываемой горечью.

— Я буду продолжать! Команда магистрата зашла в тупик. На складе ничего не обнаружено. Никто не видел преступника, его перо никак не опознать. Но, в конце концов нас к нему приведут серебряные слитки.

— Что ты намерен делать? — нахмурившись, спросил сенатор.

Я почувствовал, как Петроний переступил с ноги на ногу. Мы это не обсуждали. До этого мгновения я не был уверен — ее больше нет. Мое сознание прояснилось. Курс был очевиден — в Риме мне делать нечего. Здесь нет для меня места, никаких удовольствий, никакого спокойствия.

— Господин, Рим слишком велик. Но наша нить начинается в маленьком сообществе в провинции, находящейся под строгим контролем армии. Упрятать концы там должно быть труднее. Мы вели себя глупо. Мне следовало уехать раньше.

Петроний, который так сильно ненавидел то место, больше не мог молчать.

— О, Марк! Боги...

— Британия, — подтвердил я.

Британия зимой. Уже наступил октябрь. Мне повезет, если я туда доберусь до окончания навигации. Британия зимой. Я бывал там, поэтому знал, насколько там ужасно. Туман, который прилипает к твоим волосам, словно рыбий клей, холод, пронизывающий до костей

и забирающийся в плечи и колени. Туманы над морем, бури, метель и ужасные темные месяцы, когда рассвет и вечер, как кажется, едва ли отделены друг от друга.

Это не имело значения. Ничто из этого не имело для меня значения. Чем меньше цивилизация, тем лучше. Теперь ничто не имело значения.

ЧАСТЬ II

Глава 20

Британия, зима 70–71 гг. н. э.

Если вам когда-нибудь захочется поехать в Британию, советую вам не беспокоиться. Если вам этого не избежать, то вы найдете провинцию Британия за пределами цивилизованного мира, во власти северного ветра. Если ваша карта обтрепалась по краям, будьте уверены — вы эту провинцию не найдете. Могу сказать, что это для вас даже лучше. Старина Борей надувает толстые щеки и летит на юг, наверное, потому, что хочет убраться из Британии. Моя легенда состояла в следующем: Камилл Вер отправляет меня туда за своей дочерью Еленой Юстиной, которая гостит у тети. Мне вроде как предстояло доставить ее домой. Похоже, Камилл Вер гораздо больше любил свою младшую сестру.

— Фалько, если моя дочь согласится, сопровождай ее, но детали решай с самой Еленой, — сказал он мне во время обсуждения путешествия.

Судя по тому, как он это произнес, я решил, что Елена — девушка с характером. Децим говорил так неуверенно, что я решил задать прямой вопрос.

— Она не слушается вашего совета? С вашей дочерью трудно сладить?

— У нее был несчастливый брак! — воскликнул отец, пытаясь ее защитить.

— Сожалею, господин.

Я слишком страдал после смерти Сосии, чтобы еще заниматься проблемами других людей. Но возможно, личное горе сделало меня более чутким к несчастьям других.

— Развод был самым лучшим выходом, — кратко сказал отец, давая ясно понять, что личная жизнь его благородной дочери не подлежит обсуждению с типами, подобными мне.

Я допустил ошибку. Он все-таки любил Елену, но в душе побаивался ее. До того как у меня самого появились дети, я думал, что,

став отцом дочери, любой мужчина может сломаться. Сразу же после того как улыбающаяся повитуха опускает сморщенный красный комочек тебе на руки и требует дать ему имя, начинается паника, которая длится всю жизнь и...

Мне доводилось раньше справляться с упрямыми женщинами. Я предположил, что несколько крепких словечек помогут усмирить эту Елену.

* * *

Я отправился в Британию по суше. Хотя я ненавидел себя за это, я не мог бы послать никого проделать весь путь по морю, между Геркулесовыми Столбами, по дикой Атлантике, вокруг Лузитании и Испании. Одного перехода по морю из Галлии более чем достаточно. Его бы пережить.

Было сделано все, чтобы облегчить мое путешествие в Британию. Мне выдали достаточно денег и специальный пропуск. Я щедро тратил деньги на булавки для застегивания плаща и крем с мускатным орехом. На пропуске стояла подпись, настолько похожая на подпись императора, что сонные собаки на приграничных постах тут же вскакивали и оставались на задних лапах. Больше всего меня волновала потеря квартиры, но выяснилось, что на время выполнения важного задания заключается специальное соглашение, и квартира остается за мной. Хитрый счетовод грек, работавший у сенатора, обо всем договорится со Смарактом. Мне было жаль, что я пропущу их встречу.

Мать фыркнула и заявила мне, что если бы знала о моем намерении вернуться назад, то сохранила бы поднос, который я привез ей в подарок из Британии после своего первого посещения провинции. Поднос был вырезан из серого глинистого сланца, который добывают на южном побережье. Похоже, его необходимо постоянно смазывать маслом. Я этого не знал и соответственно не сказал ей, поэтому подарок развалился на части. Мать считала, что мне следует найти того, кто мне его продал, и потребовать назад свои деньги.

Петроний отдал мне пару старых носков из старой формы, в которой мы ходили в Британии. Он никогда ничего не выбрасывает. Я

свои носки сбросил в колодец в Галлии. Если бы я знал об этом несчастливом путешествии, то возможно, и сам бы прыгнул вслед за ними.

* * *

По пути в Британию у меня была масса времени на размышления. Но размышления меня никуда не привели. От Веспасиана хотело избавиться множество людей. На протяжении последних двух лет стало модно менять императоров. После того как парализующие концерты Нерона потеряли привлекательность для восседавших в ложах щеголей с отсутствием слуха, он покончил жизнь самоубийством, и мы получили всеобщую свободу. Вначале Гальба, нетвердо стоявший на ногах старый деспот из Испании. Затем Отон, который был проституткой Нерона и поэтому считал себя его законным наследником. После него пришел Вителлий, наглый обжора, который регулярно напивался с железным упорством и еще оставил после себя рецепт гороховой каши, которую называли в его честь.

И все это за двенадцать месяцев. Начинало казаться, что любой человек, получивший хотя бы частичное образование и умеющий обаятельно улыбаться, способен убедить империю, что ему следует носить пурпур. Затем после того как Рим был бессмысленно и злонамеренно разрушен, появился этот хитрый старый полководец Веспасиан, у которого имелось одно большое преимущество: никто о нем почти ничего не знал ни хорошего, ни плохого. У него был сын Тит, бесценный союзник, который тут же ухватился за возможность искупаться в политической славе, словно терьер, вцепившийся в крысу...

Мой наниматель Децим Камилл Вер считал, что любой противник Веспасиана должен подождать, пока Тит не вернется из Иудеи. Сам Веспасиан подавлял восстание евреев, когда ворвался во власть. Он вернулся в Рим императором и оставил Тита завершать эту популярную работу с обычным щегольством. Если столкнуть с трона Веспасиана, то это просто позволит его очень умному старшему сыну раньше времени унаследовать империю. Его младший сын Домициан не представлял особой угрозы, будучи несерьезным и ничтожным

человеком, но Веспасиана с Титом следовало сметать одновременно, или любой заговор против них обречен на провал. Это означало, что у меня есть время на решение загадки, пока Тит не захватил Иерусалим. Хотя, судя по тому, что мне рассказывал Фест, до того как погиб в Бетеле. Кентавр два раза не успеет махнуть хвостом, как Тит пронесется по Иерусалиму. (Тит командовал Пятнадцатым легионом, в котором служил мой брат.)

Вот так обстояли дела. Любой человек с положением и деньгами, желавший видеть себя императором, мог попытаться сбить новую династию с оливкового дерева. В сенате шестьсот человек, это мог быть любой из них.

Я не верил, что это Камилл Вер. Считал ли я так, потому что знал его лично? Как мой клиент, несчастный неловкий и нескладный человек казался более человеческим, чем остальные (хотя я и раньше попадался на такую удочку). Даже если он не при чем, оставались еще пятьсот девяносто девять.

Это был кто-то, знающий Британию или знающий кого-то, кто знал Британию. Прошла четверть столетия после вторжения Рима в провинцию (кстати, имя Веспасиана впервые прозвучало в связи с той кампанией). После этого бесчисленные смелые ребята отправлялись на север выполнять долг. У многих из них была блестящая репутация, а теперь вполне могли разыграть амбиции. Сам Тит являл собой типичный тому пример. Я помнил его там, молодого военного трибуна, командовавшего подкреплением, которое пришло с Рейна для восстановления провинции после восстания. Британия считалась таким свидетельством о социальной пригодности. Никому она не нравилась, но теперь во всех хороших семьях Рима имелся сын или племянник, который выполнял долг в холоде или на болотах на окраине мира. Я мог искать любого из них.

Этот кто-то мог служить в Северной Галлии. Этот кто-то мог служить в Британском флоте, стоявшем в проливе между провинцией и материком. Этим кем-то мог быть любой человек, владеющий любым кораблем, например, купец, перевозящий британское зерно на военные базы на Рейне или же шкуры охотничьих собак в Италию, а может, экспортер гончарных изделий и вина. Или, зная купцов, целая крепкая группа. Это мог быть местный британский губернатор, а может, его жена.

Это мог быть человек, на встречу с которым я ехал, Гай Флавий Иларий, родственник моего сенатора, который теперь являлся прокуратором и отвечал за финансы. Последние двадцать лет он по собственному выбору жил в Британии. Столь эксцентричный выбор подразумевал, что Иларий определенно от чего-то сбежал (если он только не полностью съехал с катушек).

* * *

К тому времени, как я добрался до Британского океана, я придумал столько диких планов и прокрутил их в своем сознании, что у меня уже кружилась голова. Я стоял на скалах на самом краю Галлии и наблюдал за белыми бурунами. При виде пенящейся внизу воды мне стало еще хуже. Я отвлекся от проблемы и сконцентрировался на том, чтобы не слишком страдать морской болезнью, пока наше судно переходило через пролив. Ох, не знаю, зачем я пытался, меня все равно всегда тошнит.

Мы предприняли пять попыток, чтобы выйти из гавани Гесориака, и к тому времени, как вышли в море, мне хотелось только повернуть назад.

Глава 21

Я направлялся на запад, поэтому устроитель моего путешествия организовал мне маршрут на восток. После семи лет в армии это меня не удивило.

Я планировал не торопиться и провести несколько дней в Лондини, чтобы акклиматизироваться. Но начальник порта Гесориака вероятно послал сигнал на другую сторону, в Дубрий, как только меня заметил. Лондиний знал, что я приеду до того, как покину Галлию. На причале в Рутупие стоял специальный посланник и постукивал подбитым мехом сапогом. Он был готов спасти меня от бед, с того момента как я сошел с корабля.

Посланник прокуратора был центурионом, которые выполняют особые задания с помпезностью, а сами всегда полны важности, как это принято у героев. Он представился, но оказался недружелюбным

типом с заплывшим жиром лицом и жидкими волосенками, имя которого я с легкостью забыл. Он служил в Двенадцатом легионе Валерия, состоявшем из скучных, но достойных солдат, которые покрыли себя славой во время разгрома восстания царицы Боудикки. Теперь их штаб располагался у гор в Вироконии, у границы. Мне удалось выжать из него только одну полезную деталь. Несмотря на усилия сменяющих друг друга губернаторов, граница все еще пролегла в том же месте. Это была старая дорога, по диагонали пересекающая остров от Иски до Линда. Большая часть острова, лежащая за этой границей, так и оставалась не подконтрольной Риму. Я вспомнил, что серебряные рудники находились не на нашей стороне границы.

* * *

Ничто в Британии существенно не изменилось. Цивилизация просто покрывала провинцию, словно слой воска банку с мазью аптекаря, этот слой было легко проткнуть пальцем. Веспасиан отправлял сюда юристов и ученых для превращения их в демократов, которых можно было бы безопасно пригласить на ужин. Рутупие обладал всеми чертами порта империи, но после того, как мы немного проехали по дороге к югу от Тамесия, реки, по которой осуществлялись поставки, я увидел, что все осталось по-прежнему. Круглые хижины, из труб которых поднимался дым, сгрудились на убогих квадратных полях. Угрюмый скот бродил под зловещим небом. Складывалось впечатление, что можно много дней ехать сквозь леса по известковым холмам, пока не увидишь алтарь бога, имя которого знаешь.

Когда я впервые увидел Лондиний, он представлял собой поле пепла с едким запахом. Черепа убитых поселенцев катились красноватым потоком, ударяясь друг о друга, словно галька. Ныне город был новой административной столицей. Мы заехали с юга и нашли новый мост, недавно построенные верфи, склады, мастерские, таверны и бани. Не встречалось ничего старше десяти лет. Я уловил и знакомые, и экзотические запахи, и за десять минут услышал шесть языков. Мы проследовали мимо пустого, чернеющего участка,

отведенного для строительства дворца губернатора. Позднее мы миновали еще один большой участок, где будет Форум. Правительственные здания стояли везде, в одном из них проживал прокуратор с семьей. Это был заполненный людьми комплекс с двором, верандами и шестьюдесятью кабинетами.

В жилых покоях прокуратора бросался в глаза удручающий британский стиль: закрытые дворики, тесные комнатки, темный зал, тускло освещенные коридоры, недостаток воздуха. Здесь жили люди с бледными лицами и бледными ногами. Чтобы сделать жизнь терпимой, их окружала арретинская посуда и финикийское стекло. На стене висели картины, выполненные бычьей кровью и охрой: художник, который рисовал аистов и виноградную лозу, вероятно, видел это лет двадцать назад. Я приехал в середине октября, но дом уже отапливали. Сразу перешагнув через порог, я почувствовал, что пол теплый, — отопление проходило и под полом.

Флавий Иларий вышел из кабинета, чтобы лично меня поприветствовать.

— Дидий Фалько? Добро пожаловать в Британию! Как прошло твое путешествие? Ты быстро добрался! Проходи. Давай поговорим, пока твои вещи заносят наверх.

Это был обаятельный, располагающий к себе, полный жизненной энергии мужчина. Я восторгался им, поскольку он продержался на государственной службе почти тридцать лет. У него были короткие аккуратно подстриженные каштановые волосы и тонкие руки, сильные, с чистыми подстриженными ногтями. Я заметил широкое золотое кольцо, свидетельствующее о его статусе. Как республиканец, я ненавидел сословия и разряды, но с самого начала решил, что Иларий мне очень нравится. Его ошибка состояла в том, что он хорошо и тщательно выполнял свою работу и видел в жизни лишь светлую сторону. Люди его любили, но для консервативных судей это не было свидетельством «здорового ума».

Комната, которую чиновники, занимавшиеся проектировкой комплекса, отвели под личный кабинет, на самом деле использовалась Иларием в качестве дополнительного места для приема посетителей. Там стояла кушетка для чтения, уже потерявшая изначальную форму от частого использования, а также стол и скамьи для гостей. Светильники в огромном количестве горели, так как было поздно.

Секретари ушли и оставили Илария одного наедине с цифрами и мыслями.

Он налил мне вина. «Приятный жест, — подумал я, — это поможет мне расслабиться». Затем я вздрогнул, поняв, что, может, все как раз и задумано, чтобы усыпить мою бдительность!

Допрос проходил с изматывающим пристрастием. В сравнении с Иларием мой клиент Камилл Вер был просто мягкой сливой. Я уже вычеркнул прокуратора из списка подозреваемых, но он решил обсудить императора, чтобы продемонстрировать свои симпатии.

— Нет лучшего человека для империи, но это новое веяние для Рима. Отец Веспасиана был финансистом среднего звена, тем не менее, теперь Веспасиан стал императором. Мой отец тоже был финансистом, и я стал финансистом.

Мое отношение к нему стало более теплым.

— Не совсем, господин. Вы — второе гражданское лицо в престижной новой провинции, а император считает вас другом. Никто, за исключением губернатора, не имеет в Британии большего веса, чем вы. Самое высокое достижение вашего отца — третьесортный сборщик налогов в одном из небольших городков Далмации.

Я знал это, потому что специально занимался прошлым Илария перед поездкой, и он, разумеется, это понял. Он улыбнулся, я тоже.

— А твой отец был аукционистом, — бросил он мне в ответ. Мой отец исчез так давно, что не многие это знали.

— Возможно, и до сих пор им является! — признал я с мрачным видом.

Флавий Иларий никак это не прокомментировал, хотя и выяснил обо мне все, что мог, перед моим приездом. Вежливый человек.

— А ты, Фалько, отслужил два года в армии, потом добавил еще пять в качестве лазутчиком, как это называют в легионах. Однако местные жители вешают таких армейских агентов как шпионов...

— Если они смогут их поймать!

— А тебя они никогда не поймали... Итак, ты был демобилизован по состоянию здоровья, быстро восстановил силы, возможно, даже слишком быстро, но это говорит о хорошем физическом здоровье, затем занялся нынешней работой. Мои источники сообщают о твоей не самой лучшей репутации, об этакой сонливости, хотя прошлые

клиенты о тебе неплохо отзываются. Некоторые женщины выглядят странно, когда это говорят! — немного поджав губы, заметил он.

Я пропустил это мимо ушей.

Затем он сказал то, чего мы оба избегали с начала беседы.

— Мы с тобой служили в одном легионе, Дидий Фалько, — улыбнулся британский финансовый прокуратор.

Я это знал, а он, наверное, это понял.

Разница в двадцать лет. Один и тот же легион, одна и та же провинция. Он служил там, когда славный Второй легион Августа считался элитной частью британской захватнической армии. Его командующим был Веспасиан, именно так они и познакомились. Я служил во Втором легионе в Иске, в то время когда Павл, британский губернатор, решил вторгнуться на Мону, остров друидов, чтобы раз и навсегда очистить эту крысиную нору от нарушителей спокойствия. Павл оставил нас в Иске оборонять его тылы, но наш командующий сопровождал его вместе с советниками. В результате мы оказались с некомпетентным командиром лагеря по имени Фений Постум, который назвал восстание царицы Боудикки «просто местной размолвкой». Когда поступили приказы возмущенного и обеспокоенного губернатора, сообщающего этому придурку о том, что икены прошлись кровавым серпом по всему югу, Постум отказался выходить. Он не поспешил присоединиться к осаждаемой полевой армии либо из страха, либо по причине дальнейшей неправильной оценки ситуации. Я служил в нашем легионе, когда его славное имя стало плохо пахнуть.

— Не твоя вина! — прочитав мои мысли, мягко заметил мой новый коллега.

Я ничего не ответил. После того как восставшие были разгромлены, и правда стала известна, наш бездарный командующий лагеря упал грудью на меч. Но вначале он заставил нас бросить двадцать тысяч товарищей в открытой местности без каких-либо поставок и места для отступления. Им предстояло сражаться против двухсот тысяч орущих кельтов. Восемьдесят тысяч гражданских лиц были убиты, пока мы начищали пуговицы и пряжки в казармах. Мы могли бы потерять все четыре британских легиона. Мы могли бы потерять губернатора. Мы могли бы потерять провинцию.

Если бы какая-то римская провинция пала в результате восстания местных жителей под предводительством женщины, то всей империи

мог бы прийти конец. Мы видели Камулудун, в котором горожане собрались вместе в храме Клавдия и погибли в объятиях друг друга в течение четырех дней ада. Мы задыхались от черной пыли Веруламия и Лондиния. Мы срезали с крестов распятых поселенцев в их уединенных загородных домах, мы засыпали землей обожженные скелеты их задушенных рабов. Мы в ужасе смотрели на изуродованных и оскверненных женщин, которые, словно красные тряпки, свисали с деревьев в языческих рощах. Мне было тогда двадцать лет.

Именно поэтому я уволился из армии сразу, как только смог. Для этого потребовалось пять лет, но я ни разу об этом не пожалел и не передумал. Я начал работать на себя и больше никогда не стану подчиняться приказам человека с таким преступным неумением. Я никогда не стану частью системы, которая поднимает таких дураков на командные должности.

* * *

Флавий Иларий все еще наблюдал за моей задумчивостью.

— Никто из нас никогда полностью не восстановится, — признал он хриплым голосом, и его лицо омрачилось.

Пока губернатор Павл сражался с горными племенами, этот человек проводил геолого-разведывательные работы, пытаясь найти медь и золото. Теперь он работал финансистом, занимал второе место после губернатора на высоком административном посту. Но десять лет назад, во время восстания Гай Флавий Иларий занимал гораздо более низкую должность. Он был прокуратором, отвечавшим за британские рудники.

Это мог быть он! Мой усталый мозг продолжал повторять мне, что этот умный человек с ясными глазами и приятной улыбкой как раз может оказаться негодяем, которого я приехал сюда искать. Он понимает, как работают рудники, и способен подделать документы. Никто в империи не занимает лучшего положения.

— Наверное, ты очень устал! — мягко воскликнул он. Я чувствовал себя изможденным. — Ты пропустил ужин. Я пошлю тебе

еду прямо в комнату, но вначале воспользуйся нашей баней. После того как ты поешь, я хочу представить тебя своей жене...

Таким образом, я впервые столкнулся со средним классом дипломатии. До этого времени мне не доводилось с ними пересекаться по той простой причине, что они вели жизнь, настолько лишенную обмана, что не привлекали ничьего ненужного внимания. Им самим также никогда не приходилось меня нанимать. Я приехал, ожидая, что ко мне будут относиться как к слуге. Вместо этого меня инкогнито провели в личные покои прокуратора и встретили, скорее, как гостя семьи.

К счастью, я взял с собой и приличную одежду.

Глава 22

Меня разместили так уютно, что это даже смущало. Мне выделили просторную комнату с кроватью, которая стонала под разноцветными перинами. Мигали масляные лампы. Тепло просачивалось сквозь дымоходы в стене. Имелись стулья с низкими квадратными скамеечками для ног, подушки, на полу лежали ковры, предоставлялись писчие принадлежности для личного пользования, в блестящей керамической вазе лежали поздние яблоки.

Франтоватый проворный раб проводил меня в баню, еще один мыл меня, затем проводил в отведенную мне комнату, где уже ждал пухленький мальчик. Он разгружал поднос с серебряной посудой, наполненной холодной дичью и ветчиной. Я воспользовался возможностью поесть, раз уж она мне выдалась. Мальчик мне прислуживал, похоже, я произвел на него впечатление. Я ему подмигнул, но потом отвернулся, чтобы у него не сложилось неправильного впечатления.

В виде уважения к хозяину я причесался. Затем я достал свою лучшую тунику. Она была белого цвета, и продавец одежды, услугами которого я всегда пользуюсь, сообщил мне, что до меня ее носил только один человек. (Моя мать всегда велит мне спрашивать, от чего они умерли, но если нет видимых пятен крови, я не спрашиваю. Какой торговец признается, что у твоего предшественника было заразное кожное заболевание?)

Открыв свой багаж, я задумчиво посасывал остатки ветчины, застрявшие у меня между зубов... Все было сделано очень умело, однако во время нашей беседы с хозяином в кабинете мои вещи обыскали.

* * *

Я нашел Илария отдыхающим в теплой комнате, предназначенной для совместного семейного досуга. Он снял ремень и с удовольствием читал, коротая время с женой. Это была стройная женщина вполне обычной внешности, одетая в малиновое платье. Было заметно, что в этом элегантном одеянии она чувствовала себя немного неловко. На руках у нее спал грудной ребенок, а девочка двух или трех лет расположилась на коленях женщины помоложе в темной одежде, которую не стали сразу же представлять.

Флавий Иларий с готовностью поднялся на ноги.

— Дидий Фалько. Элия Камилла, моя жена.

Это была женщина в малиновом. Я не лелеял никаких надежд. Флавий Иларий давно работал дипломатом и был предан делу. Конечно, он женился на приличной, некрасивой женщине, которая знает, как подавать сласти губернатору и с какой тарелки, или может в течение трех часов вежливо беседовать с вождем племени, затем снять со своего колена его лапу так, чтобы его не оскорбить.

Я был прав. Элия Камилла, сестра сенатора, на самом деле была приличной, непривлекательной внешне женщиной. Она все это умела. Но ее отличали живые, выразительные глаза. Только смелый вождь или губернатор допустит с нею вольности.

Хотя ее муж их допускал. Вскочив, чтобы меня представить, Флавий Иларий забыл о собственной кушетке и вместо этого расслабился рядом с ней, опустив руку на бедро Элии Камиллы, словно для мужчины было вполне естественно таким образом ласкать жену. Ни один из них не выглядел смущенным. Такое никогда бы не случилось в Риме. Я был поражен.

* * *

Децим Камилл говорил о сестре с любовью. Она была младше него, вообще самой младшей из детей в их семье, тем не менее, ей близило к сорока. Сестра Децима оказалась скромной, домашней женщиной, которая в то же время великолепно играла публичную роль. Она мило мне улыбнулась, причем ее улыбка казалась искренней.

— Значит, это вы друг Сосии Камиллины!

— Не очень хороший, — признался я, после чего утопил свою печаль в этих полных сочувствия глазах.

Приличные некрасивые женщины ничего для меня не значат, тем не менее, мне сразу же понравилась тетя Сосии. Это была как раз та добрая женщина, о которой мечтает мальчик, если решит, что настоящая мать потеряла его при рождении и его воспитывают чужие люди в чужой земле... О, я весело фантазировал. Но меня кружило в личном кошмаре, и я только что преодолел путь в тысячу четыреста миль.

* * *

Друг Гай жестом указал мне на кушетку, но я заметил в комнате дополнительную жаровню, устроился на небольшой скамье рядом с ней и протянул руки к тлеющим углям. В другой ситуации я бы промолчал насчет того, что обнаружил наверху, но я предпочитаю срывать клиентов честностью, затем слушать их крики.

— Как я понимаю, кто-то обыскал мои вещи. Вероятно, это было неприятно. Куча нестиранных нижних туник...

— Больше этого не повторится! — улыбнулся Иларий и добавил, — просто проявляем осторожность.

Это не было извинением, и я не забеспокоился. Профессиональные предосторожности, которые мы оба понимали, поэтому вежливо кивнули друг другу.

Внезапно и резко прозвучал полный ярости голос, и я даже подпрыгнул.

— У вас браслет, который принадлежал моей двоюродной сестре!

Я наполовину обернулся. Напряженная молодая женщина с маленькой девочкой. Глаза цвета жженой карамели на полном горечи

миндалевидном лице. Золотые серьги в форме колец, на каждом — небольшие бусинки из сердолика. Внезапно я понял. Это дочь моего сенатора. Это и есть Елена.

Она сидела в полукруглом плетеном кресле, а ребенок счастливо залезал ей на колени и слезал с них. (Я знал, что своих детей у нее нет, поэтому маленькая девочка должна быть из этого дома.) Никто не назвал бы эту женщину некрасивой, но по привлекательности она не составляла конкуренции тете. У нее были густые и широкие брови отца, а поджатые губы и недовольное выражение лица напомнили мне его брата Публия.

— Вам следует его вернуть, Фалько!

Я никогда не любил женщин с громкими голосами и плохими манерами.

— Простите, но я оставлю его себе.

— Я подарила браслет ей!

— А она подарила его мне.

Я видел, почему сенатор так привязан к своей сестре с добрыми глазами, если это злобное существо породил сам.

Как только между нами возникло напряжение, вмешалась Элия Камилла, у нее в голосе слышались укоризненные нотки.

— Мне кажется, что мы все должны вести себя по-взрослому. Дидий Фалько, вы были привязаны к моей несчастной племяннице?

Это был классический тип римской матроны. Элия Камилла не допускала неприятных сцен. После тридцати лет сражений с собственной матерью, вечно задающей мне вопросы о женщинах, с которыми я имел дело, я к ним привык, и они от меня просто отскакивают.

— Мне очень жаль, — Элия Камилла явно укоряла себя за неприятную сцену. — Это было непростительно.

Эти открытые интеллигентнее люди поколебали мою уверенность. Мне удалось выдавить из себя ответ.

— Госпожа, все, кто знал вашу племянницу, были к ней привязаны.

Она грустно улыбнулась. Мы оба понимали, что мой простой комплимент был не тем, что она имела в виду.

Элия Камилла бросила взгляд на мужа, который снова взял в свои руки нити разговора.

— Конечно, я получил официальное извещение, копию протоколов официального расследования и объяснение причин твоего прибытия в Британию. Хотя мне бы хотелось услышать от тебя самого о твоих мотивах, — сказал он мне с понятной прямоотой. — Ты винишь себя?

— Я виню человека, который ее убил, — заявил я. Я увидел, как приподнимаются его реденеющие брови. — Но пока он не опознан, я беру ответственность на себя.

Женщина, с которой я поругался, высвободилась от ребенка и быстро вышла из комнаты. Она была высокой. Наблюдая за ней, я вспомнил, как когда-то любил высоких женщин.

Поскольку лицемерие помогает, я заговорил уважительно и с самым серьезным видом.

— Я только что имел честь оскорбить благородную дочь своего клиента?

Элия Камилла явно была обеспокоена тем, как вышла молодая родственница. Иларий протянул ребенку палец, и ребенок схватился за него во сне, одновременно лягая в воздухе одной ножкой. Очевидно, Флавий Иларий с юмором относился к подобным сценам. Вместо того чтобы широко улыбнуться, он сконцентрировался на том, чтобы снова надеть на ножку ребенка крошечный фетровый сапожок.

— Фалько, я приношу извинения! Это Елена Юстина, племянница моей жены. Мне следовало вас представить друг другу. Как я понимаю, было высказано предложение, чтобы ты проводил Елену домой?

Я достаточно долго не отпускаял его взгляд, чтобы разделить шутку, затем подтвердил, что так и есть. Или я так понял.

Глава 23

Я и без конфронтации с этой злобной ведьмой Еленой Юстиной пребывал в мрачном настроении. Ее ждет долгий путь домой, через варварскую территорию, поэтому я понимал, почему сенатор так хочет обеспечить ее каким-то профессиональным сопровождением. Правда, после моего провала с Сосией Камиллиной, казалось смехотворным то, что он выбрал меня. Я хотел ему помочь, но теперь, после знакомства с Еленой, перспектива близкого контакта с этим человеком

его отпрыском с дурным характером меня совсем не радовала. Когда-то завоевание ее на свою сторону могло бы стать вызовом. Теперь я очень болезненно переживал смерть Сосии, и у меня не хватало энергии. Только тот факт, что мне нравился Децим Камилл Вер, давал мне терпение вообще разбираться со сложившейся ситуацией.

В день нашего знакомства я не обнаружил у Елены Юстины никаких положительных качеств, если у нее такие вообще имелись. По каким-то причинам, которые я не мог понять, она отнеслась ко мне с презрением. Я в состоянии терпеть грубость, но казалось, что она даже не желает повиноваться дяде и тете.

Она отсутствовала недолго. Я подозревал, что она не упустит возможности найти еще что-то, что можно было бы во мне презирать. Когда она резко зашла назад, я ее проигнорировал. С такими наглыми особами это лучший способ.

Тем не менее мне было любопытно. Просто потому, что ты решил отказаться от женщин, еще не значит, что ты отказался от взглядов на них. Натура у нее была темпераментная, фигура костлявая, но мне нравилось, как она укладывала волосы. Я заметил, как маленькая дочь Флавия сразу же бросилась к ней. Не каждому удастся так очаровать ребенка. Значит вот она какая: знаменитая кузина любимой мною потерянной души.

Их отцы были братьями, но сами девушки ни в коей мере не походили друг на друга. Елене Юстине к тому времени перевалило за двадцать, тем не менее, она полностью владела собой. Внутри нее горело сильное, но ровное пламя, рядом с ней еще не повзрослевшая Сосия показалась бы определенно глупышкой. Елена Юстина была всем, чем обещала стать Сосия, но теперь никогда не станет. За это я ее ненавидел, и она знала, что ее ненавижу. Я сильно ее раздражал, и она не принимала меня.

Когда я оказываюсь в чужих домах, то стараюсь под них подстроиться. Хотя я устал, я держался и не уходил. Через некоторое время Элия Камилла извинилась и вышла, забрав и ребенка, и девочку. Я видел, как хозяин проследил за женой взглядом, вскоре он тоже ушел. Мы с Еленой Юстиной остались вдвоем.

Если сказать, что наши взгляды встретились, то это подразумевало бы слишком многое. Я посмотрел на нее, потому что когда мужчина остается в погруженной в тишину комнате вдвоем с женщиной, у него

это происходит естественно. Она уставилась на меня. Я не представлял, почему она это делает.

Я отказывался говорить. Вздорная дочь сенатора решила меня поддеть.

— Дидий Фалько! Разве это путешествие не является бессмысленной тратой времени и сил?

Я продолжал сидеть на той же скамье. Тут я поставил локти на колени и ждал ее объяснений. Моя упрямая дознавательница проигнорировала мое любопытство.

— Может быть, — наконец сказал я. Я смотрел в пол. Конфронтация продолжалась в молчании, но потом я добавил, — послушайте, госпожа, я не стану спрашивать, что с вами, потому что, если честно, мне до этого нет дела. (Неприятные особы женского пола — это одна из составляющих моей работы.) Я приехал выполнять опасное задание в место, которое ненавижу, потому что это — единственное, что могли предпринять мы с вашим отцом...

— Это была бы хорошая речь, если бы ее произносил честный человек!

— Значит, это хорошая речь.

— Это ложь, Фалько!

— Вам придется объяснить поподробнее. Вы считаете меня бесполезным. Этому я не могу помочь, но я делаю все, что в моих силах.

— Мне хотелось бы знать, заключили ли вы контракт только ради прибыли или это преднамеренный саботаж, — очень неприятно ухмыльнулась дочь сенатора. — Вы предатель, Фалько, или просто теряете время?

Или я был тупой, или она сошла с ума.

— Объясните, пожалуйста, — попросил я ее.

— Сосия Камиллина видела одного из похитивших ее мужчин заходящим в знакомый ей дом. Она написала мне об этом, хотя и не назвала, чей это дом. Она написала, что сообщила это вам.

— Нет! — воскликнул я.

— Да.

— Нет! — ужаснулся я. — Возможно, она собиралась сообщить мне...

— Нет, она утверждала, что сообщила.

Мы оба замолчали.

Что-то явно пошло не так. Сосия была своенравной, упрямой и легко возбудимой, но, несмотря на неопытность, она была умной девочкой. Она не стала бы упускать нечто настолько важное. Она слишком гордилась своими открытиями и очень хотела, чтобы я о них знал.

Я принялся судорожно размышлять. Сосия могла написать мне еще одну записку, но если так, то где она? Когда девушку нашли, при ней оказались две неиспользованные таблички из пачки, в которую входят четыре. Одну она оставила у меня в комнате, и у нас не было оснований предполагать, что четвертая была использована на что-то более серьезное, чем список покупок для дома. Что-то явно пошло не так.

— Нет, госпожа, вам придется поверить мне на слово.

— Почему мне следует верить вам на слово? — Елена Юстина фыркнула.

— Потому что я вру, только когда могу с этого что-нибудь получить.

Она поморщилась, словно от боли.

— Вы ввали ей? О, моя бедная сестра!

Я посмотрел на нее так, что она на мгновение замолчала, правда, остановить ее можно было с тем же успехом, что и сбежавшего быка, протягивая ему горсть сена.

— Ей было всего шестнадцать лет! — воскликнула дочь сенатора, словно это все объясняло.

Ну, по словам Елены становилось понятно, что, по ее представлениям, я сделал и почему она относится ко мне с таким нескрываемым презрением.

* * *

Вдруг Елена Юстина раздраженно вскрикнула и вскочила на ноги. Похоже, ей нравилось выбегать из комнат. Она пронеслась мимо меня, небрежно кивнув. Так она пожелала мне спокойной ночи. Я удивился, что вообще удостоился этого знака внимания.

Какое-то время я посидел на скамье, устало прислушиваясь к звукам незнакомого дома. Больше думать о Сосии я не мог, к тому же устал, поэтому не чувствовал груза давящих на меня проблем. Я был отчаянно одинок и находился слишком далеко от дома.

Я был прав. Ничто в Британии существенно не изменилось.

Глава 24

Флавий Иларий объяснил свой план на следующий день. Мне было неуютно в незнакомом доме, и я проснулся, как только люди начали ходить. Я надел четыре туники и осторожно спустился вниз. Сильно кашляющий раб показал мне на столовую, в которой слышались голоса, и, судя по тону, обсуждалось что-то серьезное. Как только я появился, все замолчали. Элия Камилла поприветствовала меня теплой улыбкой.

— Вот он! Вы проснулись слишком рано для человека, который приехал так поздно!

Она встала, чтобы отправиться по хозяйственным делам, но вначале поставила для меня тарелку. Простота нравов этого официального дома смущала. Сам Иларий с салфеткой, подоткнутой под подбородком, передал мне корзинку с хлебом. Молодая женщина с недовольным выражением лица по имени Елена сидела там же. Я ожидал, что она уйдут вместе с тетей, но она осталась, обхватив чашу и бросая на меня гневные взгляды. Едва ли ее можно было назвать застенчивым цветком.

— Поскольку ты здесь служил, ты, как я понимаю, старался быть в курсе последних событий, — сразу же начал ее дядя, прямой и не испытывающий колебаний человек, который сразу же переходит к делу, как только видит зрителя.

Я придал лицу благочестивое выражение человека, который находится в курсе событий.

К счастью, прокуратор привык начинать совещания с местного резюме. Он не мог приблизиться к обеденному столу, не попросив принести ему цены на сезонные овощи. Он сам ввел меня в курс дела.

— Как тебе известно, ценные металлы были главной причиной инвестирования в Британию. У нас есть металлургические заводы в

лесах в южной части провинции. Ими занимался военно-морской флот, и сделал все совершенно безобразно.

В сердце я был верен армии, поэтому улыбнулся.

— На крайнем западе, в горах, есть золото, свинец встречается в центральном горном районе, хотя процент получаемого серебра низкий. Лучшие рудники находятся на юго-западе. Когда-то Второй легион Августа непосредственно ими управлял, но мы с этим покончили в процессе поддержки самоуправления племен. На всех рудниках у нас имеются крепости, что позволяет нам наблюдать за происходящим, но мы отдаем управление местным дельцам.

Я пытался не расхохотаться, видя очевидное наслаждение прокуратора своей работой. Неудивительно, что другие чиновники никогда не воспринимали его серьезно!

— Человека, работающего в Мендипских горах, зовут Клавдий Трифер, именно он сейчас владеет правом на разработку, вычитает свой процент, затем передает остатки в казначейство. Он родился в Британии. Я его арестую после того, как выясню, как слитки крадут и перевозят.

Я закончил трапезу, и для облегчения пищеварения сел на кушетке, скрестив ноги. Флавий Иларий сделал то же самое. Он выглядел болезненно, как человек, мучающийся камнями, который из-за беспокойства или смущения так никогда и не нашел времени, чтобы посетить врача и дать ему себя осмотреть.

— Твоя работа будет заключаться в расследовании кражи, Фалько. Я хочу устроить тебя на рудник, чтобы ты стал одним из рабочих...

— Я вообще-то нацеливался на руководящую должность.

Он пренебрежительно рассмеялся.

— Все посты заполнены дальними племянниками сенаторов, которые приехали сюда охотиться на кабанов. Прости, Елена.

Будучи дочерью сенатора, она могла бы возразить, тем не менее, выдавила из себя легкую улыбку. Я тем временем задумался.

Моя новая работа требовала выносливости. На рудниках обычно работают довольно мерзкие типы преступного вида. Группы рабов трудятся там от рассвета до заката. Это тяжелая работа, и хотя, как кажется, свинец в Мендипских горах лежит совсем недалеко от поверхности, отсутствие физических опасностей в этих рудниках компенсируется их полной изолированностью и удаленностью.

— Фалько? — подал голос Флавий. — Раздумываешь о том, как тебе повезло?

— Если честно, то я предпочел бы сидеть в церемониальных одеждах, без зонтика, на открытом раскаленном амфитеатре, куда привратники запрещают проносить вино, а музыканты объявили забастовку, и в течение пяти часов смотреть греческую пьесу без слов! Кому я обязан этим великолепным зимним отдыхом? — спросил я привередливо.

Иларий сложил салфетку.

— Насколько я помню, первой идею подала Елена Юстина.

Мне пришлось улыбнуться.

— Пусть боги защищать госпожу! Надеюсь, вы все объясните моей седой матери после того, как я сломаю спину, и меня похоронят в болоте? Вы, госпожа, как-то связаны с фуриями, и поэтому таким образом мстите мне?

Елена Юстина уставилась в чашу и не ответила. Я поймал вопросительный взгляд ее дяди.

— Елена Юстина отвечает сама за себя, — кратко сказал он.

Мне казалось, что в этом и заключается ее проблема. Произнесение этого вслух ничего бы не дало, а мне не хотелось критиковать ее отца Децима. Ни одного мужчину нельзя полностью винить за женщин его дома. Я это понял задолго до того, как у меня появились женщины.

Глава 25

Флавий Иларий договорился, чтобы меня отвезли на запад, и я воспринял это как любезность с его стороны, пока не выяснил, как мне придется ехать. Он отправил меня обходным путем, по морю. Там у Флавия Илария имелся городской дом в центре южного побережья и поместье с частной летней виллой еще дальше на западе. Для того чтобы передвигаться между принадлежащими ему объектами недвижимости, он приобрел кельтский кеч, обшитый внакрой, который в шутку называл своей яхтой. Это старое, обросшее ракушками судно не совсем подходило для мечтаний на августовском солнце на озере у Волсинии. Вероятно, это представлялось Иларию удачной мыслью, но я после этого сам договорился о переезде.

Меня высадили в Иске. Восемьдесят миль от рудников, но это было хорошо. Нет смысла появляться сразу же с судном прокуратора. Это бы фактически означало приехать со штандартом, на котором значилось «шпион прокуратора». Я знал Иску. По-моему, этот город помогает нырнуть в водоворот со скалы, где твои ноги чувствуют себя как дома.

С тех пор как я стоял там десять лет назад, произошли военные перегруппировки. Из четырех изначальных британских легионов Четырнадцатый в настоящее время находился в Европе и ждал решения Веспасиана относительно своего будущего. Они активно действовали во время гражданской войны, но не на той стороне. Девятый испанский легион находился в процессе перевода на север в Эбурак, а Двенадцатый легион Валерия отправился к западным горам. Мой старый Второй легион Августа наступал к Глеву и добрался до верхнего течения огромной Сабрины. В настоящее время задачей легионеров было усмирение и сдерживание силуров, которые готовились к следующему броску на запад, как только почувствуют себя уверенными.

Иска без Второго легиона была для меня городом-призраком. Казалось странным снова увидеть наш форт, но еще более странным было обнаружить все ворота открытыми, а амбары пустыми. На перекрестках сгрудились в беспорядке мастерские, местный магистрат разместился в доме командующего. За фортом, там, где заканчивались пристройки с односкатной крышей и лавки, как я и ожидал, находились небольшие наделы тех ветеранов, которые ушли в отставку, пока Второй все еще стоял здесь. Печально, если приходится брать надел, чтобы жить рядом с товарищами, а потом смотреть, как они уходят в новый форт, расположенный в ста милях. Тем не менее некоторых из них явно удерживают браки с местными жительницами. Я исключил вариант, что они остались в этой мерзкой провинции из-за климата или пейзажа.

Я полагался на ветеранов. Я полагался на то, что они будут здесь, рядом с фортом Второго легиона, и на то, что Второй снялся с места. Казалось вполне вероятным, что если я теперь приду с предложением о приключении, то вполне могу найти товарища, у которого зудят ноги.

Бывший центурион Руфрий Виталий жил в небольшом каменном домике на ферме с красноземом, примостившейся неподалеку от мрачных болот. Все его соседи были выдавшими виды ветеранами, которые тоже занимались фермерским хозяйством. Я заметил его в городе, специально с ним столкнулся и заявил, что знаю его, хотя на самом деле его помнил, но не очень хорошо. Он же так отчаянно желал услышать новости о Риме, что мы мгновенно оказались старыми товарищами.

Он поддерживал себя в хорошей форме. Этот физически крепкий, сильный, толковый мужик с внимательными глазами и серой щетиной на подбородке обветренного лица был родом из Кампании, из семьи фермеров. Даже в Британии он работал на улице в одежде с коротким рукавом. В нем было столько энергии, что он мог не обращать внимания на холод. Перед уходом в отставку Руфрий Виталий отслужил тридцать лет — на пять больше, чем требовалось, но после восстания опытным солдатам предложили послужить в Британии дополнительно за более высокое жалованье. Я никогда не перестану удивляться тому, что люди делают за двойную оплату.

Мы провели какое-то время в кабачке, обмениваясь сплетнями. Когда он повел меня домой, я не удивился, обнаружив, что он живет с местной женщиной — ветераны так обычно и делают. Ее звали Труфорна. Она была намного младше его, бесформенной и какой-то бесцветной, просто мучнистая пышка с бледно-серыми глазами, но я понимал, как мужчина, оказавшийся в лачуге за океаном, может убедить себя, что и Труфорна имеет фигуру и привлекательную внешность. Мой новый знакомый явно игнорировал свою женщину, а она, в свою очередь, бродила по маленькому домику, наблюдая за ним.

В доме Руфрия Виталия мы продолжили беседу, используя при этом спокойный тон, не демонстрируя никакого возбуждения, дабы не беспокоить Труфорну. Меня спросили, зачем я приехал. Я упомянул кражу, коснулся политических тем, хотя и не стал точно указывать, какой именно политический уклон имеет это дело. Руфрий не спрашивал. Любой рядовой, дослужившийся до центуриона до выхода в отставку, имеет слишком большой опыт, чтобы его интересовала политика. Ему хотелось знать, какую стратегию я планирую.

— Пробраться внутрь, расследовать, что происходит, выбраться.

Он недоверчиво покосился на меня.

— Это не шутка. Это все, что я могу придумать.

— Разве прокуратор не может тебя пристроить?

— Меня беспокоит, как выбраться!

Он снова посмотрел на меня. Мы разделяли чувства по отношению к классу администрации. Он понимал, почему я предпочитаю собственный план и кого-то, кому могу доверять, чтобы вытянул меня за веревку, когда я крикну.

— Тебе нужен помощник, Фалько?

— Да, но кого я могу попросить?

— Меня?

— Как насчет твоей фермы?

Он пожал плечами. Это требовалось решать ему самому. Он задал настоящий вопрос.

— Мы тебя туда пристраиваем, мы тебя вытаскиваем. Что происходит потом?

— Если солнце будет нам светить, то я возвращаюсь прямо в Рим!

Мой крючок попал ему прямо в горло. Мы говорили о Риме, пока его сердце не стало вылезать из-за ребер. Он спросил, не удастся ли кому-то еще пристроиться ко мне. Может, найдется какая-то вакансия? Поэтому я предложил нанять его ответственным за багаж Елены Юстины. Наши глаза из-под опущенных век покосились на Труфорну.

— А как быть с ней? — тихо спросил я.

— Ей не нужно ни о чем знать, — объявил Виталий со слишком большой уверенностью.

«О, центурион!» — подумал я. Но это тоже должен был решать он.

* * *

Он знал район. Я позволил ему разработать план.

Через неделю мы прибыли в Вебиодун, к серебряным рудникам. Виталий сидел на малорослой лошади, одетый в кожу и меха, и изображал из себя охотника из разряда тех, которые истребляют вредных животных за вознаграждение. Я бежал за ним в лохмотьях раба. Виталий пояснил старшему мастеру, что путешествует по известняковым ущельям и собирает беглых рабов из пещер. Он

выбивает из рабов имена их хозяев, которым и возвращает беглецов за вознаграждение. Я отказался сказать, кому принадлежу, поэтому через три недели, которые Виталию пришлось меня кормить, он потерял терпение и решил восстановить мою память, заставив меня немного поработать на рудниках.

Руфрий Виталий с возмущением представлял версию, которую мы разработали. Он надел на меня кандалы, на самом деле ударил, чтобы оплыл глаз, а на щеке осталась запекшаяся кровь, затем вывалял меня в свином дерьме, позаимствованном у какого-то беззубого деревенского жителя. Мой мрачный внешний вид, как и запах, убедительно подтверждали его рассказ. Виталий заявил, что, по его мнению, я убил своего хозяина и поэтому и не желаю признавать, кто я такой. Без этой характеристики добродетельности моей натуры я мог бы и обойтись. Виталий заявил, что я вполне мог сбежать из Вебиодуна.

— Я зову его Весельчак, потому что он никогда не веселится. Не дай ему сбежать, — сообщил Виталий. — Я вернусь, когда смогу, чтобы проверить, не решил ли он со мной немного побеседовать.

Мастер всегда называл меня Весельчак, а я никогда им не был.

Глава 26

Из соседней округи холмы выглядят обманчиво. Известняковый кряж, где расположены свинцовые рудники, выглядел не более враждебно, чем какая-либо из низких гор южной Британии. Только по приближении к этому кряжу с юга или запада у вас перед глазами внезапно начинают вырастать голые острые скалы, совершенно не похожие на мягко поднимающиеся известковые холмы в других местах. С южной стороны лежат ущелья и древние пещеры, бегут непредсказуемые воды, которые уходят вниз, под землю, или яростно разливаются после внезапного дождя. Северная сторона более спокойна, там, на крутых склонах стоят маленькие деревушки. Между ними проложены опасные тропы, которые то поднимаются вверх, то спускаются вниз, огибая участки пастбищ.

С востока кажется, что эта местность вообще едва ли поднимется. Дорога к рудникам никак не отмечена. Все официально прибывающие,

по делу идут с проводником. Одиноким визитерам поселение найти трудно.

Если ехать со стороны границы, то лес и фермерские угодья незаметно отступают. Практически без предупреждения ты теряешь из вида сельскую местность внизу, и дорога пересекает холодное лишенное растительности плато. Она ведет только к рудникам. Идти по этому голому плато неприятно, одиноко. Все в округе кажется серым, а широкая Сабрина постоянно дает себя почувствовать, даже на удалении от берегов. Эта узкая дорога на высоте тянется по известняку на протяжении десяти миль. С каждой милей пустошь, бесменный унылый пейзаж и порывы ветра все больше и больше влияют на настроение, делая его меланхолическим. Даже в самый жаркий летний период на эту длинную дорогу налетают ветры, но и тогда солнце не особо греет, потому что плывущие высоко по небу облака бросают тени на безлюдную пустынную местность.

* * *

Я работал в свинцовых рудниках на протяжении трех месяцев. После восстания это было самое худшее время в моей жизни.

Я пробрался во все уголки шахты, нашел ямы на открытом воздухе, где породу просто выкапывали из земли. Потом трудился в помещении, в первой плавильне — на самой жаркой работе в мире. Затем я получил повышение на участок купелирования с распределительной печью, где рабочие раздували меха и горячим воздухом раскаляли металл до бела, отделяя от очищенных кусков вкрапленное в них серебро. Там я вначале раздувал меха, а потом собирал и сортировал остывшее в печи к концу дня серебро. Для раба подобная работа по сбору серебра — редкость, и считается большой удачей. Если повезет, то удастся чуть-чуть украсть. Конечно, обжигает пальцы. Но после такой работы в голове появляется мысль: побег! Эта мысль горит, словно негасимый огонь.

Каждый день проводился обыск, но мы находили свои, не самые приятные способы его пройти. Даже теперь я время от времени просыпаюсь по ночам и резко сажусь в постели весь в поту. Моя жена

говорит, что я никогда не произношу никаких звуков. Рабы умеют скрывать любую мысль.

Было бы легко сказать, что только смерть Сосии удерживала меня на плаву. Легко, но глупо. Я никогда не думал о ней. Воспоминание о чем-то таком ярком и светлом в этой убийственной дыре только усилило бы агонию. Меня заставляла продолжать поиски воля и самодисциплина. В любом случае обо всем забываешь.

У раба нет времени на неторопливые воспоминания в свободное время. Его просто нет. Мы не тешили надежд на будущее, мы не помнили прошлое. Вставали на рассвете, засветло, слабо переругивались над тарелками каши, которую раздавала грязная женщина. Эта женщина, казалось, никогда не спала. Потом мы молча шли по спящему поселку, изо рта валил пар, клубы которого кружили вокруг нас, словно призраки. На шеях мы носили ошейники, за которые нас цепями прикрепляли друг к другу. У пары счастличиков имелись шапочки, которые они низко натягивали на грязные головы. У меня этого никогда не было, мне никогда не везет. В час, когда только начинает светать, и холодный свет кажется отчасти возбуждающим и зловещим, а ноги мокры от росы, и каждый звук разносится в тихом воздухе на много миль, мы, шатаясь, отправлялись на очередные рабочие места. С нас снимали цепи, и начиналась работа. Мы целый день копали. Во время единственного перерыва мы пустыми взглядами смотрели в никуда, каждый уходил в себя и лелеял свою мертвую душу. Когда темнело так, что уже ничего не было видно, мы стояли, опустив головы, словно изможденные животные, и ждали, когда нас снова скуют цепями. Потом нас, рабов, вели назад, кормили, после чего мы падали и засыпали. На следующий день мы просыпались в темноте, и все повторялось снова.

Я говорю «мы». Там были преступники, военнопленные (по большей части бритты и галлы), беглые рабы (опять по большей части представители различных кельтских племен, но встречались и другие — сардинцы, африканцы, испанцы, ликийцы. С самого начала у меня не возникало необходимости притворяться. Жизнь, которую мы вели, сделала меня одним из них. Я верил, что я раб. Синяки, растянутые мышцы, грязные волосы, разбитые и порезанные пальцы — все это у меня было, вдобавок мое тело покрылось волдырями и, как и у всех остальных, почернело от грязи. У меня все чесалось, причем

постоянно и во всех местах. Я редко разговаривал, а если и открывал рот, то ругался. Раньше в моей голове кружились мечты, теперь они выветрились. Нынешняя жизнь была наказанием. Если бы я услышал поэзию, то она вызвала бы у меня негодование, или я бы просто тупо уставился на чтеца. Он произносил бы бессмысленные для меня звуки на иностранном языке.

Я научился ругаться на семи языках и очень этим гордился.

* * *

Во время работы сборщика и сортировщика я впервые столкнулся с организованным воровством. Заметив первые свидетельства этого явления, я обнаружил такую коррупцию, которая пронизывала всю систему, что было сложно разделить вклад в воровство, вносимый каждым отдельным человеком. Здесь существовало и мелкое воровство отдельных лиц, и грандиозное мошенничество, которое могло быть организовано только руководством. Все об этом знали и молчали. Никто никого не сдавал, потому что на каждом этапе всякий задействованный человек немного брал себе. После того как он взял один раз, он становился виновным в тяжком преступлении. За такое преступление предусматривалось два вида наказания: или казнь, или рабство в рудниках. Все, кто какое-то время жили в Вебиодуне и видели наше плачевное состояние, знали, что казнь предпочтительнее.

В конце декабря, в виде подарка к Сатурналиям, появился Руфрий Виталий. Он выглядел цветущим, за широкий коричневый ремень Виталий заткнул кнут из шкуры какого-то животного. Он приехал посмотреть, достаточно ли я узнал, чтобы меня вытащить. При виде моего плачевного состояния, его честное лицо помрачнело.

Он увел меня от печи, затем проехал какое-то время по тропе, для вида подгоняя меня кнутом. Затем мы уселись во влажных папоротниках, где нас никто не мог подслушать.

— Фалько! Судя по твоему виду, тебя нужно немедленно отсюда вытаскивать.

— Пока не могу уйти. Пока нет.

К этому времени я стал угрюмым. Я больше не верил в освобождение. Я чувствовал, что теперь моя жизнь всегда будет

крутиться вокруг печей. Носить я буду только в набедренную повязку, моя бритая голова будет блестеть от пота и грязи, а руки навсегда останутся красными и обожженными. Единственной целью станет украсть побольше серебра лично для себя. Мои умственные и физические возможности настолько снизились, что я почти утратил интерес к тому, зачем я сюда приехал. Почти, но не совсем.

— Фалько, ты спятил? Продолжать подобное — это самоубийство...

— Это не имеет значения. Если я уйду слишком рано, то больше не смогу жить со своей совестью. Виталий, я должен закончить дело.

Он уже собрался ворчать, но я быстро перебил его.

— Я рад тебя видеть. Мне нужно передать информацию на тот случай, если я сам не смогу представить полный отчет.

— Кому?

— Прокуратору по финансам.

— Флавию Иларию?

— Ты его знаешь?

— Я знаю о нем. Говорят, что он честный человек. Послушай, парень, времени мало. Будет подозрительно, если я тут останусь надолго. Я его найду. Просто скажи, что ему передать.

— Он должен быть на вилле у Дурноварии.

Гай обещал жить там, в пределах досягаемости, на тот случай, если мне удастся передавать послания.

— Скажи ему вот что, Виталий: все рудники коррумпированы, причем в гигантских масштабах. Вначале, когда куски руды выходят из первой плавильни перед купелированием, их считает один скользкий тип, который на самом деле не умеет считать. Он ставит палочку на дощечке, но иногда просто «забывает» ее поставить. Поэтому все цифры, которые Трифер сообщает казначейству, неправильны с самого начала. Это касается и производства в целом, и отдельных этапов.

— Ха! — Виталий, видимо, предполагал, что слышал в жизни почти все, однако был удивлен услышать новую уловку.

— Потом каждый день несколько кусков не доходят до купелировки. Удивительно, сколько их не доходит, хотя я думаю, что количество постепенно увеличивалось на протяжении лет. В результате получается, что каждый кусок дает меньше серебра, чем должен бы. Как я понимаю, снижение выдачи серебра объяснялось

Риму во времена Нерона, как геологические разновидности в залежах руды. В ту пору на все смотрели сквозь пальцы, поэтому на тот случай, если теперь Веспасиан прикажет кому-нибудь проверить цифры, в считанные недели подбрасывается несколько дополнительных слитков и заявляется, что минерологи обнаружили лучший пласт.

— Какой тонкий подход!

— О да, мы тут имеем дело с экспертами. Ты способен все это запомнить?

— Попробую. Фалько, верь мне. Продолжай.

— Теперь о слитках чистого серебра, которые получают после купелирования. Некоторые теряются. Это неизбежные потери.

Руфрий Виталий снова с восхищением фыркнул.

— Затем, куски свинца, из которых извлекли серебро, снова отправляются в плавильню...

— А это зачем?

— Чтобы очистить от различных добавок перед тем, как отправить на продажу. Mars Ultor, Виталий, давай не углубляться в технические детали, иначе мы вообще запутаемся! И так все сложно. Илариус должен знать процедуру...

Виталий положил мне руку на плечо, чтобы я успокоился и говорил тише. Я вспотел от усилий, пытаюсь рассказать ему все. Я нахмурился и продолжал.

— После второй плавки исчезают еще какие-то слитки. Правда, поскольку к тому времени их ценность значительно уменьшается, на последнем этапе они исчезают в меньшем количестве, и в этом уже не участвует начальство. Очевидно, это позволяет надсмотрщикам в качестве привилегии, чтобы оставались довольными.

Я замолчал. Я так отвык говорить, что представление всех этих деталей меня утомило. Я отвык ясно выражать мысли. Я видел, что Виталий за мной внимательно наблюдает, хотя после первой попытки он больше не делал предложений вернуть меня в цивилизованное общество. Я правильно выбрал товарища. Он понял все, что я сказал, и все, что это подразумевает.

— Как им это сходит с рук, Фалько?

— Это полностью закрытое сообщество. Никого со стороны сюда не допускают.

— Но у них цивилизованное поселение...

— В котором у каждого пекаря, цирюльника и кузнеца есть право на обеспечение рудников. Специальная лицензия! Все они — люди, и вскоре после появления здесь их подкупают, и они включаются в систему.

— Как ты считаешь, о чем думают молодые мечтатели из форта?

У поселения стояла небольшая крепость, аванпост Второго полка Августа. Предполагалось, что он следит за рудниками. Я улыбнулся Виталию. Вероятно, он предполагал, что после его отставки, вся дисциплина в армии пошла к чертям собачьим.

— Ты говоришь как центурион! Никто не может их винить. Конечно, все операции проходят проверку...

— И офицеров, и солдат следует регулярно менять...

— Их и меняют. И я видел, как из форта к нам приходят расчеты, чтобы оглядеться. Как я понимаю, они путаются, потому что все слитки выглядят одинаково. Как они могут определить, в которых есть серебро, а в которых нет?

— А как кто-то может это определить?

— А-а! Слитки, которые крадут до купелирования, маркируют особым образом:

Т КЛ ТРИФ, четыре раза.

— Фалько, ты это видел?

— Я видел их здесь, и скажи прокуратору Флавию, что я видел один такой в Риме!

Он все еще лежал в чане для отбеливания в прачечной у Лении... Рим! Я когда-то там жил...

Наш разговор прервали. Моя нынешняя жизнь научила меня чувствовать неприятности, как лесной олень, который улавливает их с дуновением ветра. Я коснулся руки Виталия, чтобы предупредить его, и мы быстро изменили выражения лиц.

— Привет, Виталий! Этот мерзавец в чем-то признался?

Это был Корникс — мерзкий и наглый мастер, настоящий специалист по применению пыток к рабам, садист с широкими, словно налитыми свинцом, плечами и лицом, вырубленным, как кусок мяса. Жизнь наложила на него отпечаток. Как только я появился на рудниках, Корникс выбрал меня мишенью для издевок и безжалостно третировал. Однако в его курином мозгу все-таки брезжила мысль, что

я когда-нибудь могу вернуться к какой-то предыдущей жизни и рассказать о нем.

Виталий пожал плечами.

— Ничего. Молчит. Завязал рот, словно девственница передник. Мне его оставить еще ненадолго? Есть вам от него какая-то польза?

— Никакой, — соврал Корникс.

Это было неправдой. К этому времени я конечно устал от работы, но при появлении на рудниках был сыт и крепок. Я смотрел в землю, скрывая негодование, пока Виталий и Корникс притворялись, будто ведут переговоры.

— Внимательно следи за ним и заставляй побольше работать, — с упреком в голосе говорил Руфрий Виталий мастеру. Я стоял рядом с жалким видом. — Еще несколько недель туманов и морозов — и он сам запросится домой. Но я не смогу много за него получить в его нынешнем состоянии. Ты не мог бы немного подкормить ублюдка? Я могу поделиться с тобой наградой. Например, пополам?

При этом намеке Корникс мгновенно согласился перевести меня на более легкую работу. Когда Виталий уехал после легкого кивка мне в виде прощания, я закончил работу сборщика серебра из печи и был переведен в возницы.

— Это твой счастливый день, Весельчак! — неприятно ухмыльнулся Корникс. — Пошли праздновать!

До этого мне удавалось избегать привилегии быть выбранным в сексуальные партнеры Корникса, правда, требовалось проявлять изворотливость. Я сказал негодюю, что у меня болит голова. Для снятия боли он со всей силы мне врезал.

Глава 27

Казалось, что быть возницей не трудно. Поскольку мы ехали по гористой местности, то использовали мулов, а в повозку укладывали четыре слитка. Это был большой вес, и ехали мы дьявольски медленно.

В путь отправлялось сразу же несколько повозок. Я следовал во второй, сразу же за главным. Говорили, что новый парень просто не знает дороги. На самом деле, пока себя не зарекомендуешь, начальство принимало предосторожности на случай побега.

Никому из рабов, вкалывающих в рудниках, никогда не доверяли. Тем не менее я к тому времени научился придавать своему лицу честное выражение. Мне доверяли, если вообще кому-то доверяли.

Мне требовалось провести последнюю проверку воровства богатств империи. Покинув рудники, мы проезжали мимо форта, где солдаты считали все слитки и выписывали соответствующий документ — грузовой манифест. Этот документ следовал с серебром до самого Рима. Из Вебиодуна вела одна хорошая дорога — к границе. Все повозки со слитками должны были проезжать по ней, поскольку другие были слишком узкими или слишком неровными для такого груза. Это означало, что все слитки, которые когда-либо покидали рудники, регистрировались в официальном документе — этом самом грузовом манифесте.

Нашей целью был военный порт в Абоне. Чтобы добраться до широкого устья, мы вначале поворачивались к нему спиной, следовали десять миль на восток к дороге вдоль границы, по ней ехали на север к священным источникам, затем — на запад по еще одному ответвлению дороги. В целом путь составлял примерно тридцать миль. К устью подходили тяжелые баржи для перевозки слитков. Они везли их вокруг двух мысов, а затем под охраной британского флота через пролив. Потом они следовали по Европе наземным путем. Большая часть серебра отправлялась на юг через Германию. Его прохождение гарантировало большое количество расквартированных там войск.

Я уже знал Абону. Ничто не изменилось. Мы с Петронием Лонгом когда-то провели там два мерзких года на таможенном посту. Пост так и стоял там, и на нем по-прежнему служили молодые солдаты, и на их новых плащах еще не выцвела краска. Они ходили словно вельможи, игнорируя угрюмых рабов, которые доставили сокровища империи. У всех этих парней были худые лица с заостренными чертами, текло из носа, но в отличие от наших проныр и соглядатаев на рудниках, все они умели считать. Они проверяли документ и внимательно считали все слитки. По прибытии баржей они снова их пересчитывали. Пусть небо поможет Триферу, если что-то здесь не сойдется по количеству или весу.

Все всегда сходилось. Но так и должно было быть. После выезда повозок на дорогу из Вебиодуна, мы всегда останавливались, чтобы возницы могли отлить перед деревней, расположенной перед самой

границей. Мы останавливались и отдыхали, независимо от того, требовалось это кому-то или нет. Грузовой манифест менялся, пока мы там находились.

* * *

Теперь видел конец. После трех поездок я оказался довольно далеко от начала каравана. И я мог видеть, что происходило после того, как мы покидали эти жалкие плетеные лачуги, в одной из которых не вполне честный работник занимался бумагами. После того как основная часть каравана на идущей вдоль границы дороге заворачивала к северу, последние две повозки тихонечко отделялись и следовали на юг. Использование ворами военной дороги может показаться глупым, хотя это была хорошая дорога, позволяющая быстро передвигаться. От нее велись подходы ко всем плацдармам для высадки морского десанта на южном побережье. Обычный транспорт, который регулярно и открыто проезжал каждую неделю, легко пропустят все войска, которые они только встретят. А отвод Второго полка Августа в Глев ясно говорил о том, что эта часть дороги больше не подвергалась активному патрулированию.

Теперь я восстановил былую форму. У меня была четкая цель: завоевать достаточно доверия, чтобы меня посадили на одну из повозок, отправлявшихся на юг. Я отчаянно хотел выяснить, куда они направляются. Если мы найдем их порт посадки, то сможем определить, какой именно корабль отвозит украденные слитки в Рим. Корабль и его владелец должны составлять часть заговора.

Я достаточно пожил, чтобы понимать риск и помнить, что у меня могут сдать нервы. После трех месяцев тяжелого труда и жестокого обращения, при наихудшем питании в империи я был изможден физически и психологически. Тем не менее новый вызов творит чудеса. Вернулась моя внимательность, а нервы я держал под контролем.

Но я не учел удачу Дидия Фалько.

* * *

Шанс представился мне в конце января. Половина рабочих заболели и лежали в сараях, где жили рабы. Некоторые заболели так серьезно, что перестали бороться за жизнь и умерли. Те, кто остался на ногах, чувствовали себя отвратительно, но дополнительные усилия того стоили, потому что если ты жив — получаешь дополнительный паек. Еда была ужасной, но помогала бороться с холодом.

Прошел легкий снегопад, никто не был уверен, отправят ли на этой неделе повозки. Небо стало ясным, и показалось, что следует ждать еще больших холодов. Зима по-настоящему вступала в свои права. В последний момент груз все-таки решили отправить, собрав лишь нескольких возниц. Даже начальник каравана был другой. Я оказался на предпоследней повозке. Никто ничего не сказал, но я знал, что это означает.

Мы подъехали к форту. Недовольный центурион с распухшими от болотной лихорадки глазами вышел и проштамповал наш грузовой манифест. Мы тронулись в путь. Было так холодно, что нам даже выдали грубые фетровые плащи с остроконечными капюшонами, а заодно снабдили и рукавицами, чтобы могли держать вожжи. На возвышенностях ветер налетал на людей с низко висящих туч, рвал одежду и был таким холодным, что мы прищуривались и оскаливались и стонали от жалости к самим себе. Темная полоса повозок ползла по пустой дороге. В одном месте оказалась яма, наполненная талым снегом и жидкой грязью. Нам пришлось слезть с повозок и вести мулов под уздцы, потом тянуть их вверх на склон под дикие завывания ветра. Затем мы кружили по серой местности, где тут и там маячили могильные холмы забытых царьков. Потом мы попали в густой туман.

Когда мы остановились для подделки документа, мы все — и надсмотрщики, и рабы оказались в одной упряжке, страдая от нестерпимого холода. У сопровождавшего нас человека возникли проблемы: в доме было слишком темно, а на улице, куда он попытался выйти из дома, слишком ветрено. Мы, казалось, стояли целую вечность, сжимаясь под укрытием тележек. Мы сгибались в три погибели и корчились, пытаясь хоть как-то защититься от ветра. До деревни мы добирались в два раза дольше обычного. Небо стало опасно менять цвета: стало каким-то желтовато-серым. Похоже, ожидался снег.

Наконец мы снова были готовы тронуться в путь. До поворота у границы предстояло проехать две мили. Начальник каравана мне подмигнул. Повозки тронулись в путь. Мулам всегда трудно тронуться с места с такой поклажей, а в этот день, когда дороги пребывали в столь плачевном состоянии, животные справлялись с задачей еще хуже, чем обычно. Животные заскользили в железных подковах по грязи, которая превращалась в лед практически на наших глазах, затем яростно дернулись, заклинило одну ось — она обледенела. Застрявшие задние колеса пошли в сторону, ось затрещала, одно колесо отвалилось, один угол повозки внезапно накренился, мулы завопили и встали на дыбы. Я тоже встал и в следующее мгновение вылетел на дорогу, а мой груз полетел в канаву. Сломанная повозка осела на одну сторону. Один мул так пострадал, что нам пришлось перерезать ему горло, другой вырвался и унесся прочь.

По какой-то непонятной причине все стали винить в случившемся меня.

* * *

О свалившемся грузе долго спорили. Если вести его в Абону, нужно снова менять грузовой манифест, не считая проблем размещения дополнительных слитков на других повозках. Тогда получится по пять. Кроме того, мои слитки были особенными — этот украденный товар предстояло продавать незнакомцам. Это были украденные слитки с серебром. Не для Абоны! Другая повозка, предназначенная для отправки на юг, не сможет отвезти восемь слитков. После долгих споров людей, совершенно не привычных к решению проблем, тем более, стоя в темноте на пронизывающем холоде, было решено оставить мой груз здесь и контрабандным путем доставить его назад в Вебиодум на обратном пути.

Я вызвался остаться с грузом.

* * *

После того как остальные уехали, стало ужасно тихо. Несколько местных хижин использовались скотоводами летом и теперь пустовали. У меня было убежище, но я понимал: если погода еще ухудшится или пройдет сильный снегопад, мои товарищи задержатся. Я могу остаться в этом капкане на долгое время без еды. С гор пришел дождь, причем такой мелкий, что не шел, а прилипал к лицу и одежде, если я выглядывал наружу. Прекращаться он не собирался. Впервые за три месяца я остался совершенно один.

— Привет, Марк! — сказал я, словно приветствовал друга.

Я стоял и думал. Это был как раз момент для побега, но меня оставили здесь одного по одной единственной причине — в середине зимы через горы не пробраться. Любого, кто попытается сбежать, найдут только весной вместе с замерзшими коровами и утонувшими овцами. Я, может, и добрался бы до ущелий, но меня там никто не ждал. И я все еще хотел выяснить, как переправляются слитки.

Дождь прекратился. Стало холоднее. Я решил действовать. Согнувшись в три погибели, я поднимал слитки по одному за раз и шатаясь уносил их подальше от дороги, через канаву. Там я выкопал яму в мокрой земле. Тогда я и обратил внимание, что только на одном из четырех слитков стояло четыре клейма, по которым мы определяли, что в них все еще остается серебро. Трифер обманывал заговорщиков. Они пытаются подкупить преторианцев свинцом! Я опустил на корточки. Если мы скажем это преторианцам, то у заговорщиков начнутся проблемы, и Веспасиан окажется в безопасности.

Я закопал все четыре слитка и отметил место грудой камней, после чего отправился пешком назад к рудникам.

Путь составлял восемь миль — достаточно времени, чтобы убедить себя: я дурак. Чтобы заставить ноги передвигаться, я вел долгий разговор с Фестом, своим братом. Это не помогло — Фест тоже считал меня дураком.

Странно разговаривать с мертвым героем, но Фест обладал удивительным магнетизмом, и от разговоров с ним, когда он был жив, мне всегда становилось легко. Здесь, под затянутым тучами небом, я был замерзшей точкой, передвигавшейся по темному плато назад в страшное рабство, в которое попал по собственной воле. Разговор с Фестом казался более реальным, чем мой собственный дикий мир.

Полдня спустя на последнем участке пути я сошел с дороги, чтобы срезать угол. Римские дороги обычно проложены прямо, только если нет особой причины делать повороты. Здесь такая причина имелась, и широкая дуга была оправданной. Она огибала колодцы и ямы отработанной шахты. Шатаясь, я пробирался сквозь палки, напоминающие копья, — стебли засохших растений. Внезапно земля исчезла. Ноги соскользнули с торфа, покрытого тонким слоем льда, и я полетел вперед и свалился в одну из ям. Я поскользнулся и подвернул ногу. Вначале я ничего не почувствовал боли, но, когда стал выбираться из ямы, ногу пронзила боль. Я сразу же понял, что у меня сломана кость. Фест сказал, что подобное могло произойти только со мной.

Я лежал на спине и смотрел в холодное небо, и говорил моему героическому брату, что я обо всем этом думаю.

* * *

Пошел снег. Воцарилась мертвая тишина. Если я останусь лежать тут, то умру. Если я умру здесь, то могу и искупить вину за случившееся с Сосией, но кроме отчета, отправленного мною Иларию (если Руфрий Виталий до него когда-нибудь доберется и все толково объяснит) я ничего больше не сделал. Умереть, не рассказав всего, что я выяснил, — глупо, особенно после всего, что мне пришлось пережить.

Снег продолжал падать, жестоко, спокойно и безмятежно. Я согревался, пока ходил, но, как только лег, тепло покинуло мое тело. Я заговорил, теперь мне никто не отвечал.

Лучше предпринять усилие, даже если оно провалится. Я, как мог, соорудил шину — нашел старую палку и обвязал ее веревкой из козьей шерсти, которую использовал в качестве ремня. Сработано было плохо, я смог держаться на ногах. Едва.

Я заковылял дальше. Назад в Вебиодун. От меня не будет пользы в Вебиодуне, но больше идти мне было некуда.

Одна моя знакомая потом спросила меня, почему я не попросил убежища у солдат в крепости. Причин было две, даже три. Во-первых, я все еще надеялся выяснить, куда отправляют украденные слитки. Во-

вторых, если сумасшедший истощенный раб появится с пустоши и станет заявлять, что он — личный представитель прокуратора, отвечающего за финансы в деле, затрагивающем интересы императора, то может ожидать только порки. В-третьих, не все информаторы идеальны. Мне это не пришло в голову.

У меня все онемело. Я был изможден, промерз снаружи и изнутри, был разочарован и терпел боль. Я пришел к рудникам. Хромая, приблизился к месту последней выработки и, шатаясь, предстал перед мастером Корниксом. Когда я сказал ему, что оставил четыре украденных слитка без надзора, он издал рык и схватил один из шестов, которыми мы иногда подпираем породу, нависающую сверху. Я открыл рот, чтобы объяснить, как надежно закопаны слитки. Но до того как я успел открыть рот, сквозь снег, залепляющий мне глаза, я увидел, как Корникс замахивается шестом. Он врезался мне в бок и сломал несколько ребер. Ноги подогнулись, привязанная к ноге палка треснула и я, падая, потерял сознание.

Когда они бросили меня в подвал, я ненадолго пришел в себя и услышал восклицание Корникса.

— Пусть там сгниет!

— А если придет охотник?

— Никому не нужен этот слюнтяй, — выпалил Корникс и расхохотался. — Если кто-то про него спросит, он мертв. И он на самом деле скоро умрет!

Именно тогда я понял, что никогда не вернусь домой.

Глава 28

Мой слух, казалось, необычно обострился. Это было понятно. Я оставался в сознании только благодаря звукам, доносившимся снаружи. Крупицы сознания помогали мне остаться в живых.

Я не мог пошевелиться. Никто не приходил, чтобы поговорить со мной. Я не видел ничего, кроме различных оттенков серого, которые отличали день от ночи. Меня окружали влажные каменные стены. Окон не было, а в камнях имелись щели. Иногда дверь со скрипом открывалась, и мне вталкивали миску с густой жирной похлебкой. Я предпочитал дни, когда обо мне забывали.

Я не знал, сколько времени провел в заточении. Вероятно, меньше недели. Неделя для человека, которого оставили умирать, кажется вечностью.

По шагам скованных цепью рабов, проходивших мимо, я научился определить, идет ли дождь или просто висит обычный зимний туман. Я также слышал грохот повозок, иногда улавливал стук копыт лошадей и знал, что мимо проехал офицер из форта в малиновом плаще. Иногда ветер доносил До меня отдаленный стук топоров и звук падающего в деревянные ведерки угля. Плавильная печь постоянно шумела, я слышал, как раздували меха, это иногда разнообразило звуки плавильни.

Теперь, иногда вспоминая, что произошло дальше, я улыбаюсь.

Однажды я услышал стук копыт лошади, которая тянула какую-то повозку, явно отличавшуюся от тех, которые постоянно проезжали мимо. Также по-деловому проехало несколько всадников и остановились неподалеку. Голос, принадлежащий военному, объявил имя прокуратора Флавия. Кто-то заворчал. Затем прозвучал еще один голос — резко, словно скобель на дереве.

— ... тот, кого вы называете Весельчаком.

Так, я на самом деле в плохой форме. Начались галлюцинации, если и не сама смерть приблизилась ко мне. Голос, похоже, принадлежал сенаторской дочери. Вначале я даже не мог вспомнить ее имя. Затем я словно втащил его в сознание из другого мира. Елена.

— Так, кто это... Думаю, он мертв...

— Тогда я должна буду осмотреть тело! Если вы его похоронили, выкопайте его.

— О, госпожа, пусть мои слуги подадут вам самое лучшее вино!

Дверь со скрипом отворилась и повисла на одной петле. Я увидел неожиданно ослепляющий огонь.

— О да! Это он — наш ценный беглец!

Я не мог выругаться, поскольку слишком охрип, но мне все-таки это удалось.

* * *

Мастер Корникс стоял сразу же за ее плечом. Выглядел он жалким и присмирившим. Она недовольно оглядела мою камеру, затем заговорила резким и ехидным голосом.

— Что это вы ему устроили? Отдых в постели и особый уход?

Мне стало жаль Корникса. Ее отношение было невыносимо. Кроме того, она прибыла с военным сопровождением. Он ничего не мог сделать.

Корникс стащил меня с тонкой подстилки из вонючего папоротника, а потом положил у ее ног в грязь снаружи. Я закрыл глаза. Свет меня слепил, несмотря на большие облака. Я успел увидеть молодую женщину, одетую во что-то синее, шерстяное. Я помню складки на платье и нахмурившееся белое лицо, обрамленное мягкими, прямыми волосами.

На мгновение я почти потерял сознание.

— Марк! — произнесла Елена Юстина покровительственным тоном, которым говорила бы с обесчестившим себя рабом.

Мое лицо лежало в луже всего в нескольких дюймах от ее ног.

Красивые ботинки. Серая кожа с маленькими круглыми дырочками для шнурков. И лодыжки гораздо лучше, чем она заслуживала.

— Ну и сцена! Дядя Гай так в тебя верил. Ты только посмотри на себя!

А что она ожидала? Беглец редко упаковывает чистые туники, личную губку и туалетные принадлежности... Я держался за реальность в виде белого пятна — незнакомого враждебного лица.

— О, в самом деле, Марк! Чего ты добился? Сломанная нога, сломанные ребра, обморожение, стригущий лишай и грязь!

Ей было неудобно смотреть на эту грязь. Елена отправила меня в баню, предоставляемую официальным лицам, перед тем как я обесчестил повозку ее тети. Солдат, который, вероятно, знал, кто я на самом деле, привязал мою ногу к новой шине. Видимо, ему было стыдно, и он не смог сделать это лучше.

* * *

К тому времени как Елена позволила мне забраться в повозку, меня полностью отмыли и переодели из лохмотьев в чью-то далеко не самую новую тунику. Пахла она незабываемо, хотя в несколько раз лучше, чем от меня воняло раньше. Корникс отбыл в места содержания рабов в приступе желания пытать и насиловать. Я дрожал. Госпожа набросила на меня плед, предназначенный для путников, и издала при этом злобное шипение. Мне казалось, что я так и не обсох. Мне удалось вымыться, но мытье под наблюдением солдата и Корникса не позволяло достаточно хорошо вытереться, в особенности между пальцев.

У меня дико чесалась голова, чистота опьяняла. Вся моя кожа чувствовала себя ожившей, легкое дуновение ветра ранило мое лицо.

Елена Юстина достала плащ, который я узнал. Смутные воспоминания подсказали, что это мой плащ из другой жизни. Приличное темно-зеленое одеяние с крепкими металлическими застежками. Вероятно, когда-то я был парнем, не обделенным вкусом. Каким-то образом я забрался в повозку с впряженной в нее небольшой лошадкой.

— Отличная упряжка! — сказал я Елене, стараясь, чтобы голос звучал привычно, как у меня в прошлом. Затем я вспомнил, что она женщина и, как хороший парень, предложил взять вожжи.

— Нет, — ответила она.

Некоторые сказали бы: «Нет, спасибо». Тем не менее я едва ли мог сидеть прямо на сиденье. Она устроилась сама и только после этого удостоила меня следующего обращения.

— Если бы у тебя имелась собственная упряжка, ты позволил бы мне ею управлять?

— Нет, — согласился я.

— Ты не доверяешь женщинам. Я не доверяю мужчинам.

— Справедливо, — сказал я и подумал, что она права: многие мужчины склонны к озорству или даже опасны на колесах.

Лошадка бойко тронулась в путь, и вскоре поселение осталось позади. Елена Юстина, как и следовало ожидать, ехала впереди, быстро оторвавшись от сопровождения. Небольшой, но явно надежный и отважный эскорт робко следовал сзади.

— Скажешь мне, если я поеду слишком быстро и тебя испугаю, — бросила она мне вызов. Смотрела она только прямо вперед.

— Едешь ты слишком быстро, но меня не пугаешь!

Она свернула на боковую дорогу.

— Ты не туда повернула. Нужно следовать на восток, по дороге через возвышенности.

— Нет. У нас есть солдаты. Нет необходимости держаться на границе. Нам нужно на север. Тебе следует благодарить друга Виталия за сегодняшнее спасение. После последней встречи с тобой он заявил дяде Гаю, что тебя нужно вытаскивать, независимо от того, закончил ты работу или нет. Я вызвалась тебя забрать — лучшая маскировка. Кроме того, я чувствовала себя виноватой из-за твоей седой матери...

Поскольку я не помнил, что бы мы обсуждали мою мать, я позволил ей болтать дальше.

— Дядя Гай арестовал этого Трифера и держит его в Глеве...

Непривычный к объяснениям, мой мозг пропускал или оставлял без внимания слишком много фактов.

— Понятно, — сказал я, — на север, да?

Разговор казался бессмысленным усилием. Пусть кто-то еще берет бразды правления в свои руки. Эта повозка выглядела красивой игрушкой, слишком хрупкой для перевозки четырех слитков. Можно было бы что-то организовать с лошадьми солдат, но я слишком устал, чтобы об этом беспокоиться. Тем не менее я, вероятно, беспокойно завозился. Елена Юстина замедлила ход повозки.

— Чем ты занимался на той заболоченной местности? Фалько, скажи мне правду!

— Я спрятал четыре украденных слитка. Закопал в землю и отметил место камнями.

— Доказательства? — спросила она.

— Если хочешь.

Наверное, она пришла к собственным выводам, потому что начала бить несчастную лошадь кнутом, пока та фактически не полетела по воздуху. У Елены горели глаза.

— Ты хочешь сказать — хорошая небольшая пенсия для тебя!

Мы оставили их там. Четыре моих слитка вполне могут лежать в той яме до сих пор.

Елена Юстина продолжала подгонять лошадь. Вероятно, муж развелся с нею, чтобы спасти свою шкуру. Однако я ни разу по-настоящему не испугался. Она очень умело управляла повозкой. Эта женщина обладала редким сочетанием терпения и смелости. Лошадь ей полностью доверяла, а через несколько миль стал доверять и я. До Глева требовалось преодолеть пятьдесят миль, поэтому доверие было очень кстати.

Пару раз мы останавливались. Она позволяла мне выйти. В первый раз меня начало тошнить, хотя это не имело никакого отношения к ее управлению повозкой. Елена Юстина оставила меня отдохнуть, а сама тем временем тихим голосом разговаривала с одним из солдат. Затем перед тем как мы снова тронулись в путь, Елена принесла мне подслащенного вина во фляге. Она собственноручно крепко поддерживала меня за плечи. При странном прикосновении женской руки у меня выступил пот.

— Если хочешь, мы можем остановиться неподалеку отсюда на *mansio*, — сказала она деловито, очень внимательно за мной наблюдая. Я покачал головой и не произнес ни звука. Я хотел продолжать путь и предпочел бы умереть в военном форте, где меня похоронят с могильным камнем над урной, а не в каком-то доме у дороги, после чего меня сбросят в канаву и завалят тонной разбитых кувшинов вместе с раздавленной полосатой кошкой. Мне пришло в голову, что имеется причина, объясняющая, почему Елена Юстина так гонит лошадь, а кнут постоянно свистит в воздухе. Она не хочет оказаться в середине пустоши с моим трупом. Я поблагодарил Юпитера за ее безжалостный здравый смысл. В любом случае я не хотел, чтобы мой труп остался с ней.

Она прочитала мои мысли, или, скорее, мое болезненное выражение лица.

— Не беспокойся, Фалько. Я похороню тебя должным образом!

Глава 29

Я думал, что вернулся на рудники. Нет. Другой мир... Я покинул рудники, хотя они никогда полностью не оставят меня.

Я лежал на высокой жесткой кровати в маленькой квадратной палате в госпитале для легионеров. Иногда по длинному коридору кто-

то неторопливо проходил. Я лежал в задней части административного блока, выходящей во двор. Воздух был пропитан неприятным запахом скипидара, который использовали для дезинфекции. Я чувствовал успокаивающее давление чистых, крепких бинтов. Мне было тепло. Меня вымыли. Я отдыхал в спокойном месте, где обо мне заботились.

Тем не менее я был в ужасе.

Меня разбудил звук трубы на валу, который объявлял о выходе ночной стражи. Форт. Форт — это хорошо. Я услышал злобные крики чаек. Должно быть, это Глев. Этот город стоит в устье реки. Значит, Елена все-таки добралась до цели. Я уже несколько часов проспал на новой большой базе Второго легиона Августа, при его штабе. Второй легион. Я из его ярдов. Я один из них. Я дома. Мне хотелось плакать.

— Думает, что вернулся на службу в армию, — сказал сухой голос прокуратора Флавия. Его что-то забавляло.

Я его не увидел. Я был словно поваленное дерево, которое пробиралось сквозь теплый суп с перловой крупой, хотя мои ноги и руки едва могли пробираться сквозь надменные крупинки. Мне дали морфий, чтобы унять боль.

— Марк, сейчас отдыхай. Я получил твой отчет от Виталия, и уже смог начать действовать. Отличная работа!

Гай, мой друг. Мой друг, который послал меня туда...

Я резко попытался сесть. Кто-то схватил меня за руку.

— Тихо! Все закончилось. Ты в безопасности.

Елена, его племянница, мой враг. Мой враг, который приехал за мной и привел меня назад...

— Лежи тихо, Фалько, не нужно беспокоиться...

Знакомая мстительность в голосе Елены оставалась со мной и в бреду. Для освобожденного раба тирания может быть странно успокаивающей.

Глава 30

Я снова проснулся. Действие опиума закончилось. Стоило мне пошевелиться, как боль возвращалась. Надо мной маячила красная туника, заколотая на одном плече фибулой в виде змеи с чашей. Когда я посмотрел врачу в глаза, он отошел. У этого эскулапа полностью отсутствовало умение найти подход к больному. Наверное, этот тип тут главный. Ученики вытягивали шеи из-за его плеча, словно полные благоговения утята, бегущие за мамой-уткой.

— Скажи мне правду, Гиппократ! — пошутил я. Они никогда не говорят правду.

Он пробежался пальцами вверх и вниз по моим ребрам, словно меняла по абаку. Я закричал, хотя и не от того, что у него были холодные руки.

— Все еще чувствует дискомфорт, и это продлится несколько месяцев. Можно ожидать сильные боли. Никаких серьезных проблем, если не подхватите воспаление легких... — Судя по голосу, он будет разочарован, если подхвачу. — Истощение. Есть угроза гангрены на ноге. — Мне стало грустно, потом я гневно уставился на него, и это, похоже, подняло ему настроение. — Можно ему что-то дать! — успокоил наконец он своих слушателей. Вы знали, что главным в подготовке хирурга является получение навыков игнорирования криков?

— Почему бы не подождать и не посмотреть, что разовьется? — удалось прохрипеть мне.

— Ваша молодая госпожа просила меня, чтобы...

Теперь его голос звучал очень уважительно. Вероятно, на него произвело впечатление то, что он обнаружил кого-то с еще более плохими манерами, чем он сам.

— Она не моя! Не нужно меня оскорблять, — злобно зарычал я. (Девушка вызывала у меня раздражение. И это раздражение было способом борьбы с тем, что он сказал. Но нужно смотреть правде в глаза.) В таком случае делайте, что должны — режьте ногу!

Я опять погрузился в сон.

* * *

Он снова меня разбудил.

— Флавий Иларий хочет с вами срочно поговорить. Вы можете с ним поговорить?

— Это вы — врач.

— Что вы от меня хотите?

— Оставьте меня в покое.

Я снова заснул.

* * *

Они никогда не оставляют вас в покое.

— Марк...

Флавий Иларий. Он хотел, чтобы я снова рассказал ему все про рудники, — все, что я уже передал через Руфрия Виталия. Флавий был слишком вежлив, чтобы объявить об официальном снятии показания на тот случай, если я умру под ножом хирурга. Но я все понимал, поэтому рассказал ему то, что знал. Все, что угодно, только бы он ушел.

Гай, в свою очередь, рассказал мне, что Трифер, подрядчик, отказывается говорить. Стояла середина зимы, в горах лежал снег, сложно было проследить за повозками, поворачивающими на юг. Вероятно, никакие повозки не будут вообще никуда отправляться на протяжении многих недель. Гай собирался запереть Трифера в камере на какое-то время, после чего допросить снова, когда я смогу оказать помощь. Для восстановления сил меня перевезут к священным источникам, если, конечно, выживу.

Мой новый друг долго сидел у моей постели, держа мою руку, при этом он выглядел расстроенным. Гай сказал, что отправил в Рим письмо, в котором заявил, что мне должны выплатить гонорар в двойном размере. Я улыбнулся. После тридцати лет на государственной службе он должен был бы лучше знать, на что можно рассчитывать. Я вспомнил, что думал после прибытия в Британию: «Может быть, это он!». Я снова улыбнулся и опять погрузился в сон.

* * *

Хирурга звали Симплекс. Когда врачи представляются по имени, ты уже знаешь, что лечение, которое они намерены использовать, в лучшем случае — опасная авантюра, в худшем — очень болезненно.

Симплекс провел в армии четырнадцать лет. Он мог успокоить шестнадцатилетнего солдата, которому стрела попала в голову. Он умел лечить волдыри, справляться с дизентерией, промывать глаза, даже принимать роды у жен легионеров, которых те не должны были видеть. Ему все это надоело. Он скучал. Теперь я стал любимым

пациентом Симплекса. Среди его набора шпателей, скальпелей, зондов, ножниц и щипцов наличествовал блестящий молоток, достаточно большой для объявления ставок на борцовских турнирах. В хирургии он использовался при ампутациях, для вбивания долота в конечности солдат. У Симплекса имелись и долото, и пила — полный набор инструментов, и все они были выложены на столе у моей кровати.

Они усыпили меня, но, видимо, недостаточно. Флавий Иларий пожелал мне удачи, затем выскользнул из комнаты. Я его не виню. Если бы меня не привязали к кровати ремнями, а четверо кавалеристов ростом шесть футов каждый с суровыми лицами не держали меня за руки и за ноги, я сам бы сразу же вылетел вслед за ним.

Несмотря на дурман, я видел, как приблизился Симплекс. Я изменил свое мнение. Теперь я считал его маньяком, обожающим орудовать ножом. Я попытался заговорить, но никаких звуков из горла не вылетело, тогда я попытался закричать.

Закричал кто-то еще. Это был женский голос.

— Прекратите это немедленно!

Елена Юстина. Я не представлял, когда она зашла. Я не понимал, что она находится в комнате.

— Никакой гангрены нет! — заорала дочь сенатора. Она была в ярости и бушевала. Казалось, она выходит из себя, где бы ни оказывалась. — Я ожидала, что армейский хирург это знает — при гангрене появляется специфический запах. Может, ноги Дидия Фалько и в плохом состоянии, но не настолько.

Прекрасная женщина. Попавший в беду информатор всегда может на нее рассчитывать.

— У него обморожение. В Британии этому не приходится удивляться, а для этого ему требуется только горячая размятая репа. Вправьте ему ногу, выпрямите ее, как можете, потом оставьте его в покое. Несчастный и так достаточно настрадался!

Я отключился с облегчением.

* * *

Они два раза пытались вправить мне ногу. В первый раз мне дали кляп, чтобы вставил между зубов и кусал. Я кусал ее и шокировано молчал, а горячие слезы лились у меня по щекам и стекали на шею. Во второй раз я этого ожидал. Второй раз я кричал.

Кто-то рыдал.

Я подавился слюной, но до того, как задохнулся, рука — предположительно принадлежащая одному из крепких парней, которые меня держали — извлекла ткань у меня изо рта. Я весь вспотел. Кто-то потрудился вытереть мне лицо.

В то же самое время я уловил запах пикантных духов. Этот запах ворвался в мое сознание и показался таким же великолепным, как королевский бальзам, который готовят для королей Парфии из двадцати пяти различных масел. (Я сам никогда там не был, но любой поэт-любитель наслышан о длинноволосых правителях Парфии. Они всегда хорошо подходят для оживления хромающей оды.)

Это не был королевский бальзам, но запах казался не хуже его. Я помню, как весело тогда подумал, что некоторые кавалеристы весом по пятнадцать стоунов, совсем не такие, как кажутся...

Глава 31

В Аква-Соле я провел пять недель, мною занимался личный врач прокуратора. Горячие источники били из скалы рядом со святыней, куда удивленные кельты все еще приходили поклоняться Солю. Они демонстрировали терпение и выдержку, глядя на новую табличку, гласящую, что права теперь перешли к римской Минерве. Царила атмосфера скрытой коммерции, скрываемая под религией, которая всегда окружает места расположения святынь. Рим заменил кое-что из базового местного оснащения правильным резервуаром, облицованным свинцом. Тем не менее я не верил, что из этого места когда-нибудь что-то получится. О, имелись планы, но планы есть всегда. Мы сидели в резервуаре, полном песка, сбрасываемого источником, пили теплую воду, насыщенную минералами с отвратительным вкусом, и наблюдали за строителями, землемерами и инспекторами, которые лазали по скалам и пытались себя убедить, что здесь можно обустроить популярный водный курорт.

Мы много играли в шашки. Я ненавижу шашки. Я презираю шашки, если приходится играть с египетским врачом, который всегда выигрывает. Однако больше на водах делать было нечего — на курорте в Британии, в конце снежного марта, да еще на объекте, который находится в процессе разработки. Я мог бы побегать за женщинами, но я от них отказался. В моем нынешнем состоянии, даже если бы я одну и поймал, мне было бы трудно сделать что-то, что оценит женщина.

Горячие источники помогли, но лежа в них, я смотрел в пространство мрачным взглядом. Кости могут зажить, но никогда не заживет душа раба. Врач прокуратора сказал, что питье воды вызвало у него геморрой. Я ответил, что мне очень жаль это слышать, впрочем, он мог заметить неискренность моих слов.

Иногда я думал о Сосии. Это нисколько не помогало.

* * *

Назад в Глеев. Мы с Иларием вместе занялись Трифером. Деятельность мне помогла, и у нас получилась сильная команда. Гай сидел на положенном ему по статусу стуле — складном с желтыми ножками из слоновой кости. Он сказал мне, что от этого стула очень болит спина. Я носился из угла в угол с угрожающим видом.

Трифер был громкоголосым и шумным британским парнем, недалеким, с переплетающимися короткими ожерельями из натурального золота и серебра на шее, и в узких ботинках с заостренными носами. Он носил тогу фасона, который рекомендовали принять людям среднего класса, но солдаты, которые его втащили, сняли ее с него после кивка от нас. Мы посадили его на стул таким образом, что если он повернет голову в любую сторону, то устанется на мускулистую ляжку, у которой болтались кое-какие устрашающие приспособления, свисавшие с пояса. По обеим сторонам от него стояли мрачные и угрюмые испанские кавалеристы, которые игнорировали его изобретательные шутки. (У них только офицеры говорят на латинском языке. Мы по этой причине и выбрали стражников из испанцев.)

Если не считать ожерелий под одутловатым британским лицом, Трифер мог бы быть уличным торговцем в любом из городов мира. Он

пользовался именами Тиберий Клавдий — это, возможно, освобожденный раб, названный в честь старого императора, но скорее, какой-то мелкий местный сановник, отмеченный как союзник в прошлом. Я сомневался, что он в состоянии представить документ, подтверждающий гражданство.

— Мы знаем, как вы действуете. Просто перечисли имена! — рывкнул я на него.

— Не нужно так, Фалько! — тихо сказал Гай, показывая себя старшим, который вынужден подчиняться Риму и не имеет надежды поступать по-своему. — Это Британия. Мы ведем здесь дела по-другому. Трифер, от тебя зависит, смогу ли я тебе помочь. Этот человек — императорский агент.

Трифер попытался пойти на блеф.

— Вес? Размер? Техника безопасности? В чем проблема, офицер?

У него был высокий голос, причем говорил он в нос. Это голос меня раздражал. Трифер происходил из самодостаточного племени корилтауви, проживавшего в долине в центре острова.

Я проверил кончик кинжала большими пальцами и бросил взгляд на Гая, он кивнул.

— Ты не можешь рассказать нам про свинцовые рудники ничего нового, — начал я. — Трифер, я сам побывал там для проведения расследования.

Его лицо заблестело от пота. Я поймал его врасплох.

— Ваша система воняет от шахт до печей. Даже пекари в Деревне используют кусочки серебра в виде сдачи...

— Проблема с декларациями продавца? — застонал он и невинно мигнул. — Вмешалось казначейство? Нужно проверить?

Я бросил на стол на трех ножках крупицы серебра, собранные мною лично. Они рассыпались по столу на уровне носа Трифера. Затем я ударил по ним ладонью. Даже Гай выглядел удивленным.

— Я три недели работал на раздувании мехов на участке купелирования и смог собрать вот это! Можно сделать неплохое кольцо для какой-нибудь девчонки в Риме.

Трифер резко превратился в смелого парня.

— Засунь его себе в анус!

Я мило ему улыбнулся.

— О, я именно это и делал!

Гай побледнел.

* * *

Я широкими шагами подошел к Триферу, схватил его за одно из ожерелий и прижал металл к яремной вене достаточно сильно, чтобы остался отпечаток.

— Умный раб может оплатить себе дорогу в Галлию, если выживет после общения с твоим старшим мастером-садистом. Корникс получает свою премию, с которой не нужно платить налогов. Каждая группа занятых на производстве людей снимает свой маленький процент. Ты организовал собственную личную схему обогащения. Как на тебя надавили эти предатели из Рима — угрожали тебя сдать, если ты не возьмешь их в долю?

— Послушайте, вы, собаки, должны смотреть фактам в глаза! — одну последнюю минуту полный отчаяния Трифер продолжал притворяться. — Ведение горных работ и разработок — это совершенно особое дело. Это не то, что продавать пиво и устрицы солдатам...

— Не тратьте на него время, господин! — рявкнул я на прокуратора. — Позвольте мне забрать его в Рим. У нас там есть хорошее оснащение. Он быстро запищит. После этого — цирк на Ватикане. Скормим его львам!

Я выпустил ожерелье, словно его владелец вызывал у меня слишком большое отвращение, и мне не хотелось пачкаться, потом повернулся к Гаю.

— Спросите его про маркировку, — закричал я раздраженно. — Слитки, которые он ворует сам, помечены четыре раза, если в них все еще остается серебро. Это один брусок из четырех. Из остальных серебро выплавлено, но этот находчивый ублюдок продает их как серебряные. Сколько времени пройдет перед тем, как наши питающие иллюзии политики заметят этот обман? Мне не хотелось бы оказаться на месте человека, который дает взятку преторианцам фальшивками!

— Трифер, неужели ты не понимаешь, что они знают?! — прокуратор впервые заговорил голосом, лишенным какого-либо притворства. — Британские слитки были обнаружены в Риме. Если мы

не арестуем заговорщиков, пока они не добрались до тебя, ты потеряешь гораздо больше, чем контракт на добычу руды в Молверне? Веспасиан пришел надолго, не зависимо от того, что тебе говорили. Спасай свою шкуру. Парень, представь доказательства, какие у тебя только есть, — это твой единственный шанс на спасение!

Цвет лица Трифера изменился и теперь напоминал некрашеную штукатурку на стене. Он попросил разрешения поговорить с Гаем с глазу на глаз, в беседе он назвал ему два имени.

* * *

Гай написал письмо императору, которое должен был доставить я, хотя и отказался сообщить мне эти два имени. Я решил, что он бессмысленно играет в бюрократа, хотя позднее понял почему.

* * *

Мы с Гаем отправились вдоль побережья в Дурноварию, на его любимую виллу. Мне требовалось спросить его почтенную племянницу Елену, готова ли она отправиться домой, а если готова, желает ли, чтобы я сопровождал ее по Европе. Меня туда вез Гай. Мы ехали сто миль так медленно, что мне страшно хотелось вырвать поводья у него из рук.

Я должен признать, что стиль Елены Юстины, несущейся во весь опор, мне нравится гораздо больше, и я сожалел, что меня везет не она.

Глава 32

Гай отправился на виллу вместе со мной, потому что хотел подрезать виноградную лозу. Она была в жалком состоянии. Он так долго жил в Британии, что забыл, как по-настоящему должна выглядеть виноградная лоза.

Вилла прокуратора представляла собой богатую ферму в долине маленькой речушки с видом на низкие зеленые горы. Мягкий климат очень хорошо подходил человеку с больными ребрами. Дом был полон

книг и игрушек. Жена и дети отправились в Лондиний после Сатурналий, но я догадывался, какая тут идет жизнь в летние месяцы. В этом доме я мог бы долго отдыхать, именно такой я хотел бы когда-нибудь иметь.

Гай забавлялся, занимаясь в Дуноварии ерундой и попусту тратя время. Он выступал там в роли местного магистрата. Его неприятная племянница находилась на вилле, но держалась сама по себе. Если бы мне нравилась Елена Юстина, то я мог бы посчитать ее скромной, но мне она не нравилась, поэтому я называл ее необщительной. Поскольку Елена не вернулась к комфорту Лондиния вместе с Элией Камиллой, следовало предполагать, что теперь она намеревалась возвращаться в Рим. Но планы ее путешествия оставались неясными.

Я наслаждался собой в гостеприимном доме. Днем я читал, писал письма или, хромя, гулял по ферме. Слуги были дружелюбными и вполне приемлемыми для общения. Каждый вечер я с радостью беседовал с хозяином. Даже несмотря на Британию, это была идеальная римская жизнь. Уезжать мне не хотелось.

Однажды, когда шел особо неприятный дождь, Гай не смог уехать и налагать штрафы на кельтов, ворующих скот. Вместо этого он решил со мной побеседовать.

— Руфрий Виталий просил меня с тобой поговорить. Как я понял, ты обещал организовать ему отправку в Рим в качестве ответственного за багаж Елены?

— Позвольте мне догадаться самому — он не хочет ехать?

— Частично в этом виноват я, — Гай улыбнулся. — Он произвел на меня большое впечатление. Я предложил ему контракт на работу на руднике — в должности моего аудитора. Он должен заняться исправлением процедурных нарушений.

— Отличный выбор. Он вам здорово поможет. Кроме этого, насколько я помню, у него имеется некто по имени Труфорна, с кем он никак не может расстаться! — хмыкнул я.

Прокуратор улыбнулся вежливой улыбкой человека, сторонящегося вникать в детали личной жизни других людей. Затем он указал, что если Виталий отказывается, то сопровождать Елену придется кому-то другому...

— Она разговаривала с тобой, Фалько?

— Мы не разговариваем. Она считает меня крысой. Флавий Иларий посмотрел так, словно ему больно.

— О, я уверен, что это не так. Елена Юстина ценит все, что ты сделал. Она была глубоко потрясена твоим состоянием, когда забирала тебя с рудника...

— Я это переживу!

Я лежал на кушетке и наслаждался зимними грушами, которые управляющий виллы тщательно выбрал для меня из запасов и подал в чаше. — Кажется, ваша племянница, если вежливо выразиться, очень нервная и возбудимая особа.

Флавий Иларий сурово на меня посмотрел.

— Я не хочу сплетничать, — добавил я рассудительным тоном. — Если мне предстоит ее сопровождать, то было бы неплохо знать, в чем заключается проблема.

— Это справедливо, — мой новый друг Гай тоже мог считаться разумным человеком. — Итак, приехав к нам после развода, она выглядела подавленной и запутавшейся. Я подозреваю, что она до сих пор не оправилась и в какой-то мере чувствует себя сбитой с толку, но теперь ей удастся это лучше скрывать.

— Вы можете мне сказать, что пошло не так?

— Только с чужих слов. Насколько я знаю, муж с женой так и не сошлись. Молодого человека знал ее дядя, брат моей жены Публий. Именно Публий предложил этот брак ее отцу. В то время Елена описала своего будущего мужа в письме моей жене, как «человека с положением, без неприличных привычек».

— Ничего себе!

— Вот именно. Элия Камилла не одобрила этот брак.

— Тем не менее это лучше, чем начинать с затуманенными любовью глазами.

— Возможно. В любом случае Елена никогда не ожидала страсти, единения умов, но в конце концов обнаружила, что для нее недостаточно высокого положения и хороших манер. Недавно она поделилась со мной. Она предпочла бы, чтобы он ковырял в носу и бегал за работающими на кухне девушками, но, по крайней мере, разговаривал с ней!

Мы оба посмеялись над этим, хотя и сочувственно. Если бы мне нравились женщины с чувством юмора, то девушка, сказавшее

подобное, могла бы приглянуться.

— Значит, я понял неправильно, Гай? Это он развелся с ней?

— Нет. Обнаружив, что они несовместимы, Елена Юстина сама написала уведомление о разводе.

— А-а! Она не считает необходимым притворяться.

— Нет. Но она чувствительная, и ты сам видел результат! К этому времени стало очевидно, что прокуратора мучает совесть из-за таких откровенных высказываний, поэтому я оставил эту тему. Когда Гай в следующий раз отправился в город, я поехал вместе с ним. Я воспользовался возможностью приобрести двадцать разнообразных винных кубков из сплава олова со свинцом. Это была местная продукция.

— Сувениры для моих племянников и племянниц. Плюс несколько «серебряных» ложек для каши для новых членов семьи, которых мои сестры обязательно мне гордо представят, как только я вернусь.

— Галлы услышат твое приближение! — фыркнул Гай. Двадцать кубков громко звенели.

Все еще было трудно думать о возвращении домой.

* * *

Поскольку это была Британия, большую часть нашего пребывания в Дурноварии Елена Юстина страдала от сильной простуды. Пока она оставалась у себя в комнате, делая паровые ванны с разогретым маслом пинии, можно было легко забыть, что она в доме. Когда она вдруг вышла и унеслась куда-то на повозке с запряженной небольшой лошадкой, мне стало любопытно. Девушка отсутствовала весь день. Она едва ли могла отправиться за покупками — из собственных попыток я знал, что покупать нечего. Мой приятель, управляющий, принес мне лук-порей в винном соусе для возбуждения аппетита, который значительно улучшился. Поскольку я происхожу из семьи, которая выращивала овощи на продажу, лук-порей мне нравится. Я спросил у управляющего, куда отправилась молодая госпожа. Он не знал, но добродушно посмеялся над моей широко известной неохотой сопровождать ее.

— Она не может быть такой страшной! — укорял он меня.

— В сравнении с почтенной Еленой Юстиной змеи Медузы выглядят безобидными, как горшок с червями для рыбной ловли! — заявил я грубо, поглощая лук-порей как истинный внук тех, кто высаживал овощи на продажу. В этот момент Елена Юстина как раз влетела в комнату. Меня она проигнорировала, но это было в порядке вещей. Она выглядела сильно расстроенной, что было непривычно. Я не сомневался, что она все слышала.

Управляющий поспешно скрылся, чего я и ожидал. Я устроился на кушетке в гнезде из взбитых подушек. Я ожидал, когда на меня обрушится приливная волна.

Елена уселась на дамский стул. Ноги она поставила на скамеечку, руки положила на колени. На ней было скучное серое платье с дорогим красивым ожерельем из цилиндрических агатовых бусинок красного и коричневого цвета. Мгновение казалось, что она ушла в себя и очень серьезно о чем-то думает. Я кое на что обратил внимание: если сенаторская дочь не огрызалась на меня, у нее изменялось лицо. Кому-то она могла бы показаться спокойной, здравомыслящей, задумчивой молодой женщиной, происхождение которой заставит ее покраснеть, если придется иметь дело с мужчинами, тем не менее вполне доступной.

Елена встала.

— Чувствуешь себя лучше, Фалько? — спросила она насмешливо. Я лежал на кушетке и выглядел бледным.

— Что ты ешь?

Она сменила тему совершенно спокойно и невозмутимо, и поэтому поймала меня врасплох.

— Ничего.

— Не притворяйся. Я знаю, что ты ешь стихи!

Я протянул в ее сторону дощечку, покрытую воском. Она спрыгнула со стула и пересекла комнату, чтобы взглянуть. Дощечка оказалась пустой. Я больше не писал стихов и не считал себя обязанным объяснять ей почему.

Я чувствовал себя неловко, поэтому тоже решил задать вопрос.

— Твой дядя сказал мне, что ты вскоре собираешься покинуть Британию?

— Это не так, — язвительно ответила она. — Дядя Гай настаивает, чтобы я отправилась вместе с тобой, используя возможности императорской почтовой службы.

— Обязательно воспользуйся возможностями почтовой службы, — заметил я.

— Ты говоришь, что не станешь меня сопровождать?

— А ты не просила, — улыбнулся я в ответ.

* * *

Елена прикусила губу.

— Это из-за рудников?

Я смотрел на нее ничего не выражающим лицом скованного цепью раба.

— Нет, — сказал я. — Елена Юстина, я готов выслушать предложения, но не предполагай, будто можешь мне что-то диктовать, и я это проглочу.

— Дидий Фалько, я насчет тебя ничего не предполагаю, по крайней мере, больше не предполагаю.

Мы ругались, но без обычного удовольствия. Казалось, что она все время отвлекается.

— Если тебе предложат выбор и приемлемую оплату, ты согласишься сопроводить меня домой?

Я намеревался отказаться. Елена Юстина прямо смотрела на меня, понимая это. У нее были ясные, умные, выразительные глаза интригующего карего оттенка...

— Конечно, при условии возможно выбора, — услышал я собственные слова.

— О-о, Фалько! Назови свои ставки.

— Мне платит твой отец.

— Пусть платит. Я сама тебе заплачу, а затем, если я захочу разорвать наш контракт, я это сделаю.

В любом контракте должны быть обговорены условия расторжения. Я назвал свои ставки.

* * *

Очевидно, она все еще злилась.

— Что-то не так, госпожа?

— Я ездила на берег, — сообщила она и нахмурилась. —
Пыталась договориться о переправе в Галлию.

— Я сам бы это сделал!

— Ну, это уже сделано.

Я видел, что она колеблется. Ей требовался кто-то, с кем можно было бы поделиться, а в наличии имелся только я.

— Сделано, но не без проблем. Я нашла судно. Но, Фалько, в порту у сланцевых складов стоял корабль, который, я надеялась, нас возьмет. Но капитан отказался. Корабль принадлежит моему бывшему мужу, — выдавила она из себя.

Я ничего не сказал. Она пребывала в плохом настроении.

— Мелочно! — заметила она. — Мелочно, низко и подло! И какие отвратительные манеры!

Меня беспокоили истерические нотки у нее в голосе. Однако я давно взял себе за правило никогда не вмешиваться в дела супругов, а когда они разведены, так тем более.

* * *

Перед нашим отправлением Флавий Иларий обнял меня на причале как друга.

Из всех людей, с которыми я сталкивался в процессе работы, он мне особенно понравился. Я ему этого никогда не говорил, но знаю, что он это понимал. Я сказал ему, что никто, кроме меня, не смог бы найти дело, в котором честными оказались только государственные служащие. Мы оба рассмеялись и скорчили гримасы сожаления.

— Присматривай за этой дамой, — обнимая Елену на прощание, велел мне Гай. — А ты присматривай за ним! — обратился к девушке.

Я думаю, он имел в виду ситуацию, если у меня начнется морская болезнь. Она со мной случилась, хотя нет нужды говорить, что я сам за собой присматривал.

Глава 33

У нас был долгий переход по морю, судно качалось на волнах под грузом голубовато-серого британского мрамора, который везли из Гесориака в Галлию. Затем по суше мы отправились в Дурокортор, где повернули в Бельгию, а оттуда в Германию и проследовали по военному коридору.

Использование императорской почтовой службы — гнетущая привилегия. Специальные посланники на лошадях преодолевают по пятьдесят миль в день. Мы посчитали себя менее срочной посылкой и сели в повозку: четыре колеса на крепких осях, высокие сиденья, смена мулов каждую дюжину миль, а после двух смен мулов питание и размещение. Благодаря нашему пропуску все это оплачивали местные власти. В продолжение всего пути мы страшно мерзли.

Мы достигли профессионального взаимопонимания, нам было просто необходимо его достичь. Мы зашли слишком далеко, чтобы продолжать ругаться. Я был компетентен, и она это видела. Она же могла себя нормально вести, когда хотела. Когда мы останавливались, Елена Юстина оставалась в поле зрения, и еле со мной разговаривала, то не привлекала внимания воров, развратников и скучных владельцев гостиниц, которые пытались с ней заговорить. Деревенские дурачки и нищие, стоявшие у мостов, бросали один взгляд на ее стиснутые челюсти, и тут же убирались прочь.

Все курьеры и возницы считали, что я с ней сплю, но я этого ожидал. По натянутому выражению ее лица во время разговоров с ними, я видел, что она знает, о чем они думают. Мы избегали этой темы. Мне же было трудно в шутку воспринимать то, что на меня смотрели, как на любовника Елены Юстины.

На крупной военной базе в Аргенторате на Рейне, мы встретили младшего брата Елены, который там служил. Мы с ним хорошо поладили. Те, у кого есть ужасные свирепые сестры, обычно находят много общего. Молодой Камилл организовал ужин, который стал единственным светлым пятном во время нашего мерзкого путешествия. После этого он отвел меня в сторону и с беспокойством спросил, сообразил ли кто-нибудь мне заплатить за сопровождение госпожи. Я признал, что уже беру за это двойную оплату. Когда он прекратил хохотать, мы с ним выбрались на прогулку по городу, чтобы ознакомиться с его ночной жизнью. Он сообщил мне по секрету, что у Елены неудачно сложилась личная жизнь. Я не смеялся. Он был

молодым парнем с добрым сердцем, и в любом случае этот идиот напился.

Похоже, Елена Юстина любила брата. Это было заслуженно. Меня удивляла его привязанность к ней.

В Лугдуне мы сели на корабль, который пошел вниз по Родану. Я чуть не свалился в воду. Мы чуть было не опоздали на корабль, он уже поднял сходни и начал отплывать. Но команда зацепилась крюками за берег реки, чтобы мы перепрыгнули на борт, если пожелаем. Я перебросил наш багаж через палубные ограждения, затем, поскольку никто из моряков не выказал желания помочь, поставил одну ногу на палубу, а вторую оставил на земле. Я выступал в виде этакого каната, при помощи которого госпожа забралась на борт.

Елена была не из тех, кто выдаст свои сомнения. Я протянул вперед обе руки. Корабль качало, и он находился почти вне пределов досягаемости, но Елена смело ухватилась за меня, и я переправил ее на борт. Моряки тут же убрали крюки. Я остался висеть. По мере того, как проем увеличивался, я приготовился к купанию в ледяном Родане, но тут госпожа обернулась, увидела, что происходит, и схватила меня за руку. Секунду я висел в воздухе, широко разведя ноги, потом она ухватила меня покрепче, я оттолкнулся от земли и вцепился в палубу, словно краб.

Я был очень смущен. Большинство людей обменялись бы улыбками. Но Елена Юстина отвернулась, не произнеся ни звука.

* * *

Тысяча четыреста миль. Долгие дни в пути, на протяжении которых мы мчались на высокой скорости, потом ночи в одинаковых гостиницах, полных мужчин, которых Елена Юстина справедливо называла ужасными и отвратительными. Она никогда не жаловалась. Плохая погода, весенние паводки, мерзкие, вызывающие презрение типы, работающие курьерами, я сам. Я ни разу не слышал от нее стона. К Массилии я уже находился под впечатлением от этого. Я начинал беспокоиться — она выглядела усталой. Ее голос стал бесцветным, лишенным эмоций. Наша гостиница с маленькими комнатами была забита постояльцами. Я знал, что Елена очень боится

сломаться и отправился в ее номер, чтобы забрать ее перед ужином, на тот случай, если она нервничает. Она не хотела идти и притворялась, что не голодна. Однако мое веселое настроение помогло выманить Елену Юстину из номера.

— С тобой все хорошо?

— Да, Фалько, не беспокойся и не суетись.

— Выглядишь ты не лучшим образом.

— Со мной все нормально.

Так, может один из женских дней? Она ведь человек в конце концов. Я набросил на девушку шаль, впрочем, я бы и колючего дикобраза баловал бы и нежил, если бы он платил мне в двойном размере.

— Спасибо.

— Это входит в перечень услуг, — сказал я и повел ее на ужин.

Я был рад, что она пошла. Я не хотел есть в одиночестве. Это был мой день рождения, но никто об этом не знал. Мне исполнилось тридцать лет.

* * *

В Массилии мы остановились в гостинице у порта. Она была не хуже и не лучше, чем остальная часть Массилии. Она была ужасна. Слишком много приезжих, чтобы это пошло городу на пользу. Я устал после дороги, у меня затекло все тело, болели ребра. Я чувствовал себя неуютно, словно за нами следили. Еда мне совершенно не понравилась.

Акустика в обеденном зале оказалась ужасной — звуки оглушали. Меня отозвал в сторону капитан нашего корабля, чтобы договориться о погрузке. Он все сказал прямо: плати заранее, никакой роскоши, отплываем на рассвете, багаж доставляйте сами, сами добирайтесь до причала, или корабль уйдет без вас. Спасибо! Какой прекрасный город!

Когда я снова присоединился к Елене, она отгоняла собаку владельца гостиницы, помесь шотландской овчарки с борзой, которая уже опустила морду в мою тарелку. Мы находились в южной Галлии, где местные жители умеют заставить незнакомцев страдать, и ели

жаркое с рыбой — некое месиво красного цвета, состоявшее из мелких кусочков, причем среди кусочков попадались и обломки ракушек. Я поставил тарелку на пол для собаки. День рождения в Массилии, что ж тут удивляться наказаниям! Я голоден и нахожусь в компании девушки, которая смотрит на меня так, словно от меня дурно пахнет.

Я убедил Елену сесть во дворе. Это означало, что я тоже туда пойду, именно поэтому я и потрудился ей это предложить. Мне хотелось подышать свежим воздухом. Спускались сумерки. Мы слышали отдаленные звуки порта, звук бегущей воды. Перед нами находился пруд с прыгающими лягушками, то и дело слышался всплеск воды. Больше рядом никого не было. Похолодало. Мы оба устали и позволяли себе немного расслабиться, поэтому устроились на каменной скамье. До Рима остался всего один морской переход.

— Здесь поспокойнее. Чувствуешь себя лучше?

— Не надо суетиться, — заявила она, поэтому я укорил ее своим днем рождения.

— Не повезло, — только и сказала она.

— Да, Марк! — произнес я задумчиво. — Приходится праздновать день рождения в пятистах милях от дома: невкусная рыба на ужин, мерзкое галльское вино, болят ребра, бесчувственная клиентка.

Я продолжал весело перечислять свои трудности. И Елена Юстина наконец улыбнулась мне.

— Прекрати ворчать. Ты сам во всем виноват. Если бы я знала, что у тебя день рождения, то купила бы тебе бисквит с вареньем и кремом, пропитанный вином. И сколько тебе?

— Тридцать. Все ближе и ближе к черной лодке, которая переправляет через Стикс. Вероятно, меня стошнит и через борт лодки Харона... А тебе сколько лет?

Это было смело, но, судя по ее голосу, она жалела, что не купила мне бисквит.

— О-о... Двадцать три.

Я рассмеялся.

— Еще есть время заарканить нового мужа... Мои дамы обычно любят рассказывать мне про свои разводы, — добавил я небрежным тоном.

— Это твой праздник, — фыркнула Елена Юстина.

— Так побалуй меня... Что пошло не так?

— Прелюбодеяние в конюшне.

— Врешь!

Мне она не нравилась, но это все-таки должно было быть неправдой. Она была твердой, как камень, и прямолинейной. Вероятно, по этой причине она мне и не нравилась.

— Значит, он виноват. И что он сделал? Жалел денег на серьги с опалами или допускал слишком много вольностей с сирийками, играющими на флейте?

— Нет, — только и ответила она.

— Бил тебя? — рискнул я. К этому времени мне на самом деле стало любопытно, и любопытство требовало удовлетворения.

— Нет. Если на самом деле хочешь знать, то ничто во мне не интересовало его достаточно, чтобы беспокоиться, — с усилием объявила Елена. — Мы были женаты четыре года. Детей нет. Никто из нас не изменял... — она замолчала. Вероятно, знала, что никогда нельзя быть уверенным. — Мне нравилась управлять домом, но ради чего? Поэтому я с ним развелась.

Она была скрытным человеком, и я пожалел, что спросил. Обычно в этот момент женщины плачут. Но Елена Юстина не плакала.

— Хочешь об этом поговорить? Вы ругались?

— Один раз.

— Из-за чего?

— О-о... Политика.

Это было последнее, чего я ожидал, тем не менее, очень похоже на нее. Я расхохотался.

— Послушай, мне очень жаль! Но ты не можешь здесь остановиться, расскажи мне.

Теперь я понимал, в чем дело. Елена Юстина была достаточно смелой не только для того, чтобы привести себя к нынешнему беспокойному состоянию, она видела, как ее нынешнее отчаяние влияет на ее душу. Вполне вероятно, что лучшая жизнь, к которой она стремилась, не существует вообще.

Я хотел взять руку девушки в свою и сжать, но она не относилась к типу женщин, которые это приветствуют. Возможно, ее муж думал примерно так же. Все же она решила мне рассказать. Я ожидал, что удивлюсь, поскольку ничто из того, что она говорила, никогда не

оказывалось банальным. Елена начала говорить осторожно, я слушал с серьезным видом. Она объяснила, что привело к разводу.

Пока она говорила, мои мысли вертелись вокруг серебряных слитков.

Глава 34

В год четырех императоров моя семья — отец, дядя Гай и я — поддержали Веспасиана, — начала Елена. — Дядя Гай давно его знал. Мы все восхищались этим человеком. У моего мужа не было твердых убеждений. Он был торговцем — арабские специи, слоновая кость, индийский порфир, жемчуг. Однажды кое-какие люди в нашем доме обсуждали второго сына Веспасиана, Домициана. Тогда парень попытался вмешаться в германское восстание, как раз перед тем, как Веспасиан вернулся домой. Они убедили себя, что из этого зеленого юнца получится идеальный император. Домициан достаточно симпатичен, чтобы стать популярным, и одновременно им легко манипулировать. Я пришла в ярость! Когда гости ушли, я попыталась поговорить об этом с мужем, переубедить его...

Она колебалась. Я посмотрел на нее украдкой, решая, перебивать или нет, и пришел к выводу, что мне лучше помолчать. В сумерках глаза Елены приобрели цвет старого меда — таким видятся самые остатки, которые маячат в самых дальних уголках горшка, как раз вне пределов досягаемости пальца. И ты не можешь допустить, чтобы его выбросить.

— О, Дидий Фалько, что я могу сказать? Эта ссора не стала концом нашего брака, но помогла мне увидеть пропасть между нами. Он не подпускал меня к себе, не доверял мне. Я не могла его поддерживать, как следует жене. А что хуже всего, он никогда не выслушивал моего мнения.

Даже дикий критский бык не заставил бы меня заявить, чего ее муж боялся. Он боялся, что она права.

— Наверное, он неплохо зарабатывал на специях и порфире, — заметил я. — Ты могла бы вести спокойную жизнь, не вмешиваться...

— Да, могла! — гневно согласилась она.

Некоторые женщины считали бы, что им повезло, завели бы любовника, а то и нескольких, и жаловались бы матерям, тратя деньги

мужа. Я неохотно восхитился ее целеустремленностью.

— Почему он на тебе женился?

— Жизнь в обществе. Жена обязательна. А, выбрав меня, он привязал себя к дяде Публию.

— Твой отец его одобрил?

— Ты знаешь семьи. Давление нарастает на протяжении лет. Мой отец имеет привычку делать то, что хочет его брат. В любом случае мой муж выглядел абсолютно нормальным человеком: слишком развит эгоизм, неразвито чувство юмора...

Немногие мужчины могли бы так выразиться! Чтобы ее успокоить, я задал практичный вопрос.

— Я думал, что сенаторам не позволено заниматься торговлей?

— Именно поэтому он заключил партнерство с дядей Публием. Он инвестировал средства, а все документы были на имя моего дяди.

— Значит, твой муж богат?

— Его отец богат. Хотя они пострадали в год четырех императоров...

— И что тогда случилось?

— Это допрос, Фалько?

Внезапно она рассмеялась. Я впервые слышал ее искренний смех, ей явно было забавно. Смех оказался неожиданно привлекательным, и я непроизвольно засмеялся в ответ.

— Ну, хорошо. Когда Веспасиан объявил о своих претензиях на престол и установил блокаду на поставку зерна в Александрии, чтобы оказать давление на сенат и заставить его себя поддержать, возникли трудности в торговле с востоком. Мой муж и дядя пытались разведать новые европейские рынки. Дядя Публий даже посетил Британию, чтобы разузнать, что могут экспортировать кельтские племена! Дяде Гаю это не понравилось, — добавила Елена.

— Почему нет?

— Они не ладят.

— Почему нет?

— Разные люди.

— А что думает Элия Камилла? Она взяла сторону мужа или брата Публия?

— О-о, она очень трепетно относится к дяде Публию по тем же причинам, по которым он раздражает дядю Гаю.

Госпожа развеселилась. Я снова хотел услышать ее смех и приложил для этого усилия.

— И что тут смешного? Какие причины?

— Я не буду говорить. Ну, не смейся... Много лет назад, когда они жили в Вифинии, а моя тетя была ребенком, дядя Публий научил ее управлять гоночной колесницей!

Я не мог этого представить. Элия Камилла выглядела такой величественной и горделивой.

— Ты знаешь дядю Гая — он милейший человек, зачастую авантюрист, но может быть степенным и уравновешенным.

Я об этом догадался.

— Дядя Гай жалуется, что тетя Элия ездит слишком быстро! Боюсь, что она научила этому и меня, — призналась Елена.

Я задрал голову и с серьезным видом уставился в небо.

— Мой хороший друг, твой дядя, прав.

— Дидий Фалько, давай обойдемся без твоей неблагодарности! Ты был так тяжело болен, что мне требовалось спешить. Ты был в полной безопасности.

Совершенно не привычно для себя, она протянула руку и притворилась, будто собралась отодрать меня за уши. Я остановил движение и схватил ее за запястье, но остановился.

* * *

Я повернул руку Елены Юстины ладонью вверх и сморщил нос, вдыхая аромат духов. У нее оказалась крепкая маленькая ручка, а сегодня вечером она не украсила ее драгоценностями. Как и у меня, у Елены были холодные руки, но они пахли духами. Он напоминал корицу, только к ней примешивалось что-то еще. Запах заставил меня вспомнить парфянских королей.

— Какое экзотическое розовое масло!

— Малобатр, — сообщила она, пытаясь вырвать руку, но не особенно. — Из Индии. Очень дорогая реликвия от моего мужа...

— Щедро!

— Пустая трата денег. Дурак никогда не обращал на запах внимания.

— Возможно, у него был насморк, от которого он не мог отделаться, — поддразнил я.

— Четыре года?

Мы оба смеялись. Мне следовало отпустить ее руку. Но я решил снова наклонить голову и насладиться еще одним вдохом.

— Малобатр! Прелестно. Мой любимый запах! Он от богов?

— Нет, от дерева.

Я чувствовал, что она начинает беспокоиться, но была слишком горда, чтобы велеть мне отпустить ее руку.

— Четыре года, значит, ты вышла замуж в девятнадцать?

— Восемнадцать. Довольно поздно. Как и насморк моего мужа — трудно что-то изменить.

— О-о, я в этом сомневаюсь! — галантно заметил я. Когда женщины удостаивают меня своих рассказов, я всегда даю им совет.

— Тебе следует почаще над ним смеяться.

— Возможно, мне следует смеяться над собой.

Только маньяк попытался бы поцеловать ее руку. Я, как истинный кавалер, положил ее на колени Елены Юстины.

— Спасибо, — сказал я тихо, другим тоном.

— За что?

— За то, что ты однажды сделала.

* * *

Мы сидели молча. Я откинулся назад, вытянул ноги и положил одну руку на сильно ноющие ребра. Я думал о том, какой Елена была до того, как богатый дурак с насморком сделал ее озлобленной по отношению к другим людям и настолько же недовольной собой.

Пока я думал, на небе, среди неровных бегущих облаков, зажглась вечерняя звезда. Шумы, долетавшие из гостиницы за нами, стали тише. В перерыве между обжорством и полным опьянением клиенты рассказывали грязные истории на двенадцати языках. На поверхности пруда появился карп. Время хорошо подходило для размышлений — конец долгого путешествия, нечего делать, кроме как ждать наш корабль, да и место в саду располагало к разговорам. Здесь приятно

разговаривать с умной женщиной, с которой мужчина, прилагаящий немного усилий, мог легко обмениваться мыслями.

— Mars Ultor, я подошел так близко... Мне жаль, что мне не удалось выяснить, как эти слитки переправляются.

Я выражал свое раздражение вслух. И едва ли ожидал ответа.

— Фалько, — осторожно заговорила Елена. — Ты знаешь, что я ездила на побережье. В тот день, когда я вернулась злой...

Я рассмеялся.

— Самый обычный день. Как и многие другие.

— Слушай! Кое-что я тебе никогда не рассказывала. Они загружали сланец. Кривобокие товары из серого глинистого сланца для кладовок — кубки, чаши, подсвечники, ножки для столов в виде ухмыляющихся морских львов. Это все жуткие поделки. Не могу представить, кто это купит. Все это нужно мазать маслом, или вещи трескаются и разваливаются...

Я виновато заерзал, вспоминая поднос, который подарил матери.

— О, госпожа! Что-то подобное вполне может служить прикрытием. А ты подумала спросить...

— Конечно, Фалько. Человек, занимающийся экспортом этих безделушек, — Атий Пертинакс.

«Пертинакс!» Это имя было последним, которое я ожидал здесь услышать. Пертинакс, торгующий кухонной утварью плохого качества! Атий Пертинакс, остроносый эдил, который меня арестовал, пока искал Сосию, затем избил и сломал мою мебель! Я выплюнул короткое слово, используемое рабами на свинцовых рудниках. Я надеялся, что Елена его не поймет.

— Не нужно произносить таких отвратительных слов, — заявила она без всякого выражения.

— Нужно, госпожа! Ты знакома с этим извивающимся клещом?

Елена Юстина, сенаторская дочь, которая постоянно заставляла меня удивляться, произнесла необычно тихим и робким голосом:

— Дидий Фалько, ты плохо соображаешь. Да, я с ним знакома. Конечно, знакома. Я была за ним замужем.

Наконец долгое путешествие сказалось на мне. Я почувствовал себя раздавленным и больным. Меня тошнило.

Теперь ты думаешь, что это я.

— Что?

Ты проводишь несколько месяцев, решая проблему, и решение постоянно от тебя ускользает. А затем за полсекунды понимаешь больше, чем твой мозг в состоянии переварить.

Именно поэтому Децим с такой неохотой говорил о Пертинаксе. Это был его нелюбимый зять. Атий Пертинакс! Теперь понятно. Я знал, как серебряные слитки доставляют в Италию, кто и как их прячет под таким неинтересным грузом. Сквозь руки таможенников в Остии проходят красивые вещи, с которых берется особый налог на предметы роскоши, эти люди обладают хорошим художественным вкусом. Они один раз заглядывают в трюм, стонут при виде жуткого сланца и никогда не удосуживаются обыскать корабль. Бедная Елена невинно пыталась договориться о том, чтобы нас взяли на борт корабля, на который загружены серебряные слитки!

Более того, с самого начала этого дела Атий Пертинакс, эдил сектора Капенских ворот, был шпионом в управлении претора, который подслушал, где на Форуме друг претора Децим спрятал потерянный слиток. Вероятно, именно он организовал похищение Сосии Камиллины из дома. После того как я сорвал этот план, он выяснил, что девушка у меня, сказал об этом ее отцу, потом использовал Публия в виде оправдания для моего ареста за то, что я подобрался слишком близко. И все это в большой панике, потому что потерянный на улице слиток мог указать на него.

Елена была его женой.

— Твоя первая мысль: я замешана в деле, — настаивала она.

Теперь она ему не жена.

— Ты слишком правильная.

Моя вторая мысль — всегда самая лучшая.

Она решила меня подогнать.

— Каким образом твой медленно работающий мозг пришел к этому выводу? Вероятно, Трифер назвал дяде Гаю имена моего мужа Пертинакса и Домициана, сына Веспасиана.

— Да, — сказал я.

Я чувствовал себя таким бесполезным, как она всегда намекала. Наверное, Гай отказался назвать нам имена, потому что Пертинакс был ее мужем.

Последовало долгое молчание.

— Скажи мне, как давно ты пришла к этому выводу? — спросил я несколько напряженным тоном.

Мгновение она молчала.

— Когда капитан корабля моего мужа отказался нас везти. Мы с Гнеем расстались хорошо. А капитан отнесся ко мне так недоброжелательно и злобно.

Значит, она до сих пор называет его Гнеем!

— Вероятно, капитан корабля твоего бывшего мужа чувствовал себя в большой растерянности, когда ты к нему обратилась!

Потом мне в голову ударила еще одна мысль, еще один аспект проблемы.

— А насколько твой бывший муж близок с твоим дядей Публием? — спросил я.

— Дядя Публий не может об этом знать.

— Ты уверена?

— Это невозможно!

— А что он думает о Веспасиане?

— Конечно, дядя Публий его поддерживает. Он — деловой человек и хочет стабильности. Веспасиан стоит за хорошо управляемое государство — высокие налоги, но и большая прибыль от торговли.

— Твой дядя обеспечивает великолепное прикрытие для Пертинакса, и не одним способом.

— О, Юнона, мой бедный дядя!

— Правда? Скажи мне, а какой точки зрения придерживался Публий о Домициане Цезаре во время спора, после которого вы поссорились с Пертинаксом?

— Никакой. Его там не было. Он приходил к нам в дом только на семейные торжества. И отстань от моего дяди.

— Я не могу.

— Фалько! Почему? Ради всего святого, Фалько, он же отец Сосии!

— Именно поэтому. Для меня было бы слишком просто его игнорировать...

— Дидий Фалько, ты должен быть уверен в одном: никто из ее родственников — и уж, тем более ее отец — не мог участвовать ни в

чем, что принесло бы зло этому ребенку!

— А как насчет твоего собственного отца?

— Прекрати, Фалько!

— Пертинакс был его зятем. Тесная связь.

— Мой отец совсем не испытывал к нему теплых чувств после того, как я с ним развелась.

Это соответствовало тому, что я видел. Децим явно испытывал раздражение при упоминании мною Пертинакса.

Я спросил ее, кто же все-таки участвовал в обсуждении Домициана. Елена перечислила несколько имен, которые мне ни о чем не говорили.

— А ты знаешь что-нибудь про переулок Ворсовщиков? — резко спросил я. Елена посмотрела на меня округлившимися глазами, я быстро продолжил. — Сосия Камиллина погибла на складе в этом переулке. Он принадлежит старому патрицию, который умирает в загородном поместье — человеку по имени Карпений Марцелл...

— Я его немного знаю, — перебила Елена ровным голосом. — Я бывала у него на складе. Сосия ходила вместе со мной. Это высохший, болезненно умирающий старик, у которого нет сына. Он усыновил наследника. Так делается довольно часто. Представительного молодого человека, у которого не было надежд пробиться самому по себе. Он обрадовался приглашению Марцелла в дом господина благородного происхождения. Он оказал должные почести его блистательным предкам, обещал похоронить старика с должными почестями и оказать уважение, а в ответ управлять внушительным имуществом Марцелла. Цензор сообщил бы тебе, если бы ты потрудился об этом спросить. Полное имя моего мужа, моего бывшего мужа, звучит: Гай Атий Пертинакс Карпений Марцелл.

— Поверь мне, у твоего бывшего мужа есть еще несколько грязных имен, — заметил я мрачно.

* * *

Наиболее удобным казалось какое-то время помолчать.

— Фалько, я полагаю, вы обыскивали склад?

— Предполагаешь правильно. Обыскивали.

— Пусто?

— К тому времени, как мы начали обыск.

* * *

В пруду распрыгались лягушки, некоторые из них квакали. Из воды выпрыгивала рыба. Я бросил камень вводу, и он тоже выпрыгнул. Я откашлялся и квакнул.

— Мне кажется, что хамы из управления претора и щенки из дворца не в состоянии организовать происходящие события, — заявила сенаторская дочь. В эти минуты она очень напоминала свою британскую тетю.

— О нет, этой трупшой обезьян управляет настоящий руководитель!

— Я не думаю, что Атий Пертинакс способен на убийство, — сказала Елена Юстина гораздо более робко.

— Ну, если ты так считаешь.

— Я так считаю! Можешь быть циничным, если хочешь. Возможно, люди никогда на самом деле не знают, что представляю собой другие. Тем не менее мы должны пытаться. В твоей работе ты должен доверять собственным суждениям и впечатлениям...

— Я доверяю твоим, — просто признал я, поскольку этот комплимент соответствовал истине.

— И все же ты мне не доверяешь!

Ребра меня сильно беспокоили, нога болела.

— Мне на самом деле важно твое мнение, — сказал я, — и я его ценю. Ради нее, ради Сосии, в этом деле не должно быть удовольствий и наслаждений. Никакой верности, никакого доверия, а если повезет, и никаких ошибок.

Я поднялся на ноги и стал хромать из стороны в сторону. Произнося имя Сосии, я хотел немного отдалиться от Елены. Прошло много времени с тех пор, как я думал о Сосии так просто, и воспоминания все еще оставались невыносимыми. Мне хотелось подумать о Сосии Камиллине, но только в одиночестве.

Я завернулся в плащ и прошел к пруду. Елена осталась на скамье. Вероятно, она разговаривала с серой фигурой, полы плаща которой

время от времени хлопали на ночном ветру, прилетавшем с моря. Я услышал, как она меня тихо зовет.

— До встречи с родственниками мне было бы неплохо знать, как умерла моя двоюродная сестра, — сказал она. — Это поможет.

Гай, который, вероятно, сообщил ей печальную весть, похоже, скрыл детали. Поскольку я уважал Елену, то рассказал ей голые факты.

— А ты где был? — спросила Елена тихим голосом.

— Лежал без сознания в прачечной.

— Это связано?

— Нет.

— Ты был ее любовником? — удалось ей выдать из себя. Я молчал. — Отвечай мне. Я тебе плачу, Фалько!

Я в конце концов ответил только потому, что знал об ее упрямстве.

— Нет, — сказал я.

— А ты хотел им быть?

Я молчал достаточно долго, чтобы это само по себе стало ответом.

— У тебя была возможность! Я знаю, что была... Почему не тогда?

— Другое сословие, — заявил я. — Возраст. Опыт. — Глупость! — добавил я через некоторое время.

Затем она спросила меня о нравственности. Мне казалось, что мои нравственные принципы очевидны. Это ее не касалось, но в конце я сказал ей, что мужчине не следует пользоваться готовностью юной девушки, которая поняла, что хочет, обладает инстинктами это получить, но не имеет смелости справиться с неизбежной печалью, которая последует.

— Если бы она осталась жива, то кто-нибудь другой развеял бы иллюзии Сосии. Я не хотел, чтобы это был я.

Ночной ветер усиливался и развивал мой плащ. На душе было тяжело, требовалось прекратить этот разговор.

— Я иду в номер.

Я не собирался оставлять свою клиентку одну в темноте. К этому времени, если в мире существует справедливость, она уже должна была бы это знать. Из гостиницы доносились звуки веселья, часто сильные и хриплые голоса. Елена чувствовала себя не очень уютно в общественных местах, а Массилия в период оргий не место для

благородной госпожи. Это не место ни для кого. Я сам начал чувствовать себя здесь несчастным на открытом воздухе.

Я ждал, не могу сказать, что проявлял нетерпение.

— Лучше я тебя провожу, — сказал я.

Я проводил ее до двери номера, как делал всегда раньше. Вероятно, она никогда не узнает, сколько претендующих на нее типов мне пришлось отгонять на протяжении нашего путешествия. Однажды ночью мы ночевали в месте, где еще не изобрели замки. Клиенты там были особенно настойчивыми и отталкивающими. Я спал у ее порога с ножом в руке. Я предпочитал, чтобы было так. Это моя работа. Именно за это мне платила эта ценная госпожа, даже хотя ей было неудобно выразить это словами в нашем контракте.

Она гораздо сильнее переживала смерть Сосии, чем я думал. Когда в тускло освещенном коридоре я повернулся, чтобы пожелать ей спокойной ночи и наконец взглянул на Елену, то понял, что хотя ничего не заметил в саду, она плакала.

Я замер на месте, беспомощный при виде этого непривычного зрелища.

— Спасибо, Фалько, — тем временем произнесла Елена самым обычным голосом.

Я тоже повесил на лицо обычное выражение, несколько застенчивое и робкое, чтобы соответствовать. Елена Юстина это проигнорировала, как и всегда.

— С днем рождения! — тихо сказала она как раз перед тем, как отвернуться.

Затем в честь моего дня рождения она поцеловала меня в щеку.

Глава 36

Вероятно, она почувствовала, как я дернулся.

— Прости меня! — воскликнула она. Ей следовало резко повернуться и уйти. Мы могли бы на этом закончить, на самом деле меня бы это не беспокоило. Ее жест был вполне приличным.

Проклятая женщина не знала, что делать.

— Мне очень жаль...

— Никогда не извиняйся! — я услышал, как проскрипел мой голос. После смерти Сосии я ушел в себя. Я больше не мог иметь дел с

женщинами. — Ничего нового, госпожа. Богатая грудинка ищет густого соуса. Гладиаторы сталкиваются с этим постоянно. Если бы я хотел этого, то ты бы давно об этом узнала!

Ей следовало сразу же уйти в номер. Но она просто стояла на одном месте и выглядела обеспокоенной.

— О, ради всего святого! — раздраженно воскликнул я. — Прекрати на меня так смотреть.

Ее большие усталые несчастные глаза напоминали озера. На протяжении двух часов я думал, что почувствую, если ее поцелую. Поэтому я ее поцеловал. Раздраженный, озлобленный, выведенный из себя, я шагнул к дверному проему, потом сжал ее локтями, а ладонями взялся за ее бледное, как кость, лицо. Все закончилось довольно быстро, удовольствия не было. Вероятно, это оказалось самым пустым жестом в моей жизни.

Она вырвалась. Она дрожала от холода в саду. Все лицо у нее было холодное, а ресницы влажные от слез. Я поцеловал ее, и тем не менее, все равно не понял, каково это. Я знаю мужчин, которые скажут вам, что с женщинами следует общаться грубо, потому что так хотят женщины. Эти мужчины глупцы. Елена Юстина заметно смутилась. Если быть полностью честным, то я и тоже был смущен.

Елена могла бы справиться с ситуацией, но я не дал ей времени — я резко развернулся и ушел.

* * *

Я вернулся. За кого вы меня принимаете? Прошел по темному коридору украдкой как слуга с посланием, которое он забыл передать раньше. Я постучал ей в дверь особым стуком — три раза подряд, быстро, костяшками пальцев. Мы никогда об этом не договаривались специально, так получилось само собой. Обычно она сразу же подходила к двери и впускала меня.

Я снова постучал. Я попробовал дверь, зная, что она не поддастся (я сам показывал Елене, как запирать дверь на палку, если останавливаемся в гостинице). Я прижался лбом к дереву и тихо произнес ее полное имя. Она не желала отвечать.

К этому времени я понял, что она предполагала, будто мы наконец достигли некоторого понимания. Она предложила мне перемирие, а я по глупости этого даже не понял, тем более не принял. Елена Юстина была настолько щедра, насколько я глуп. Мне хотелось бы получить возможность сказать ей, что я сожалею. Она не желала или не могла предоставить мне эту возможность.

Прошло какое-то время, ждать здесь больше было нельзя, или я мог бы подмочить ее репутацию. Елена Юстина наняла меня именно затем, чтобы избавлять ее от этого. Единственное, что я мог для нее сделать, — это уйти.

Глава 37

Утром я оделся, упаковал вещи, затем, проходя мимо двери госпожи, громко в нее постучал. Она показалась, только когда я уже сидел на ступенях перед гостиницей и намазывал сапоги гусиным жиром, и остановилась за моей спиной. Я медленно завязал обувь, чтобы не поднимать голову. Мне никогда в жизни не было так стыдно.

— Для нас обоих будет лучше, если мы сейчас расторгнем наш контракт, — сказала Елена Юстина по-деловому.

— Госпожа, я закончу то, что начал.

— Я не стану тебе платить, — сказала она.

— Считай, что ты расторгла контракт! — заорал я.

* * *

Я не мог себе позволить ее бросить. Я схватил ее багаж, независимо от того, нравилось ей это или нет, и широкими шагами пошел вперед. Моряк вполне вежливо помог ей подняться на борт, насчет меня никто не побеспокоился. Елена отправилась на нос судна и стояла там в одиночестве. Я расположился на палубе, поставив ноги на ее багаж. Ее тошнило. Меня нет. Я подошел к ней.

— Я могу помочь?

— Уйди прочь.

Я ушел. Казалось, это помогло.

На всем пути из Галлии в Италию мы не перекинулись ни словом. В Остии, в утренней суматохе, она стояла рядом со мной, пока мы ждали разрешения сойти на берег. Мы не разговаривали. Я позволил другим пассажирам пару раз ее толкнуть, затем поставил Елену впереди себя, и пихать стали меня. Она смотрела прямо вперед. И я тоже.

Я первым сошел со сходней и нашел паланкин. Елена проскользнула мимо меня и забралась в него одна. Я бросил свой багаж на противоположное сиденье, затем отправился в другом паланкине, который несли следом.

В Рим мы заходили во второй половине дня, ближе к вечеру. Весна вступила в свои права, на дорогах усиливалось движение. Мы остановились у Остийских ворот из-за затора, поэтому я заплатил мальчишке, чтобы бежал вперед и предупредил ее семью о нашем приближении. Я сам пошел вперед, чтобы посмотреть, что случилось у ворот и почему образовался такой затор. Когда я проходил мимо паланкина Елены Юстины, она высунула голову. Я остановился.

Я оглядывал дорогу.

— Ты видишь, в чем дело? — спросила она тихо спустя мгновение.

Я поставил локоть на окно ее паланкина. Так было легче общаться.

— Повозки с поставками, — ответил я, все еще глядя вперед. Ждут вечернего звона, чтобы заехать в город. Похоже, перевернулся фургон с бочками вина, и дорога стала липкой.

Я повернул голову и посмотрел прямо в глаза Елене.

— Да еще какой-то шум и суматоха из-за солдат со знаменами. Какой-то могущественный тип с соответствующим сопровождением торжественно въезжает в город...

Она не отводила взгляда. Я никогда не умел мириться. Я чувствовал, как у меня на шее напряглись жилы.

— Дидий Фалько, ты знаешь, что мой отец и дядя Гай заключили пари? — спросила Елена с легкой улыбкой. — Дядя Гай считал, что я уволю тебя в припадке гнева. Отец считал, что ты первым откажешься иметь со мной дело.

— Два негодяя, — заметил я.

— Мы можем доказать, что они неправы, Фалько.

Я скорчил гримасу.

— Они потеряют деньги.

Елена подумала, что я именно это имею в виду. Она резко отвернулась.

У меня сильно занял низ живота. Я диагностировал это, как чувство вины. Я дотронулся до ее щеки одним пальцем, словно это была Марция, моя маленькая племянница. Елена закрыла глаза, предположительно от того, что ей было неприятно. Движение возобновилось.

— Я не хочу домой! — прошептала Елена печально.

Мне стало ее жаль.

Я понял, что она чувствует. Она покинула отчий дом невестой, выросла женой, сама вела хозяйство, и вероятно, делала это хорошо. Теперь у нее не было места. Она не хотела снова выходить замуж. Мне об этом сказал ее брат в Германии. Она должна вернуться к отцу. Рим не позволял женщинам жить по-другому. Елена попадет в капкан бесполезной жизни девушки, жизни, которую она уже переросла. Посещение Британии было побегом от действительности, но длился он не так долго. Теперь она вернулась.

У нее была настоящая паника, я это видел. В противном случае она никогда бы в этом не призналась, не мне. Я чувствовал ответственность.

— Ты еще не отошла от морской болезни, — заявил я, — предпочитаю доставлять своих клиентов на место здоровыми. Поехали, увидишь много интересного. Я отвезу тебя на набережную и покажу Рим!

* * *

Как я изобретаю подобные безрассудные планы? На востоке города, во многих милях от дома ее отца, можно взобраться на высокий земляной вал, где стояла изначальная городская стена. Древние крепостные валы — прекрасное место для прогулок, к тому же там дует приятный ветерок. Нужно пройти мимо скрипучих

кабинок кукольников, фокусников с дрессированными мартышками и лодочников, предлагающих свои услуги. Чтобы добраться до валов, нам пришлось ехать через центр города мимо Форума к Эсквилину. Большинство людей поворачивают на север, к Коллинским воротам. По крайней мере, у меня хватило ума повести Елену в противоположном направлении и пройти половину пути по Священной дороге.

Боги знают, что думали носильщики. Ну, зная, что обычно видят носильщики, я могу догадаться, что они думали.

Мы взобрались наверх, затем пошли рядом. В начале апреля, прямо перед ужином, мы были фактически одни. Перед нами простирался город. Ничто в мире не сравнимо с этим зрелищем. Шестиэтажные многоквартирные дома вздымались вверх с узких улочек и бросали вызов дворцам и частным домам, не обращая внимания на взыскательность и утонченность. Бежевый свет освещал грибовидные крыши храмов или дрожал в струях фонтанов. Даже в апреле воздух казался теплым после сырости и холода Британии. Мы спокойно шагали рядом и вместе пересчитали семь холмов Рима. Пока мы шли на запад вдоль Эсквилина, вечерний ветер дул нам в лицо, он нес запахи мяса, бурлящего в темной подливке в пятистах харчевнях. Мы чувствовали и запах устриц с кориандром в белом винном соусе, свинину с фенхелем, перцем и орехами в какой-то полной суеты кухне частного особняка прямо под нами. До высокого места на валу, где мы находились, доносились постоянные шумы, присутствующие внизу, — торговцы усиленно предлагали свой товар, ораторы произносили речи, повозки сталкивались друг с другом, кричали ослы, звенели дверные колокольчики. Мы слышали топот марширующего отряда стражников и множество криков людей, живущих гораздо более тесно, чем в каком-либо месте империи или известной части мира.

Я остановился, повернул лицо к Капитолию и улыбнулся. Елена находилась так близко, что ее длинный плащ хлестал мой бок. Я почувствовал приближение развязки. Где-то в этой метрополии прячутся люди, которых я ищу. Осталось только найти доказательства, которые удовлетворят императора, затем обнаружить местонахождение украденных серебряных слитков. Я находился на половине пути к ответу, конец нужно искать здесь, в Риме. Моя уверенность усилилась. Наслаждаясь знакомой сценой, зная, что, по крайней мере, в Британии

я сделал все, что только мог, отчаяние, которое сжимало меня тисками после смерти Сосии, наконец отпустило.

Я повернулся к Елене Юстине и обнаружил, что она наблюдает за мной. Теперь она взяла под контроль собственные переживания. На самом деле с этой девушкой все было нормально, просто она на какое-то время сделала себя несчастной. Многие так иногда поступают, а кто-то занимается этим всю жизнь. Кажется, некоторые наслаждаются несчастьем, но не Елена. Она слишком прямолинейна и слишком честна с собой. Если оставить ее в покое, то у нее очень спокойное лицо и доброе сердце. Я чувствовал, что она снова обретет душевный покой. Возможно, не со мной, но если она меня ненавидит, то я едва ли могу жаловаться, ведь когда мы познакомились, я сам себя ненавидел.

— Мне будет тебя не хватать, — поддразнила она меня.

— Как волдыря после того, как боль уходит!

— Да.

Мы рассмеялись.

— Некоторые мои дамы просят о новой встрече со мной, — поддразнил ее я.

— Зачем? — Елена словно отбросила в сторону ярость и смотрела на меня горящими глазами. — Ты так очевидно их обманываешь, когда выставляешь счет за свои услуги?

В последнее время она похудела на несколько фунтов, но фигура у нее оставалась привлекательной и здоровой. Мне нравилась ее прическа, я улыбнулся.

— Только если хочу их увидеть.

— Я предупрежу счетовода, чтобы внимательно следил, нет ли ошибок, — фыркнула она в ответ.

Ее отец и ее дядя проиграли. Хотя это и не продлится вечно, но сейчас мы были друзьями.

Елена выглядела задорно взъерошенной и румяной. Можно было вернуть ее родственникам в таком виде. Они подумают обо мне самое худшее, но это лучше, чем правда.

* * *

Есть две причины, побуждающие привести девушку на набережную. Первая — подышать свежим воздухом, что мы и сделали. Я подумал о второй причине, затем решил, что лучше этого не делать. Наше долгое путешествие закончилось. Я повез Елену Юстину домой.

ЧАСТЬ III

Глава 38

Рим, весна 71 года н. э.

На улице, где стоял дом ее отца, для нас была подготовлена встреча. Мы без проблем добрались до квартала Капенских ворот, протряслись по нескольким боковым улочкам, затем повернули к дому сенатора. Паланкины остановились, и мы оба вышли. Елена резко вдохнула воздух. Я повернулся: к нам неслись четверо или пятеро типов, которым отказали на рынке рабов. На каждом была остроконечная шляпа, надвинутая на лицо. Не требовалось надвигать их так низко, чтобы скрыть оспины. Одна рука у каждого типа была засунута под плащ. Там точно прятали не мешки с булочками и крестьянским сыром.

— Геркулес, госпожа! Звони в колокол, пока кто-то не выйдет!

Елена бросилась к двери отца, а я быстро отстегнул один из шестов, к которому крепился паланкин и за который его несли. Я огляделся. Прохожие исчезали с мостовых, словно таяли в воздухе. Они ныряли в ювелирные мастерские и цветочные лавки, открытые для вечерней торговли. Над портиками висели фонари. Квартал предназначался для избранных, поэтому помощи ожидать не приходилось. Гуляющие горожане исчезли, словно пузыри на Тибре во время наводнения.

Нападавшие действовали быстро, но все равно не так быстро, как я. Под плащами у них оказались дубинки с шипами, но после трех месяцев, проведенных на свинцовом руднике, во мне скопилось больше агрессии, чем они могли предположить. Я мог нанести немало вреда, размахивая восьмифутовым шестом.

В конце концов в ответ на яростный звонок колокольчика, за веревку которого дергала сенаторская дочь, из дома вылетел Камилл в сопровождении рабов. Нападавшие тут же разбежались. Они оставили позади себя кровавый след и мертвеца. Это был тот тип, что бросился на Елену. Я оттолкнул ее в сторону, достал нож, который прячу в сапоге, врезал ему по голени, как меня учили в армии, затем нанес

удар ножом, направляя лезвие вверх. Это никогда не остановило бы человека, прошедшего армейскую подготовку, но было очевидно, что мой противник не служил в армии. Я его прикончил.

В Риме ношение оружия незаконно, тем не менее, я защищал дочь сенатора. Никакой обвинитель не сможет убедить судью вынести мне приговор. Кроме того, я терпел ее общество на протяжении тысячи четырехсот миль не для того, чтобы позволить убить ее на пороге отчего дома и отказаться от положенной мне двойной оплаты.

* * *

Камилл Вер, стоя с мечом в руке, тяжело дышал, наблюдая веселенькую сцену. Вокруг нас царил жуткий хаос, в сумерках все казалось более зловещим.

— Я упустил их! Далеко убежали, но одного я задел...

— Неплохо, господин. Я дам вам рекомендации в мой гимнасий. Мы там занимаемся борьбой!

— Фалько, ты не очень хорошо выглядишь.

— Потрясен теплой встречей...

Убийство людей плохо на меня действует. И сенатор, и его жена выскочили из дома в сопровождении множества тупых унылых служанок и ждали возможности обнять свою благородную дочь. Схватив Елену в начале потасовки, я как-то забыл ее выпустить. (Хорошее правило в отношениях с женщинами, хотя ему трудно следовать в толпе.) Вероятно, благородные родители впервые увидели Елену Юстину такой — с побелевшим лицом, потерянной, прижатой к груди небритого разбойника с диким взглядом и окровавленным ножом в руках. Я поспешно передал свою клиентку в руки отца. Камилл Вер был так потрясен увиденным, что не мог говорить.

* * *

Меня била дрожь. Я сидел на краю огромной ванны, которая благоухала цветочными лепестками, пока все вокруг носились с Еленой Юстиной. Поскольку никому не хотелось ругать меня за их

испуг, все ругали ее. Она казалась слишком растерянной, чтобы возражать. Я наблюдал за всеми, так привыкнув к роли защитника, что чувствовал себя неловко из-за того, что здесь мне приходилось держаться на заднем плане.

— Прекрасно сработано, Фалько! — ее отец широкими шагами пересек помещение и поднял меня на ноги. Затем спросил голосом человека, который поставил деньги на мой ответ.

— Хорошо ли прошло путешествие?

— О, спокойствие путешествия соответствовало низкой оплате.

Елена странно взглянула на меня. Я смотрел на вечернее небо как обыкновенный усталый человек.

* * *

Децим послал сообщение магистрату насчет человека, которого я убил. Тело очень быстро убрали с площадки перед домом за счет граждан. Больше об инциденте я не слышал.

Было очевидно, что хотели эти негодяи: когда они внезапно побежали, с ними исчез и наш багаж.

Я организовал поисковую группу, и рабы Камилла вернулись с нашей поклажей, которую нашли брошенной на улицах недалеко от сенаторского дома. Я поставил канделябр на холодный плиточный пол в холле, опустился на колени и принялся распаковывать свой нехитрый скарб, чтобы тщательно все обыскать. Елена устроилась рядом со мной и помогала. Пока я тщательнейшим образом все осматривал, мы разговаривали тихими голосами людей, которые вместе путешествовали на протяжении многих недель. Мать Елены явно чувствовала себя неуютно, но мы были слишком заняты, чтобы обращать на это внимание. Все, кого мы встретили на пути в Рим, глядя на нас, предвкушали какой-то скандал, лучшее средство от серой рутины жизни. Мы оба привыкли это не замечать. Но даже и так я почувствовал, что Юлия Юста теперь смотрит на меня как на обузу. Я улыбнулся про себя: элегантная мать гордой молодой дамы раздражает ее так же, как моя меня.

— Практически ничего не перевернуто, и пропало очень мало, — сообщил я Елене Юстине, советуясь с ней как с партнером в

расследовании дела.

— Письмо дяди...

— Не страшно. На самом деле бессмысленно — он может написать его снова.

Кое-что еще. Кое-что, что принадлежало мне. В то мгновение, когда я это понял, Елена, вероятно, смотрела на меня. Я догадался по ее взгляду, что выражение моего лица сильно изменилось. Я фактически посерел.

— О, Фалько...

Я коснулся ее запястья.

— Девочка, это не имеет значения.

— Имеет!

Я просто покачал головой.

Они забрали гагатовый браслет, который Елена подарила Сосии, а Сосия в свою очередь мне.

Глава 39

Сенатор решил отправиться во дворец в тот же вечер. Он сообщит все, что стало известно нам и, в частности, наши подозрения о причастности Домициана. Мне было нечего делать до получения дальнейших указаний. Я мог это пережить.

Мне предложили ужин и пуховую постель, но я отправился домой — хотелось побыть одному по нескольким причинам.

Прачечная была закрыта, поэтому я отложил удовольствие встречи с Ленией до следующего дня. Шесть этажей — это большое препятствие для усталого после путешествия мужчины. Тяжело ступая по ступеням, я понял, что хочу переехать. Однако когда добрался до собственной квартиры, во мне проснулось упрямство, и я решил остаться.

Ничего не изменилось. В первой комнате едва ли могла развернуться собака, тощая собака с зажатым между ног хвостом. Качающийся стол, накренившаяся скамья, полка с посудой, стопка кирпичей, рашпер, кувшины для вина (грязные), корзина для мусора (полная)... Но мой стол стоял не в том месте. Кирпичи, на которых я готовил еду, почернели от сажи. Какой-то бездушный ублюдок морил голодом ласточку в клетке. В моей квартире кто-то жил!

Я вначале уловил его запах. В воздухе смердело старыми шерстяными туниками, которые не стирали месяц. Я увидел модную красную вечернюю одежду, которую не узнал, и пару тапок, запах которых в виде приветствия донесся до меня из дальнего конца комнаты. Несмотря на то, что Децим вносил арендную плату Смаракту, мой бесчестный и корыстный домовладелец пустил виночерпия, подающего горячее вино, который наполнил мое жилище всеми возможными запахами тела. Смаракт сдал ему мою квартиру в субаренду на время моего отсутствия.

Вонючего незнакомца сейчас не было дома — ему повезло. Я выбросил чужое барахло на балкон, сбросил тапки вниз на площадку перед входом, покормил его ласточку, затем немного убрал грязь, чтобы как-то устроиться. Я съел анчоусы, которые он оставил в моей любимой чаше. Судя по вкусу, они были трехдневными. Вдруг он вошел. Моим квартирантом оказался виночерпий с сальными волосами, плохими зубами и склонностью к метеоризму от испуга, причем это происходило каждый раз, когда я бросал взгляд в его сторону. А случалось довольно часто. Он относился к неприятным типам, с которых нельзя спускать глаз.

Я поставил этого убогого в известность о том, что ему следует платить мне сумму, которую берет с него Смаракт, а также спать на улице под звездами, пока не найдет другое жилье, или я его вышвырну отсюда прямо сейчас. Он выбрал балкон.

— Ты съел мои анчоусы!

— Тебе не повезло, — нахмурился я. Он не знал, что я нахмурился потому, что его выражение лица напомнило мне кое-кого другого.

Не стану говорить, что мне ее не хватает. Женщины с отвратительным характером, которые считают свою жизнь трагедией, слишком часто встречаются там, где я живу. Мне не хватало приятного тепла от ощущения зарабатывания денег просто за то, что я составляю кому-то компанию. Мне не хватало ответственности за другого человека, не хватало возбуждения и учащенного пульса от размышлений, что еще выкинет сумасшедшая девица, пытаюсь вызвать у меня раздражение.

Новости все также быстро распространялись на Авентине. Петроний Лонг постучал в дверь за час до того, как я его ждал. Я увидел знакомую крепкую фигуру и скромную улыбку. Он отпустил бороду и выглядел ужасно. Я сказал ему об этом, он ничего не ответил, но я знал, что к следующей нашей встрече он побреется.

Виночерпий нашел мой тайник и опустошил его содержимое (хотя он это отрицал, поскольку вранье лучше всего получается у виночерпиев, подающих разогретое вино). К счастью, Петроний принес амфору своего любимого кампанского вина. Он устроился на скамье, прислонился к стене и вытянул длинные ноги. Каблуки оказались на краю стола, а кубок он держал на животе. Так ему было удобнее. Казалось, прошло очень много времени с тех пор, как я видел удобно устраивающегося Петрония, чувствующего себя, как дома. Бросив один взгляд на мое вытянувшееся лицо и похудевшую фигуру, он произнес только одну фразу.

— Круто пришлось? — спросил друг.

Потирая ребра, я суммировал для него последние четыре месяца.

— Круто! — сказал я.

Он был готов выслушать весь рассказ полностью, но знал, что мне в настоящий момент требуется хорошо выпить вместе со сдержанным и спокойным другом. Его карие глаза горели.

— А как госпожа клиентка?

Петрония всегда очаровывали стаи страстных женщин, которые, по его мнению, меня осаждают. Обычно я ублажаю его пикантными деталями, даже если мне приходится их придумывать. Он понял, что я страшно устал, когда я ответил кратко.

— Хвастаться нечем. Просто обычная девчонка.

— Проблемы из-за нее возникали? — спросил он с интересом.

Я заставил себя грустно улыбнуться.

— О-о, я вскоре с ней разобрался.

Он мне не поверил. Я сам себе не верил.

Мы выпили все его красное кампанское, не разбавляя его водой, затем, кажется, я заснул.

Глава 40

Елена Юстина появилась у меня на следующий день. Это меня сильно смутило, потому что у меня на коленях, задрав ноги вверх, устроилась одна юная прелестница в короткой рубиновой тунике. Эта юная госпожа делила со мной завтрак и очень глупо себя вела. Девочка была симпатичной, сцена интимной, а Елена — последним человеком, которого я ожидал увидеть.

Елена Юстина казалась спокойной и невозмутимой в свободных, идеально чистых белых одеждах. Мне стало ужасно неловко из-за того, что эта высокомерная и полная достоинства дама в подобной одежде поднялась на шестой этаж в мою грязную дыру до того, как я успел побриться.

— Я бы сбежал вниз...

— Не нужно. Я страстно желала увидеть тебя на троне твоего королевства! — она придирчиво оглядела меня, приюхиваясь к неприятным запахам. — Место выглядит чистым. Кто-то за тобой ухаживает? Я ожидала мрачные залежи паутины и следы крыс.

Кто-то — моя мама — уже побывала тут и подсуетилась, и поэтому пауки временно убрались под стропила вместе с голубями. О крысах я пытался не думать.

Я пересадила хихикающее существо, занимавшее мои руки, на скамью рядом.

— Пойди на балкон и подожди там.

— Там мужчина. Он воняет!

Виночерпий. Ему придется уйти. Я вздохнул. Елена Юстина улыбнулась мне сводящей с ума улыбкой.

— М. Дидий Фалько в полусонном состоянии и с кубком вина в руке. Немного рановато, Фалько, даже для тебя?

— Это горячее молоко, — прохрипел я.

Ей показалось, что я вру, поэтому Елена перегнулась через стол, чтобы посмотреть. Это на самом деле было горячее молоко.

Сенаторская дочь в своей обычной манере опустилась на стул, который я держу для клиентов. От нее пахло духами, она вела себя снисходительно и не думала демонстрировать вежливость. Она устала на мою ерзающую компаньонку. Я сдался.

— Это Марция, моя любимая маленькая подружка.

Марция, моя любимая подружка в возрасте трех лет, властно прижалась ко мне, демонстрируя собственнические инстинкты, и

гневно выглядывала из-под моей руки. Вероятно, ее суровый взгляд напомнил Елене обо мне. Я схватил Марцию за тунику сзади, пытаюсь хоть как-то держать ее под контролем.

К моему ужасу, сенаторская дочь протянула к Марции руки и перетащила ее через стол с уверенностью человека, у которого до этой минуты всегда получалось ладить с детьми. Я вспомнил чистенькую, послушную маленькую девочку, которую видел у нее на коленях в Лондини, и выругался про себя. Марция опустилась на колени Елены, словно мешок, и выглядела задумчивой. Затем она посмотрела на нее снизу вверх, преднамеренно пустила слюни, а потом еще и начала надувать пузыри из слюны.

— Веди себя прилично, — сказал я слабым голосом. — Вытри лицо.

Марция вытерла лицо ближайшим куском материи, которым оказался вышитый конец длинного белого шарфа Елены Юстины.

— Твоя? — осторожно спросила меня Елена.

Я позволял использовать себя в качестве няньки по утрам, и это было моим личным делом.

— Нет, — просто ответил я, это было грубо, даже для меня, поэтому я снизошел до краткого пояснения, — моя племянница.

Марция была ребенком моего брата Феста, о рождении которого он так и не узнал.

— Она плохо себя ведет, потому что ты ее балуешь, — заметила Елена.

Я ответил, что кто-то должен ее баловать. Казалось, этот ответ Елену удовлетворил. Марция принялась за исследование серег Елены — голубых стеклянных бусинок на золотых колечках. Если Марции удастся снять бусинки, то она их съест до того, как я успею перегнуться через стол и схватить их. К счастью, оказалось, что они хорошо закреплены, а серьги надежно держатся в нежных мочках госпожи. Лично я тоже обратил бы внимание на ее уши, потому что они располагались близко к голове и просто просили, чтобы их покусали. Довольно напряженным тоном я спросил, как могу служить Елене Юстине.

— Фалько, мои родители сегодня ужинают во дворце, тебя там тоже хотят видеть.

— Ужин с Веспасианом? — я пришел в ярость. — Конечно нет! Я — убежденный республиканец!

— О, Дидий Фалько! Сколько шуму из ничего! — крикнула Елена. Марция прекратила выдувать пузыри.

— Сиди тихо! — прикрикнул я на нее, когда она внезапно начала раскачиваться из стороны в сторону и сдавленно смеяться с довольным видом. Этот ребенок был тяжелым и неловким, как теленок. — Послушай, отдай мне ее назад. Я не могу с тобой разговаривать и нервничать...

Елена схватила Марцию, усадила прямо, снова вытерла ей лицо (отыскав кусок материи, который я держу для этой цели), поправила серьги, не прерывая разговора со мной.

— Она не доставляет хлопот. Фалько, ты слишком много болтаешь языком.

— Мой отец — аукционист.

— Я не могу в это поверить! Просто перестань волноваться.

Я закрыл рот и поджал губы. Мгновение казалось, что она закончила выступление.

— Фалько, я попыталась встретиться с Пертинаксом, — призналась Елена Юстина.

Я ничего не сказал, поскольку то, что мне хотелось сказать, не подошло бы для ее благородных красивых ушей. У меня перехватывало дыхание от воспоминаний о другой девушке в белом, лежащей неподвижно у моих ног.

— Я ходила к нему домой. Наверное, хотела бросить ему вызов. Его там не оказалось...

— Елена... — запротестовал я.

— Я знаю. Мне не следовало ходить, — быстро пробормотала она.

— Госпожа, никогда не ходи одна к мужчине, чтобы заявить ему, что он — преступник! Он это знает. Вероятно, он это докажет, набросившись на тебя с первым подвернувшимся под руку оружием. Ты хоть кому-нибудь сказала, что туда направляешься?

— Он был моим мужем. Я не боялась...

— Тебе следовало бояться!

Внезапно ее тон смягчился.

— И теперь ты боишься за меня! Мне на самом деле жаль. — Меня охватил болезненный озноб, особенно неприятные ощущения возникли в низу живота. — Я хотела взять тебя с собой...

— Я бы пошел.

— А если бы я попросила тебя должным образом? — поддразнила она меня.

— Если я увижу, что у тебя проблемы, просить не придется, — сказал я напряженно.

У Елены округлились глаза. Он была удивлена и потрясена.

Я выпил молоко.

* * *

Я снова успокоился. Марция прижалась растрепанной головкой к красивой груди Елены и наблюдала за нами, а я наблюдал за ней, вернее, делал вид, пока Елена меня уговаривала.

— Пойдешь сегодня вечером? Это бесплатный ужин, Фалько! Один из твоих нанимателей примчался из-за границы, чтобы с тобой встретиться. Ты сам знаешь, насколько ты любопытен, поэтому просто не можешь пропустить это мероприятие.

— Нанимателей — во множественном числе?

Она сказала, что их двое, возможное трое, хотя, вероятно, и нет. Я сообразил, что двое означает двойную ставку.

— Твоя ставка — это то, на что согласился мой отец! — ответила она. — Надень тогу, возьми с собой салфетку. Можешь побриться, думаю, это даже следует сделать. И, пожалуйста, Фалько, постарайся меня не смущать...

— Нет необходимости, госпожа, — ты сама себя смущаешь. Отдай мне мою племянницу! — невежливо прорычал я. Наконец она это сделала.

* * *

После того как Елена Юстина покинула мою квартиру, мы с Марцией вышли на балкон, держась за руки. Мы выгнали виночерпия,

который храпел в набедренной повязке на матрасе, и ждали, вдыхая оставшиеся от него мерзкие запахи, пока Елена Юстина не появилась на улице. Мы видели, как она садится в паланкин. Ее голова находилась далеко внизу, словно блестящая шарообразная ручка из тикового дерева среди пены белоснежных одежд. Она не смотрела вверх. Мне стало грустно.

— Красивая! — заметила Марция, которая обычно предпочитала мужчин. Я поддерживал ее в этом, считая, что если она любит мужчин в три года, то это вскоре перерастет в увлечение, и у меня будет меньше проблем к тому времени, как ей исполнится тринадцать.

— Эта женщина никогда не вела себя со мной красиво, — проворчал я.

Марция посмотрела на меня уголком глаза. Этот взгляд оказался удивительно взрослым.

— О, Дидий Фалько! Сколько шуму из ничего!

* * *

Я сам отправился к Пертинаксу. Все, что я сказал Елене, было правдой. Это было глупо. К счастью, наглая вошь так и не появлялась дома.

Глава 41

Я случайно встретился с Петронием на следующий день. Он присвистнул, затем стал меня разглядывать, держа на расстоянии вытянутых рук.

— Так! И куда это ты направляешься, красавчик?

В честь ужина с правителем цивилизованного мира я надел свою лучшую тунику, над которой трудились в прачечной, пока старые винные пятна не стали почти невидимыми. Я надел сандалии (начищенные), новый ремень (колючий) и перстень моего двоюродного дедушки Скарро с обсидианом. Я провел всю вторую половину дня в банях и у цирюльника, причем не просто обмениваясь новостями (хотя я и этим занимался, до тех пор пока у меня не начала кружиться голова). Меня подстригли, и я чувствовал себя примерно

так, как ягненок, лишившийся шерсти. Петроний вдохнул непривычные запахи ароматического масла для мытья, лосьона после бритья, смягчающего кожу масла и помады для волос — всем этим пахло от меня. Затем он осторожно, одним пальцем приподнял две складки моей тоги на четверть дюйма, делая вид, что улучшает результат работы портного. Изначально эта тога принадлежала моему брату, который как хороший солдат считал, что должен экипироваться всем самым лучшим, независимо от того, нужно это ему или нет. Я потел под тяжестью шерсти и собственного смущения.

Я решил заговорить первым, чтобы мой скептический товарищ не пришел ни к каким неправильным выводам.

— Просто сопровождаю один старый сосуд с уксусом на пир во дворец.

Петроний выглядел шокированным.

— Ночное поручение? Будь осторожен, цветочек! У симпатичного парня могут возникнуть проблемы.

У меня не было времени на споры. Я столько времени провел у цирюльника, что уже опаздывал.

* * *

Привратник в доме Камилла отказывался меня узнавать. Мне просто пришлось ему врезать и испортить свое хорошее настроение и аккуратный наряд. Сенатор и Юлия Юста уже отбыли. К счастью, Елена спокойно ждала меня в зале, поэтому вышла на шум, вернее, ее вынесли в паланкине. Она выглянула в окно, но мне представилась возможность ее также внимательно рассмотреть, только когда мы добрались до Палатина. Она меня сильно удивила. Наверное, деньги играют большую роль. Я помог ей выйти из паланкина, и тут же почувствовал дискомфорт, который возникает, когда кто-то знакомый разоделся так, что выглядит незнакомцем. Она облачилась в накидку, половину лица закрывало тонкое покрывало. Я увидел, что несчастные служанки ее матери на самом деле выполнили долг по отношению к хозяйской дочери. Они сделали моей госпоже маникюр, выщипали брови, завили волосы. Видимо, она всю вторую половину дня провела в маске для лица, после чего маску сняли губкой, добавили охры на

скулы и подвели сурьмой глаза. Вероятно, они хотели, чтобы Елена Юстина выглядела, как и положено женщине ее положения. На самом деле она казалась отполированной до блеска — от филигранной тиары, приколотой к изысканно уложенным волосам, до туфельек, украшенных бусинами, которые поблескивали из-под подола. Наряд Елены был сшит из зеленого шелка, при этом руки оставались открытыми. В результате получилась холодная стройная высокомерная наядя.

Я отвернулся, затем снова повернулся к ней и откашлялся, затем признался хриплым голосом, что никогда раньше не появлялся в городе с наядой.

— Если бы ты вышла на пляж в Байи, то возникла бы серьезная опасность появления какого-нибудь похотливого старого морского божества, который перекинул бы тебя через плечо, чтобы совокупиться на матрасе из водорослей! На это Елена заявила, что врезала бы божеству по плавникам его же трезубцем. Я ответил, что его попытка все равно бы того стоила.

Мы присоединились к медленно движущейся толпе. Люди выстроились в очередь и пробирались к обеденному залу. Эта процессия проходила сквозь вычурные коридоры Нерона, где пилястры, арки и потолки были украшены золотом в таком количестве, что оно сливалось, создавая впечатление, будто здесь все им покрыто. Тщательно выписанные фавны и амурь делали пируэты в крытых колоннадах и беседках, увитых ползучими растениями. Розы цвели, несмотря на то, что их сезон еще не наступил. Стены были такими высокими, что после того как художники сняли леса, мелкими деталями их работы могли насладиться только мухи и моль, садящиеся на фрески. У меня помутилось в глазах от роскоши, как у человека, ослепшего после долгого разглядывания солнца.

— Ты подстригся! — обвиняющим тоном сказала Елена Юстина. Пока мы продвигались к обеденному залу, говорила она негромко, слова вылетали у нее из уголка рта.

— Тебе нравится?

— Нет, — честно ответила она. — Мне нравились твои локоны.

Хвала Юпитеру, девушка все еще оставалась самой собой. В ответ я гневно посмотрел на ее модную прическу — завязанный на макушке пучок, из которого ниспадали завитые служанками пряди.

— Ну, раз мы перешли к локонам, госпожа, то ты мне больше нравилась без них!

* * *

Пирьы Веспасиана были ужасающе старомодными: во-первых, служанки подавали в одежде, и, во-вторых, он никогда не отравлял пищу.

Веспасиан не любил устраивать развлечения и приемы, хотя регулярно проводил пирьы. Он устраивал их, чтобы развлечь людей, которых приглашал, и дать заработать тем, кто их обслуживал. Как республиканец, я не позволил себе подпасть под впечатление. Посещение одного из хорошо организованных ужинов у императора привело меня в уныние. Я отказываюсь вспоминать меню, я постоянно прикидывал в уме, сколько все это стоило. К счастью, Веспасиан сидел слишком далеко от меня, и я не мог высказать ему свое мнение. Он выглядел молчаливым. Зная его, он тоже явно подсчитывал урон казне.

Примерно в середине вечера отказав себе в наслаждении, посыльный похлопал меня по плечу. Мы с Еленой Юстиной так ловко удалились с пира, что я все еще держал клешню омара в руке, а у нее за щекой оставался наполовину пережеванный кальмар. Слуга-гардеробщик помог мне надеть тогу, причем за пять секунд придал мне достойный вид, на что у меня дома ушел час. Другой мальчик, в обязанности которого входило снимать и надевать обувь гостям, обул нас, а затем провожатый повел нас в роскошную приемную, где два стражника с копьями дежурили у внутренней двери, отделанной бронзой. Ее распахнул слуга, а сопровождающий объявил наши имена камерарию, который в свою очередь повторил их своему помощнику, тот снова их произнес четким голосом, только немного исказил оба, таким образом испортив удивительный эффект. Мы зашли внутрь. Раб, который до этого не делал ничего особенного, забрал остатки клешни омара.

Опустилась штора, заглушая звуки снаружи. Молодой человек примерно моего возраста, не слишком высокого роста, с выступающей нижней челюстью быстро поднялся с обитого пурпурной тканью кресла. С него лепились множасьиеся по всему Риму мраморные

копии. Он обладал крепким, мускулистым телом, энергия так и била в нем ключом. По подолу туники шли вышитые золотом листья аканта. Толщина вышивки составляла один дюйм, ширина полосы четыре дюйма. Молодой человек махнул рукой, прогоняя помощников, и сам бросился вперед, чтобы лично нас поприветствовать.

— Пожалуйста, проходите! Дидий Фалько? Я хотел поблагодарить вас за вашу работу на севере.

Елене не требовалось предупредительно касаться меня рукой. Я сразу же понял, кто это, и кто были два моих нанимателя. Я не работал, как подозревал до этой минуты, на какой-то много воображающий из себя секретариат вольноотпущенников, маячивших в нижних эшелонах дворцового протокола.

Это был Тит Цезарь собственной персоной.

Глава 42

Он только что провел пять лет в пустыне, но, клянусь Юпитером, был в прекрасной физической форме. Он был талантлив. Сразу же становилось понятно, как этот человек командовал легионом в двадцать шесть лет, а затем мобилизовал половину империи, чтобы завоевать трон для отца.

Тит Флавий Веспасиан. Я только что чувствовал в горле сильно перченый соус, теперь оно пересохло, словно я проглотил сухой пепел. Два нанимателя: Тит и Веспасиан. Или, скорее, две важные жертвы, если это по-другому сформулировать.

Предполагалось, что этот веселый молодой полководец застрял на осаде Иерусалима. Очевидно, он уже разобрался с Иерусалимом, и я вполне мог поверить, что во время покорения города он также прихватил и сказочную иудейскую царицу. Кто мог его винить? Независимо от того, кто что думал о прошлом и нравственности царицы Береники (она вышла замуж за собственного дядю и, по слухам, спала с братом-царем), она была самой красивой женщиной в мире.

— Елена Юстина!

Мои зубы заскрипели на куске панциря омара. Прихватив для себя царицу, ему не требовалось посягать на мою наяду, да еще так ее

лапать. Я мог сказать, что Елена произвела на него впечатление, в особенности, когда обратилась к нему спокойным голосом.

— Вы хотите поговорить с Фалько, господин? Мне уйти?

Меня охватила паника при мысли, что она на самом деле может уйти, но Тит быстро махнул рукой, приглашая нас обоих в комнату.

— Нет, пожалуйста, не уходите. Это также касается и вас.

* * *

Мы находились в помещении, потолок которого располагался в двадцати футах над головой. Нарисованные мифологические герои прыгали на фантастических панелях под вьющейся зеленью и искусно переплетенными цветами. Все поверхности были покрыты золотым листом. Я моргнул.

— Простите, что так слепит, — улыбнулся Тит. — Это Нерон так представлял хороший вкус. Мой несчастный отец, как вы можете догадаться, находится в затруднительном положении — мириться ли с этим или выделить фонды на строительство еще одного, нового дворца на том же месте.

Я позавидовал им из-за стоящей перед ними проблемы — оставить дворец, который им уже принадлежит, или построить новый.

Тит продолжал говорить серьезным тоном.

— Некоторые комнаты настолько ужасны, что нам пришлось их закрыть. Комплекс растянулся на три из семи холмов, и у нас все равно возникают проблемы. Не найти скромных мест для размещения семьи, не то что на самом деле функциональных общественных приемных. Но вначале о более важных вещах...

Я пришел сюда не для того, чтобы обсуждать вкус в оформлении помещений, но Тит изменил темп и показал, что намерен обсуждать дело, поэтому я расслабился.

— Отец попросил меня встретиться с вами в неформальной обстановке, потому что публичная аудиенция может оказаться опасной. Добытые вами сведения о том, что украденные слитки лишены серебра, передали преторианцам. Им на это намекнули. Они выслушали новость с интересом, несмотря на свою верность!

Он говорил иронично, но без цинизма.

— Но заговорщики все равно остаются на свободе... — ответил я.

— Давайте я введу вас в курс последних новостей. Сегодня утром мы арестовали Атия Пертинакса Марцелла. Доказательств было мало, но мы должны выяснить, кто еще участвует в этом деле. Поэтому... — он колебался.

— Мармертинская тюрьма? — спросил я. — Камеры для политических?

В них умирали царевицы, эти камеры пользовались печальной известностью. Елена Юстина резко вдохнула воздух.

— Ненадолго, — сообщил ей Тит, почти без извинений. — К нему приходил посетитель. Это не по правилам. И я пока не знаю кто. Полчаса назад тюремные охранники нашли его задушенным.

— О нет!

Тит сообщил новость о смерти ее мужа самым обыденным тоном. Елена Юстина заметно нервничала, как и я. Я обещал доставить себе удовольствие и лично разобраться с Пертинаксом. Мне не показалось странным, что он выбирал соратников, которые лишили меня этой возможности.

— Елена Юстина, вы с Пертинаксом оставались в хороших отношениях?

— У нас вообще не было отношений, — ровным тоном ответила она.

Тит задумчиво посмотрел на нее.

— Вы упомянуты в его завещании?

— Нет. Он проявил щедрость, когда мы делили имущество, но составил новое завещание.

— Вы это обсуждали?

— Нет. Но одним из свидетелей выступал мой дядя.

— Вы разговаривали с Атием Пертинаксом после вашего возвращения из-за границы?

— Нет.

— Тогда скажите мне, зачем вы сегодня ходили к нему домой? — спросил Тит Цезарь холодным тоном.

Сын императора задавал такие же неожиданные вопросы, какие люблю я сам. Он совершил переход от любезностей к допросу одним плавным движением. Между тем и другим не наблюдалось никакого

заметного шва. Елена ответила ему спокойным голосом, хотя такой поворот событий явно застал ее врасплох, и ей было больно.

— Мне в голову пришла одна мысль, господин. Я его хорошо знала и считала, что должна прямо в лицо высказать ему все выводы, к которым мы пришли. Слуги заявили мне, что его нет дома...

— Нет, его не было.

Он находился в Мамертинской тюрьме и был уже мертв. Тит хитро посмотрел на меня.

— А вы зачем туда отправились, Фалько?

— Решил вмешаться, на случай если этот человек поведет себя грубо.

При моем ответе Тит улыбнулся, затем снова обернулся к Елене. Она в свою очередь резко повернула ко мне голову. Диски чеканного золота — старинные серьги — слегка задрожали, послышался тихий металлический звон. Игнорируя ее упрек, я приготовился вмешаться, если Тит перегнет палку и пойдет слишком далеко.

— В завещании Пертинакса есть кодицилл, — объявил Тит. — Он был написан только вчера, с новыми свидетелями. Требуется объяснение.

— Я об этом ничего не знаю, — заявила Елена. Выражение ее лица стало натянутым и напряженным.

— Это необходимо, Цезарь? — перебил я. Судя по виду, он явно собирался продолжать, но я настаивал. — Простите, господин. Если женщину вызывают в суд, то она может пригласить друга, чтобы выступил вместо нее.

— Как я понимаю, Елена Юстина сама способна ответить!

— О, конечно способна! — я улыбнулся ему. — Поэтому для вас может быть предпочтительнее общаться со мной.

Она сидела молча, как и следует женщине, если о ней говорят мужчины. Елена продолжала смотреть на меня, мне это нравилось. Цезаря же, похоже, не интересовало на кого она смотрит.

— Госпожа не на суде, — спокойно заметил Тит, но я понял, что мне удалось придержать его. — Фалько, я думал, что вы работаете на нас! Разве мы недостаточно вам платим?

Мужчине, сердце которого обольстила самая красивая женщина, простителен романтизм.

— Если честно, то платите вы скуповато, — не моргнув глазом, ответил я.

Он слегка улыбнулся. Все знали, что Веспасиан трудно расстается с деньгами.

— Боюсь, что новый император этим знаменит! Ему требуется четыреста миллионов сестерциев, чтобы восстановить империю и добиться ее процветания. В его списке приоритетов вы стоите где-то между перестройкой храма Юпитера и осушением озера в Золотом дворце Нерона. Он почувствует облегчение, выяснив, что Елена Юстина следит за тем, чтобы вы не голодали! Итак, Дидий Фалько, позвольте мне сообщить вам как ее другу и представителю, что бывший муж вашей клиентки оставил ей довольно неожиданный дар.

— Любой дар от этого прыща кажется мне неожиданным. И что он ей оставил? — спросил я.

Тит прикусил ноготь большого пальца, маникюр на котором был идеальным.

— Содержимое склада специй на переулке Ворсовщиков.

Глава 43

Я быстро думал, скрывая свое возбуждение.

— А как вы думаете, что он имел в виду, господин?

— Я отправил людей провести расследование.

— Они что-то нашли?

— Для нас ничего интересного. Для госпожи — большие запасы специй и достаточно духов, чтобы, купаться, как Клеопатра, до конца жизни. — Затем он повернулся к Елене и спросил другим тоном. — Елена Юстина, это вас расстроило? У Пертинакса не было семьи, за исключением приемного отца. Возможно, он сохранил к вам привязанность с тех пор, как вы были его женой.

Это на самом деле ее расстроило. Я сидел тихо. Не моим делом было обсуждать, чувствовал ли Пертинакс привязанность к Елене и хотела ли она этого.

Тит продолжал беспокоить Елену Юстину, которая, в свою очередь, несмотря на удивление, явно пыталась что-то придумать. Наверное, у нее кружилась голова.

— По закону имущество предателя конфискуется, но, учитывая вашу помощь, мой отец хочет, чтобы наследство Пертинакса досталось вам. После проведения необходимых процедур подарок будет вам передан...

Елена хмурилась. Мне хотелось бы посмотреть, как она «съест» Цезаря для разнообразия, не все же ей ругаться со мной. Вместо этого я дал ей разумный совет.

— Елена Юстина, теперь тебе следует рассказать Титу Цезарю про людей, которые приходили в дом твоего мужа. Про тех, кого мы обсуждали в Массилии.

При упоминании Массилии я напрягся, пытаюсь не думать об ошибке, которую допустил в гостинице. Елена приняла мою поддержку также спокойно, как всегда. Она повторила рассказ для Тита в своем обычном стиле — говорила прямо, не пытаюсь ничего скрыть. Он потребовал назвать имена, Елена перечислила список. На этот раз я вспомнил некоторые из них, хотя они все равно для меня ничего не значили. Куртий Гордиан, брат Гордиана Лонгин. Фауст Ферентин, Корнелий Грацилий...

Тит вскочил, взял блокнот и стал быстро стенографировать. Он не побеспокоился позвать секретаря, вероятно, считая, что это может быть опасно. В любом случае он славился скоростью стенографирования.

Пока он изучал имена, я поинтересовался:

— Будет ли неприлично спросить, допросили ли и задержали ли вашего брата?

— Нет, — холодно ответил он мне. Его лицо ничего не выражало. — Вещественных доказательств вины Домициана нет.

Тит был юристом, и это был ответ юриста. Внезапно он забеспокоился.

— Вы знаете, почему я так спешил домой? Слухи! — он взорвался. — Я присутствовал при освящении Аписа в Мемфисе. Меня короновали диадемой — это часть обычного ритуала, а Рим решил, что я становлюсь императором на Востоке!

— Сегодня во второй половине дня я слышал у цирюльника, что даже у вашего отца возникли такие мысли! — заметил я.

— Тогда вашему цирюльнику следовало бы взглянуть на нас обоих, когда я вчера ворвался во дворец с криком: «Отец, вот он я!»

Что касается моего брата, то во время гражданской войны он чуть не лишился жизни на Капитолии, пока у него над головой горел храм Юпитера. Мой дядя, который дал бы ему совет, был только что убит соратниками Вителлия. В восемнадцать лет, без какого-либо политического опыта Домициан обнаружил себя представителем императора в Риме. Это было совершенно неожиданно. Он сделал глупый выбор и понимает это теперь. Никто не может просить меня осудить собственного брата, просто потому что он так молод!

Я встретился взглядом с Еленой. Ни она, ни я не произнесли ни слова.

* * *

Тит потер себе лоб.

— И что говорят у вашего цирюльника про эту неразбериху, Фалько?

— Ваш отец ненавидит неверность, но всегда слушает вас. А пока вы оба находились в Александрии, Веспасиан вышел из себя, когда услышал, что ваш брат намеревается совершить набег на германцев, восставших против него, но вы уговорили его быть терпимым по отношению к Домициану. — Поскольку Тит не стал этого отрицать, я весело добавил:

— Как вы могли заметить, я выбрал цирюльника из-за возможности получать информацию, господин!

Елена Юстина печально посмотрела на меня. Как мне показалось, печалилась она из-за моих утраченных локонов. Я старался на нее не смотреть.

— И что теперь, Цезарь? — спросил я.

Тит вздохнул.

— Отец попросил Сенат предоставить ему церемониальный триумф. Мы будем праздновать захват Иерусалима. По городу пройдет самая грандиозная процессия, которую когда-либо видел Рим. Если у вас есть дети, возьмите их с собой. Больше они никогда в жизни не увидят ничего подобного. Это будет наш подарок городу. Смеею сказать, что в ответ будет обеспечено будущее династии Флавиев!

Ситуацию оценила Елена.

— У вашего отца два взрослых сына, и это одно из его достоинств как императора, — задумчиво заметила она. — Флавии предлагают Риму долгосрочную стабильность, поэтому вы с Домицианом должны оба участвовать в параде. Все должно выглядеть гармонично.

— К концу недели положение моего отца закрепится, — ушел от прямого ответа Тит. — Фалько, у моего цирюльника говорят, что теперь ни преторианцы, ни мой брат не станут противостоять отцу. Эти люди хотят продолжать ходить по земле и забыть о прошлом. Теперь, после того как у меня появился список имен, я готов позволить этим людям ходить по...

Я долго смотрел на него, потом хмыкнул.

— И за этим вы ходили к цирюльнику?

У Тита Цезаря были густые, пышные волосы, по моде аккуратно подстриженные, но слишком длинные, чтобы сохранились красивые завитки. Я ненавижу красивых мужчин, в особенности если они постоянно поглядывают на женщину, которая пришла со мной.

— Что это значит, Фалько? — спросил Тит, которому не было весело.

— Судя по выдаваемой им информации, господин, ваш цирюльник — просто разбойник.

— Фалько!

Это крикнула Елена, пытаясь снова спасти меня от утопления, но я продолжал говорить.

— Он не прав по двум причинам, поскольку кое-кто посчитал необходимым заставить Пертинакса замолчать, и этот факт должен вас во многом убедить. — Тит смотрел на меня спокойно и явно хотел услышать продолжение. — Цезарь, ни вы, ни я не можем отпустить этих предателей. Даже притом что Трифер их обманывал, они получили внушительную часть серебра империи, которое требуется вашему отцу. И есть еще одна причина. Красивая честная и преданная долгу шестнадцатилетняя девушка по имени Сосия Камиллина.

Елена Юстина смотрела на меня не отрываясь, от этого взгляда мне стало неловко. Я продолжал настаивать на своем, не обращая внимания на них обоих.

Тит Цезарь провел пальцами обеих рук по ухоженным волосам.

— Вы абсолютно правы. Мой цирюльник — негодяй и преступник, — сказал он.

Он мгновение смотрел на меня.

— Люди недооценивают вас, Фалько.

— Люди недооценивали Веспасиана на протяжении шестидесяти лет!

— Дураки до сих пор недооценивают. Позвольте мне передать вам его указания.

Они ранее пытались меня обмануть и надуть. Тит до сих пор хотел меня отодвинуть и позволить делу против Домициана тихо умереть, но я обратил внимание, что он подготовил речь на тот случай, если попытка провалится. Он с готовностью склонился вперед.

— Исключите имя моего брата из ваших вопросов. Найдите серебро и убийцу этой невинной девушки. Важно опознать человека, который это все спланировал.

Я предложил увеличить мне оплату. Он решил, что за то же дело они будут платить те же самые деньги. Я всегда был падок на логику и согласился.

— Но я не могу исключить Домициана.

— Вы должны, — ничего не выражающим голосом заявил мне Тит.

Затем штору за нашими спинами внезапно отдернули в сторону. Я начал поворачиваться, желая посмотреть, что там происходит. Человек, вошедший без объявления, начал насвистывать. С большим удивлением я узнал мелодию.

Это была песня о Веспасиане, Тите, Беренике. Солдаты распевали ее по вечерам тихими голосами, всегда похабно и пьяно ухмыляясь. Ее пели в барах, борделях, с завистью и одобрением, и ни один солдат, которого я знал, никогда не стал бы повторять ее здесь. Звучала она так:

О-о, старик улыбнулся!

Затем молодой мужик улыбнулся!

Итак, царица всех евреев

На самом деле не могла проиграть.

Ей требовалось только выбрать,

Когда старик

И молодой мужик улыгнулись!

Только один человек посмел бы насвистывать так нагло в присутствии Цезаря — другой Цезарь. Веспасиан сидел во главе стола на банкете, поэтому я понял, кто зашел к нам без предупреждения. Домициан, младший брат Тита Цезаря, красавчик, замешанный в нашем заговоре.

Глава 44

- Наверное, это было состязание, брат! Борьба!
- Не вся жизнь — борьба, — спокойно сказал Тит.

* * *

В случае Домициана «титул учтивости» казался ироничным. У него были фамильные локоны, типичная для Флавиев выступающая вперед нижняя челюсть, бычья шея, квадратное тело. Домициана отличало крепкое телосложение, но выглядел он как-то неубедительно. Он был на десять лет младше Тита, что объясняло и его недовольство, и желание брата его защищать. Несмотря на то, что Домициану уже исполнилось двадцать лет, лицо его все еще сохраняло детскую мягкость, пухлость и розовощекость.

— Простите! — воскликнул он.

В первое мгновение я подумал, что он обладает способностью брата обезоруживать. Во второе я решил, что он просто хороший актер.

— Что здесь происходит — вершатся государственные дела?

Я вспомнил, как роли Домициана в государстве быстро положил конец папа-император.

— Этого человека зовут Дидий Фалько, — представил Тит, в этот момент говоривший голосом полководца. — Он — родственник центуриона из моего легиона, служившего со мной в Иудее.

До меня наконец дошло, что эту работу я получил благодаря брату. Веспасиан с Титом знали Феста, поэтому и доверяли мне. Не в

первый раз в жизни я думал о брате со смешанными чувствами. Не впервые за время расследования этого дела я чувствовал, что до меня все ужасно медленно доходит.

Словно все было обговорено заранее, вошел слуга и вручил мне мешок с монетами, который я с трудом поднял.

— Это подарок вашей матери, Дидий Фалько, лично от меня как командующего Пятнадцатым легионом Аполлинария, — объявил Тит ровным голосом. — Небольшая компенсация за утерянную поддержку. Дидий Фест незаменим для нас обоих.

— Вы его знали? — спросил я не потому, что хотел это услышать, а потому, что когда буду рассказывать матери обо всей этой позолоченной чуши, она меня обязательно спросит.

— Он был одним из моих солдат. Я пытался лично знать всех.

— Нам обоим повезло, Дидий Фалько, что у нас есть братья с такой великолепной репутацией! — со смехом встрял Домициан. Смех казался искренним.

Ему были присущи черты других представителей дома Флавиев — изящество, отличные умственные способности, серьезное отношение к предстоящей задаче, сообразительность, здравый смысл. Домициан это тоже демонстрировал. Он мог быть не менее хорошим государственным деятелем, чем его отец или брат. Иногда ему все удавалось. Веспасиан в равной мере поделился талантами. Отличие заключалось в том, что один из сыновей на самом деле умело и уверенно ими пользовался.

Тит завершил беседу с нами.

— Передайте своей матери, Фалько, что она может вами гордиться.

Мне удалось сохранить спокойное выражение лица и не взорваться.

Когда я повернулся, Домициан отступил в сторону.

— А кто эта госпожа? — прямо спросил он меня, когда Елена Юстина поднялась на ноги, блеснув золотом и тряхнув серебром. Его бесстыжие глаза осмотрели ее так, словно намекали на движение шаловливых ручек.

Я разозлился из-за ее дискомфорта.

— Бывшая жена мертвого эдила по имени Атий Пертинакс, — ответил я.

Я увидел, как у него в глазах промелькнуло беспокойство при упоминании этого имени.

* * *

Тит проводил нас до двери и тоже решил проверить брата.

— Эдил оставил даме странное наследство. Теперь этот охотник за удачей ходит за ней повсюду и ревностно следит за соблюдением ее интересов...

Домициан больше никак не демонстрировал своей нервозности. Он поцеловал Елене руку, прикрыв глаза и глядя на нее из-под наполовину опущенных век, как делают очень молодые люди, считая, что великолепны в постели. Она смотрела на него с каменным лицом. Тит вмешался. Действовал он так гладко и ловко, что я ему позавидовал. Когда мы оказались у самой двери, он поцеловал ее в щеку, как родственник. Я ему позволил. Если Елена захочет, она в состоянии сама его остановить.

Я надеялся, что она понимает: эти двое происходят из старомодной сабинской семьи. Если снять с них пурпурные одежды, они окажутся провинциальными обычными людьми, скупыми трудоголиками и подкаблучниками. К слову, у обоих братьев уже имелись животики, и оба были ниже меня ростом.

* * *

Мне пришлось оставить Елену в одиночестве, чтобы отправить кого-то за ее паланкином. Пустой атрий казался таким огромным и просторным, что я пошатнулся, пытаюсь увидеть его весь. Однако, вернувшись, я сразу же заметил ее, сидящую в сочно-зеленом наряде на краю фонтана. На нее отбрасывала тень стофутковая статуя Нерона в виде бога Солнца. Елена выглядела обеспокоенной и смущенной.

К ней обращался мужчина в свободных одеждах сенатора с пурпурными полосами, из тех, у кого пузо вываливается из-за ремня. Елена отвечала кратко и резко. Увидев, как я спешу через холл, она посмотрела на меня с благодарностью.

— Где еще можно искать наяду, как не у фонтана? На поиски паланкина ушло много времени, но его вскоре подадут...

Я устроился рядом. Господин в сенаторской одежде выглядел раздраженным, я повеселел. Она не желала нас представлять. После того как он ушел, я увидел, как Елена расслабилась.

— Твой приятель?

— Нет. Странно, но мы дружим с его женой.

— Просто подскажи мне кивком, если ты хочешь, чтобы я исчез.

— О, спасибо! — гневно воскликнула она.

Я сел рядом с ней у фонтана и заговорил задумчиво.

— Забавная штука развод. Похоже, на груди женщины появляется табличка: «Уязвима». Это оказался один из тех редких моментов, когда Елена Юстина позволила мне увидеть под маской свое истинное лицо.

— Это обычное дело? Я уже начинала чувствовать свою странность.

Я увидел, как подают паланкин, поэтому просто улыбнулся в ответ.

— Дидий Фалько, ты проводишь меня до дома?

— Боги, да! Это же ночной Рим. А я помещусь в твоём паланкине вместе с мешком золота?

После ужина с Цезарем у меня появились экстравагантные идеи. Тем не менее, Елена кивнула и холодно информировала носильщиков, что им также предстоит нести и меня.

Мы забрались внутрь и поставили ноги под углом, чтобы не ударяться коленями. Носильщики отправились в путь по северной стороне Палатина. Шли они медленно из-за дополнительного веса. Еще не совсем стемнело.

Елена Юстина выглядела такой несчастной, что я был вынужден сказать:

— Не думай о случившемся с Пертинаксом.

— Постараюсь.

— И не пытайся убедить себя, что он жалел, когда ты с ним развелась.

— Прекрати, Фалько! — я откинулся назад на стенку паланкина в своем углу и скривил губу. Она извинилась в почти полной темноте:

— Ты даешь советы с таким пылом! У твоего героического брата была жена?

— Была девушка и ребенок, о котором он так и не узнал.

— Марция! — воскликнула она. Ее тон изменился. — Я думала, что она твоя дочь.

— Я же сказал тебе, что нет.

— Да.

— Я не вру тебе.

— Нет. Прошу прощения... И кто теперь о них заботится?

— Я.

Это прозвучало слишком резко, и я ерзал, но это не имело отношения ни к чему из того, о чем мы говорили. Когда мы спустились к Форуму, у меня не осталось сомнений: за нами кто-то шел украдкой, и шел слишком близко.

— В чем дело, Фалько?

— За нами следят. На всем пути от дворца.

Я ударил по верху паланкина и выскочил, как только носильщики остановились. Елена Юстина выскользнула за мной, пока я еще не успел предложить руку. Я схватил мешок с золотом для матери. Затем я подхватил госпожу, желая поскорее увести ее с открытой улицы. Я толкнул Елену в освещенный дверной проем ближайшего дешевого трактира, словно она была какой-то светской дамой, которой все наскучило и которая заплатила мне, чтобы я показал ей злачные заведения ночного Рима.

В тусклом свете крошечной прихожей она выглядела так напряженно, что я задумался, не хотелось ли ей на самом деле это сделать.

Глава 45

Перед входной дверью красовалась голова Венеры с вздернутым кончиком носа и надувающимися щеками, рядом висела табличка с приглашением заходить. Огромный мужик брал немереную плату за вход. Это был бордель. Я ничего не мог поделать. Таким образом мы покинули улицу. Здесь было тепло, темно и, несомненно, появление в этом месте еще раз подтвердило отвратительное мнение госпожи обо мне.

Мне самому придется найти плату за вход. Клиентка или не клиентка, я едва ли мог заставить сенатора взять деньги из банковской

ячейки, чтобы заплатить мне за то, что отвел его нежную дочь в подобное грязное место.

Владельцы борделя зарабатывали на скромную жизнь благодаря доходам от прелюбодеяния, и делали большие деньги на воровстве из карманов и продаже краденой одежды. Заведение состояло из одного большого помещения, напоминающего пещеру, где на шестах висели шкуры, разделяя пространство на маленькие закутки. В них можно было заниматься мошенничеством, кражей или убийством в относительном уединении. Совокупления происходили в таких же затененных уголках, которые уже кто-то занимал.

В центре зала, на полу, освещенном факелами, шло представление, оживляемое звоном потрескавшихся кастаньет. Три девочки-подростка с тонкими руками и поразительными бюстами крутились вместе на ковре. Они улыбались широкими искусственными улыбками, а на их телах из одежды были только маленькие кожаные ремешки. Сбоку ждала обезьяна. Я не стал думать, для какой цели. За столами сидели темные фигуры с остекленевшими лицами и пили слишком дорогое вино, наблюдая за представлением, время от времени они что-то кричали. Это были отрывочные и несвязные крики.

Невысокая полная хозяйка появилась перед нами в лиловом, почти прозрачном наряде, спущенном с плеч. На талии наряд распахивался и открывался целый ярд ноги с пораженными варикозом венами. От этого прозрачного наряда у меня возникло желание видеть поменьше ее тела и вообще больше ее не видеть, когда она заговорила.

— Хочешь поиграть на моем тамбурине, центурион? — спросила женщина усталым голосом. От былой живости мало что осталось.

Я не успел остановить сенаторскую дочь.

— Со мной его высочество! — резко сказала она.

Женщина ожила при этом экзотическом намеке (я сам немного ожил).

— О-о! Два золотых или четыре, если приводите собственную девушку.

Мужчина при входе взял с меня больше этого, но я предполагаю, что и он, и обезьяна хотели получить свою долю.

— Плата, взимаемая с посетителей за откупоривание принесенных ими бутылей? — восхитилась Елена. Я был потрясен.

Женщины, обменивающиеся грубостями и непристойностями, так вульгарны.

— Не нужно так себя вести! Это недостойно дамы! Гадес, за нами следили. Ты заманила меня в это место...

Несколько крупных мужчин проскользнул во входную дверь за нами. Их цели явно не предвещали ничего хорошего. Протесты от слуги в дверях говорили о том, что они ему не заплатили. Эти типы явно не собирались тут задерживаться после того, как доберутся до нас.

Моя спутница тихо обратилась к своей новой подруге.

— Этот шут скрестил ноги. Нет ли тут...

— В задней части, дорогая.

— Пошли, Фалько! Я тебя выведу!

Она потащила меня прямо через центр зала, где шло представление. Едва ли кто-то это заметил. Те же, кто обратил на нас внимание, посчитали, что мы — его часть, и на одно смехотворное мгновение мы и были ею. Извивающаяся молодая амазонка, не понимающая, в какую сторону движется, врезалась в Елену и фактически упала ей на руки. Елена передала ее мне, как нежелательный кусок хлеба. Я смачно поцеловал девушку и пожалел об этом, поскольку от нее пахло потом и чесноком. Этот запах можно выдержать, только если от тебя самого пахнет точно также. Затем я аккуратно усадил ее на ближайший стол, где она исчезла под похотливыми руками группы счастливых корсиканцев, которые не могли поверить в свою удачу. Соперники из других групп иностранцев заорали от ревности. Стол перевернулся, сорвав штору. Открылась белая задница какого-то гражданина, которая поднималась, словно богиня Луны, пока он нетерпеливо совокуплялся с одной из девушек. Бедный кролик остановился по середине движения, затем на него нашло полное затмение. Народ стал кричать и подбадривать его. Елена захихикала.

— Здравствуйте и прощайте!

К этому времени пришедшие в ярость кочегары и портовые грузчики, качаясь, поднимались на ноги, готовые сразиться с кем угодно. Их не интересовала причина драки. Обезьяна ела яблоко, пока никому не требовалась. Я щелкнул пальцами у нее над головой, выхватил яблоко, обезьяна посмотрела вверх. В этот момент я отвел

руку назад, словно копьеметатель, чтобы бросить яблоко в банду, которая нас преследовала. Обезьяна обнажила зубы и прыгнула в центр группы, кусая всех, до чьего лица могла дотянуться.

Елена Юстина нашла небольшую дверцу. Я не успел и вдохнуть, как она уже вытолкнула меня в узкий переулок. Мы не выпили ни капли. Ну, люди не ходят в бордель, чтобы пить.

В самом широком месте расстояние между зданиями составляло половину ярда. Темные балконы нависали у нас над головами и скрывали небо. Вонь была такой сильной, как львиная моча, я ударился коленом об ящик из-под лука, потом вступил в липкую грязь и через несколько шагов почувствовал, как эта холодная жижа собирается у меня между голых пальцев. Я был в сандалиях.

Я смело хромал, а сенаторская дочь помогала мне поспешать, крепко держа меня рукой за предплечье и не теряя самообладания.

— Дидий Фалько, я и не знала, что ты такой робкий. Я бросил взгляд назад через плечо.

— А я и не знал, что ты нет, — пробормотал я.

Наши шаги издавали неприятные резкие звуки на блоках лавы на должном образом вымощенной улице.

— Теперь, после того как мы вместе побывали в борделе, могу ли я называть тебя Елена?

— Нет. Представление на полу выглядело поразительно. Мне очень жаль, что я его пропустила.

— Мне показалось, что тебе следует уйти. Шелудивая горилла странно на тебя посматривала.

— Это был шимпанзе, — педантично сказала Елена Юстина. — И мне показалось, что это ты очаровал обезьяну!

* * *

Мы сбавили темп, но нас шатало, пока мы не добрались до одной из основных улиц. С тех пор как мы покинули дворец, проезд открыли, и стали впускать повозки с поставками, как и обычно после вечернего колокола. От всех ворот Рима к нам приближались разнообразные транспортные средства, создавая дикий шум. Мы заткнули уши, чтобы не слышать скрипа осей и ругани возниц. Стояла кромешная тьма,

если не считать повозок с прикрепленными светильниками. Внезапно послышались крики. Нас заметили, какие-то крепко сложенные мужчины преследовали нас, правда, мы пока видели только их тени. Что-то в движении этих теней убедило меня, что это солдаты. Они следовали за нами без суеты по двум сторонам дороги и пробирались между фургонов, словно поплавки, то появляющиеся, то ныряющие в гавани. Они молча и уверенно пробирались сквозь тьму к цели.

— Еще какие-то бандиты! Лучше нам взять повозку...

— О, Юнона! — в отчаянии выдохнула Елена. — Фалько, только не гонка на повозках вверх и вниз по семи холмам!

Теперь ночь ожила. Улицы были заполнены. Очереди, шум, свалившиеся с повозок товары, пробки. Я поставил ногу на медленно передвигающийся фургон сзади, забрался в него и затащил Елену. Мы обнимались с мраморной могильной плитой на протяжении половины квартала, потом перебрались в повозку с навозом, поняли, куда попали, быстро сошли и вместо навоза разделили путь с сетками, наполненными капустой.

Я пытался пробраться на юг, где знал улицы. Возница, перевозивший капусту, остановился, чтобы обменяться ругательствами с конкурентом, который врезался в его повозку, поэтому мы спрыгнули на землю.

— Смотри, куда ноги ставишь!

Я отскочил, чтобы не попасть под колеса проезжающей телеги.

— Спасибо. Давай вон туда...

Мы воспользовались подводой без бортиков.

— Попытайся выглядеть амфорой хорошего латинского вина...

Я рухнул на повозку, истерически хохоча, когда трезвая госпожа послушно имитировала кувшин с вином: руки на бедрах изображали изогнутые ручки, а напряженно-смешное выражение лица — горлышко.

Через шесть повозок с запряженными волами тени продолжали нас преследовать и даже приблизились. Быстрее было бы идти пешком. Мы снова соскользнули на землю, мои выходные сандалии оказались в чем-то теплом, недавно оставленном ослом. Я все еще нес подарок матери от Тита и беспокоился о том, что не смогу сконцентрироваться на защите Елены. Я испугался, что потеряю ее, но не тут-то было! Пока я издавал возгласы, она схватила меня за

свободную руку. Она была готова бежать. В свете, падающем из таверны, у нее блестели глаза. Я позволил себе раньше наслаждаться иллюзией, что Елена Юстина — уравновешенная и спокойная особа. Это была чушь. Она нацелилась не дать себя схватить и победить, тем не менее, сдавленно смеялась себе под нос при виде моего удивленного выражения лица. Я почувствовал точно такое же возбуждение, рассмеялся и быстро побежал.

* * *

Повозки вывезли нас с Форума, через Аврелиеву дорогу и дальше на юг. Мы обогнули Большой цирк и понеслись на восток, пока не оказались у центрального обелиска. При приближении к Двенадцатому кварталу я остановился, укрывшись в переулке, и мы отдышались. Я прижал госпожу к стене без окон, закрыл ее одной рукой и стал оглядываться, напряженно прислушиваясь. Через некоторое время я опустил руку и также молча опустил на землю мешок с золотом. От зданий вокруг нас доносился только тихий шум, в котором не слышалось ничего необычного. Место, в котором мы очутились, внезапно показалось спокойным. Мы стояли в таком пруду тишины: я, сенаторская дочь, силуэт совы на стропильной ноге. Из ближайшей канавы пахло старыми стручками гороха. Любителям гороха место могло бы показаться весьма романтичным.

— Мы от них ушли! — прошептал я. — Как тебе прогулка, нравится?

Елена Юстина рассмеялась почти беззвучно.

— Я слишком устала сидеть у фонтана и смотреть, как рабыни пришивают оборки к платьям!

Я собирался что-то сделать, в любом случае что-то сказать, но тут вместо моего голоса прозвучал голос какого-то другого разбойника.

— Это отличное этрусское ожерелье, госпожа. Опасно бегать в нем по улицам. Вам лучше отдать его мне!

Елена Юстина редко надевала много ювелирных украшений, но сегодня вечером она выбрала все самое лучшее. Я почувствовал ее боль даже в темноте.

— Что мне делать? — не двигаясь, спросила она меня тихим голосом.

— Думаю, то, что он говорит. Он не очень крупный парень, но он вооружен.

Я разглядел более черную тень примерно в двух ярдах справа. Интуиция подсказала мне, что у него есть нож. Я передвинул девушку, чтобы она оказалась слева от меня. Голос рассмеялся с упреком.

— Освобождает правую руку — словно у тебя есть меч. Госпожа, давайте ваше добро!

Елена раздраженно дернулась, но сняла позвякивающие серьги, браслеты с головами пантер с каждой руки и тиару с головы. Держа все это, она пыталась расстегнуть ожерелье.

— Позволь мне.

— Большой опыт? — хмыкнул вор.

Он был прав. Мне доводилось раньше расстегивать ожерелья. Я мог это сделать. Там были две петельки, которые я вначале прижал друг к другу, а затем разъединил. Пока ожерелье оставалось на шее, его вес помогал им оставаться на нужном месте. Шея Елены Юстины была мягкой и теплой после бега. Я знаю это, потому что только дурак расстегивает ожерелье на женщине, не пощекотав ей шею.

— Сложная застежка! — заметил я, потом опустил золотое украшение в руку Елены.

Тощая лапа протянулась, чтобы все это забрать.

— И твой перстень тоже! — рывкнул ее обладатель на меня.

Я вздохнул. Это было единственное наследство, если не считать долгов, которое я когда-либо получал. Я бросил ему перстень своего двоюродного дедушки.

— Спасибо, Фалько.

— Он тебя знает, — раздраженно сказала Елена. Очевидно, разбойник был одним из сборщиков утиля на Авентине, но я его не помнил.

— Меня знают многие, но не многие посмеют взять перстень моего дедушки Скарро, — резко ответил я.

Елена напряглась, словно надеялась, что я вытащу какое-то скрытое оружие, а затем прыгну. Веспасиан отдал преторианцам приказ прекратить обыскивать посетителей. Это служило сигналом о наступлении спокойных времен, но я не был сумасшедшим, и не отправился во дворец с ножом в рукаве. Мне не с чем было прыгать.

Внезапно наш вор утратил интерес. Поскольку я тоже прислушивался, то понял, почему. Я уловил свист, который узнал. Тип бросился к входу в переулок и исчез с уловом.

С другой стороны в переулок ворвался мужчина с факелом.

— Кто здесь?

— Я, Фалько!

К нему подбежал еще кто-то.

— Петроний, ты?

— Фалько? Мы только что видели коротышку Мелития. Он у тебя что-то взял?

— Драгоценности. Ты очень удачно подвернулся. У меня также был мешок с золотом.

— Я все выясню. Что у тебя было?

— Мешок золота.

Все время, пока мы разговаривали, Петроний Лонг шел ко мне. Теперь в свете факела он заметил и мою наяду.

— Фалько! А это уже лжесвидетельство! — взорвался он.

Он схватил своего подчиненного за руку и высоко ее поднял. Теперь факел светил как маяк. С этой минуты Петроний меня игнорировал. В свете факела Елена Юстина блестела и сияла, словно опал: глаза сверкали от возбуждения, выражением лица она словно бросала вызов, а ее плечи я назвал бы лучшими у Капенских ворот...

Она была одного роста со мной, поэтому мы оказалась ниже моего высокого медлительного друга на четыре дюйма. Он был одет во все коричневое, с ремня свисала деревянная дубинка, положенная ему по статусу. Средства защиты включали наручи, наголенники, а бритую голову предохранял специальный обруч. Я знал, что дома Петроний играет с котятками детей, но сейчас он выглядел мрачно. Елена приблизилась ко мне, я воспользовался возможностью и обнял ее. Петроний покачал головой, все еще не веря глазам своим.

— Наверное, ты попытаешься мне сказать, что это и есть твой горшок с уксусом? — с детской невинностью спросил этот

придурок. — Если я правильно помню, ты говорил про старый горшок с прогорклым уксусом, не правда ли?

Какой мстительный ублюдок.

До того как я успел выкрутиться, Елена высвободилась из моих объятий и ответила слабым голосом:

— О, это не я! Обычно он говорит, что в сравнении со мной змеи Медузы выглядят безобидными, как черви для рыбной ловли.

— Петроний Лонг, для тихого человека ты создаешь слишком много излишнего шума! — заорал я.

* * *

Я ничего не мог ей сказать, поэтому ворчал на него.

— Она — сенаторская дочь...

— А ты где их берешь?

— Выиграл ее во время игры в кости.

— Юпитер громовержец! И где ведутся такие игры? — спросил он, поднимая ее руку для поцелуя.

— О, отпусти ее! Тит и Домициан Цезарь сегодня уже оставили ядовитые следы на бедной девушке...

У Петрония горели глаза, поскольку он застал друга в щекотливой ситуации. Он вызывающе улыбнулся, затем поцеловал руку сенаторской дочери с чрезмерным уважением, которое обычно демонстрирует только когда провожает девственниц-весталок по Остийской дороге. Я пытался его остановить.

— Mars Ultor, Петроний! Это дочь Камилла...

— О, я это понял. Если бы это была одна из твоих ливийских танцовщиц, то она уже находилась бы в какой-нибудь спальне, лежа на спине!

Он считал, что я преднамеренно ему врал насчет нее. Он был в ярости.

— О, я согласен насчет спальни, но совсем не обязательно на спине! — процедил я сквозь стиснутые зубы.

Петроний почувствовал смятение. Я знал, что так и будет. Он считал, что похабные разговоры могут вести только мужчины между собой, но никак не в присутствии дам. Он быстро отпустил руку

Елены, и она вздернула подбородок. Она была бледна, как отбеленное постельное белье. У меня опустилось сердце.

— Начальник стражи, пожалуйста, дайте мне совет. Я хочу добраться до дома моего отца. Можно что-то сделать?

— Я ее провожу, — перебил я, предупредительно глядя на Петрония, чтобы не вмешивался.

При этих словах Елена очень неожиданно повернулась ко мне.

— Нет, спасибо! Я слышала твое мнение. А теперь я выскажу тебе свое! — она стала говорить тише, но поморщились. — Ты отправился в Британии в царство Гадеса, и смог вернуться оттуда, ты спас мне жизнь. Ты — единственный человек в Риме, который все еще оплакивает мою кузину. Ты все это делаешь, но все равно остаешься сквернословом с предубеждениями и любителем мелких унижений. У тебя отсутствуют хорошие манеры, как и хороший характер и добрая воля. Большинство из того, в чем ты меня винишь, на самом деле не является моей виной...

— Я ни в чем тебя не виню...

— Ты винишь меня во всем!

Она была прекрасна. Я не мог поверить, что когда-то думал по-другому. Но любой мужчина может ошибиться.

— Дидий Фалько, если я и буду о чем-то жалеть до конца своих дней, то о том, что не дала тебе свалиться в Родан, пока у меня была такая возможность!

Елена Юстина умела говорить любезности так, что у мужчины возникало ощущение, будто с него содрали кожу. Она так разозлилась, что я почувствовал себя беспомощным. Я прислонился к стене за нами и смеялся до тех пор, пока не ослаб. Петроний Лонг продолжал в смущении смотреть в стену над нашими головами, затем сухо заметил:

— Вы можете жалеть об этом еще больше, госпожа, если узнаете, что даже в армии Фалько так никогда и не научился плавать.

Она еще больше побелела.

* * *

Мы услышали крики. До нас донесся звук шагов. Патрульный, который сторожил вход в переулок, позвал тихим голосом. Петроний с

беспокойством направился к нему.

— Петроний, помоги нам выбраться отсюда!

— Почему бы и нет? — пожал плечами он. — Давай поменяемся... — он замолчал. — Госпожа, я могу проводить вас...

— Отстань, Петроний, — перебил я угрюмо. — Госпожа со мной.

— Доверяйте ему, госпожа, — снизошел Петроний до добрых слов. — Он прекрасен в критической ситуации!

— О, он прекрасен везде, — с неохотой капитулировала Елена Юстина. — Судя по его словам!

Эта заявление из уст senatorской дочери удивило его также, как и меня.

* * *

Мы все выбрались из переулка на шумную улицу. Подчиненный Петрония что-то пробормотал. Мы все нырнули назад. Петроний застонал.

— Они кишат тут, как пчелы на Гибле, — проворчал он, глядя на меня через плечо. — Если мы проведем отвлекающий маневр...

— Уведи их от реки, — быстро согласился я.

— Крикни, если госпожа столкнет тебя в Тибр, чтобы мы все могли посмотреть, как ты тонешь! Отдайте мне вот это...

Петроний улыбнулся и снял с Елены Юстины белую накидку, которую она носила на улице. Он накинул ее на самого маленького из своих подчиненных, который тут же побежал в поток движения. Остальные что-то кричали ему вслед, подбадривая или оценивая.

У перекрестка с Остийской дорогой Петроний поставил своих людей регулировать движение. Я знал, чего ждать — все замерло на местах в течение нескольких секунд. Я заметил поднятую руку — это белая накидка Елены мелькала среди орущих возниц. Все они встали на козлах и выкрикивали оскорбления в адрес стражников.

Во время этого хаоса мы убежали прочь. Чтобы не тащить лишний вес, пока забочусь о Елене, я отдал мешок с золотом Петронию, с просьбой доставить его моей маме вместо меня. Я предупредил его, что все золото принадлежит матери, чтобы не вздумал забрать часть себе. Затем мы с Еленой быстро вернулись на

дорогу, по которой следовали изначально. Вскоре мы сильно отклонились на запад, но находились на более тихих улицах, на Авентине, со стороны реки, неподалеку от моста Пробия. Я шел на юг мимо Дворца свободы и остановился у библиотеки Поллионов, чтобы напиться из фонтана. Заодно я также вымыл грязную обувь и ноги. Елена Юстина принялась украдкой делать то же самое. Я обхватил ее пятки и быстро вытер ей ноги, словно опытный раб, прислуживающий на пирах.

— Спасибо, — тихо произнесла она. Я с самым серьезным видом чистил ее украшенную бусинками обувь. — Теперь мы в безопасности?

— Нет, госпожа. Мы в Риме, в темноте. Если кто-то на нас набросится, то, вероятно, просто прирежет только от одного расстройства, что с нас большего нечего взять.

— О, ты сможешь дать им отпор! — попыталась она меня умаслить.

Я не ответил, пытался решить, что делать. Я считал, что следят и за моим, и за ее домом. У Елены Юстины поблизости не было никаких друзей. Все, кого она знала, жили дальше на севере. Я решил отвести ее к своей матери.

— Ты поняла, в чем дело, госпожа?

Она прочитала мои мысли.

— Серебряные слитки находятся в переулке Ворсовщиков!

Это было единственное объяснение наследства, оставленного ей в последнюю минуту ее невежливым и неприятным мужем.

— Его имя значилось в письме, которое у нас украли, — продолжала она. — Он понял, что теперь объявлен вне закона. Он придумал этот кодицилл на тот случай, если его предадут сообщники, чтобы в отместку лишить их средств. Но что по его представлениям я буду делать со слитками, если их найду?

— Вернешь их императору. Ты честная, не правда ли? — спросил я ее сухим тоном.

Я обул ее, и мы тронулись в путь.

— Фалько, почему они нас преследуют?

— Слишком бурная реакция Домициана? Тит намекнул на подозрения насчет твоего наследства. А он вполне мог подслушивать под дверь перед тем, как зайти со свистом. А это что-то такое?

Я уловил какой-то звук. Небольшая компания всадников появилась словно ниоткуда. Мимо грохотала пустая повозка с высокими краями, в которых обычно выводят мусор из сада. Я затащил Елену в повозку и быстро поднял заднюю часть. Мы лежали внутри, не шевелясь, пока мимо проносились лошади.

— Может, это было совпадение, а, может, и нет.

Мы покинули дворец два часа назад. Начинало сказываться напряжение. Я выглянул из повозки, заметил всадника, затем так резко нырнул назад, что сильно ударился головой и чуть не лишился сознания. И только тогда я понял, что заметил лишь статую какого-то древнего полководца, которая позеленела у венка. Что-то щелкнуло.

— Похожа, эта повозка знает, куда направляется, — пробормотал я. — Давай просто не поднимать головы!

Создавалось впечатление, что повозка страдает артритом, лошадь астмой, а управляет ею самый старый в мире садовник, который просто не может ехать ровно. Я предположил, что они не уедут далеко.

Мы прятались, пока не добрались до конюшни, затем старик распряг лошадь и отправился домой. Несмотря на опасность возникновения пожара, он оставил гореть тонкую восковую свечу. Значит, он был или в хлам пьян, или же лошадь боялась темноты.

Мы остались в одиночестве — в безопасности. Имелась только одна проблема: когда мы выглянули наружу, оказалось, что мы находимся в саду, открытом для посещения всех желающих. Высота ограды составляла восемь футов, а, уходя, садовник запер ворота.

— Я буду ждать здесь и плакать о несостоявшейся встрече с мамой, — тихо сказал я Елене. — А ты вылезешь и отправишься за помощью.

— Если мы не можем выбраться, то никто не может забраться...

— Я не собираюсь спать вместе с лошадью!

— О, Фалько, неужели тебе не хочется приключений?

— А тебе хочется?

Мы устроились спать с лошадью.

Глава 47

В стойле рядом с лошадью лежало сено, которое многочисленные клещи и блохи посчитали чистым. Я расправил там свою тогу,

мысленно извинился перед Фестом, хотя он, вероятно, хорошо посмеялся бы, узнав, где она используется и с какой целью. В менее уважаемой компании я сам мог бы похихикать.

Я расстегнул пояс, отбросил в сторону сандалии, рухнул на сено и смотрел, как Елена Юстина аккуратно ставит мои сандалии рядом с собственной обувью. Она отошла от меня, повернулась спиной, словно отделяясь, и стала в отчаянии вытаскивать из волос шпильки из слоновой кости. Она бросила шпильки в обувь, а распущенные волосы упали ей на спину. Я решил не протягивать руки и не позволять себе дружеских подергиваний. Нужно очень хорошо знать женщину перед тем, как можно себе позволить дернуть ее за волосы.

Она села и обняла руками колени. Без накидки ей очевидно было холодно.

— Ложись — наше причудливое национальное одеяние может служить уютной постелью. Завернись в него и согреешься. Тихо! Кто узнает?

Я притянул ее к себе, прижал к земле одним локтем и быстро обернул длинные полы тоги вокруг нас обоих.

— По моей теории, изобретая этот наряд, отцы-основатели думали как раз о согревании женщин...

Сенаторская дочь оказалась в оборудованном мною коконе, ее голова — под моим подбородком. Она слишком замерзла, чтобы сопротивляться. Один раз она содрогнулась, затем лежала неподвижно, словно доска из забора. Как только Елена Юстина поняла, что сможет сбежать, только приложив немало усилий, она дипломатично заснула. Она на самом деле ненавидит суматоху и суету.

Я лежал без сна. Вероятно, Елена слышала, как скрипят мои мозговые извилины, пока я прокручивал в сознании события вечера. Теперь я устроился в своей любимой позе для размышлений, вернее, понял, что моя любимая поза для размышлений — прижавшись щекой к голове спокойной женщины. Раньше мне не удавалось этого обнаружить. Ливийские танцовщицы слишком много ерзают.

Танцовщицы на самом деле стали для меня испытанием в нескольких планах. Во время охоты на человека обнаженная до талии, паникующая танцовщица может послужить причиной смерти. У них есть свое место, они легко отдаются, хотя с таким же энтузиазмом и берут, как может подтвердить мой банкир. Связь с танцовщицами

стоила мне больше, чем потеря лица сегодня. Так или иначе, но мне их хватило. Теперь с ними было покончено.

* * *

После того как Елена Юстина заснула, я постепенно расслабился.

Она весила мало, но я едва ли мог забыть, что она там. Она идеально помещалась у меня на руке, а повернув голову, я вдыхал теплый запах ее волос. Красивые, чистые, блестящие волосы противились завивочным щипцам, и вскоре распрямились. Ответственным служанкам это бы не понравилось. Они любят видеть ложенных женщин с локонами. Елена снова душилась малобатром. Эта мерзкая свинья, ее муж, вероятно, подарил ей большой горшок, если, конечно, эта девушка, полная странных сюрпризов, не решила сберечь его дня меня... (Мужчина может позволить себе помечтать.)

Я слишком устал, чтобы многого добиться мыслительным процессом, даже когда мне было так комфортно. Я потерялся о приятно пахнущие волосы Елены, готовый заснуть. Вероятно, я вздохнул, так медленно и грустно, как вздыхает мужчина, который не решил стоящую перед ним проблему, несмотря на полчаса размышлений. В момент, когда я отказался от борьбы, казалось совершенно естественным лежать на сене, обняв Елену Юстину. А поскольку к этому времени я устроился весьма близко, а Елена спала, также естественным показалось и нежно поцеловать ее в лоб перед тем, как я сам засну.

Она слегка пошевелилась.

Мне пришло в голову, что она все это время не спала.

* * *

— Прости! — Дидий Фалько был странно смущен. — Я подумал, что ты спишь.

Я шептал, хотя необходимости в этом не было, поскольку проклятая лошадь постоянно перебирала беспокойными ногами и тоже

не спала. Вероятно, половина Рима знала, что я сделал. Я услышал шепот Елены, изъяснявшейся в обычной скептической манере.

— А вечерний поцелуй в лоб перед сном — это услуга, которую твои дамы находят в представляемом тобой счете?

— Я включаю все, чего удастся добиться, — я пошел на блеф. — Когда мне удастся затащить даму в конюшню в саду, ее поцелуй, конечно, является бесплатным.

Сенаторская дочь подняла голову, оперлась на локоть и повернулась. Она располагалась как раз над моим сердцем, которое стучало в сумасшедшем ритме. Я продолжал ее легко обнимать, но попытался вжаться в сено и игнорировать импульсы, посылаемые ее телом, которое прижималось к моему. Игнорировать было трудно. Вероятно, она почувствовала, как напряглась моя грудь. Елена выглядела по-другому с распущенными волосами. Не исключено, что она и была другой. Я не мог знать, натолкнулся ли я на какого-то другого человека или женщину, которой всегда была Елена Юстина. Но я знал, что такой, как сегодня ночью, она мне очень нравится.

— И как часто это случается, Фалько?

— Не достаточно часто!

Я посмотрел вверх, ожидая суровых слов, но нашел ее лицо неожиданно мягким. Я хитро улыбнулся. Затем, как раз когда улыбка стала сходить с моего лица, Елена Юстина склонилась вперед и поцеловала меня.

Я запустил руку в копну ее волос на тот случай, если она попытается от меня отстраниться, но она не пыталась. Через вечность блаженного неверия, я вспомнил, что нужно снова дышать.

— Прости! — мягко поддразнила она меня.

Ей было точно также не жаль о случившемся, как и мне. Я прижал ее покрепче, чтобы вернуть ее назад, но обнаружил, что она уже там.

До этого я при встречах с женщинами полагался на стратегические кувшины с вином и многочисленные шутки и остроумие, за ними следовал изысканный балет в моей личной постановке. Умелыми, отрепетированными движениями я уводил партнершу со сцены в какую-то удобную кровать. Опыт Дидия Фалько был менее частым и гораздо менее интересным, чем можно предположить из постоянных намеков, но в мою пользу можно сказать, что я обычно способен найти кровать.

Теперь, не проявляя серьезных намерений, я целовал Елену, как хотел поцеловать уже так давно, что даже не представлял, когда это желание возникло. Она смотрела на меня вполне спокойно, поэтому я продолжал ее целовать, точно так, как мне на самом деле следовало поцеловать ее в Массилии и целовать каждую ночь на протяжении тысячи миль до Массилии. Она отвечала мне, и я понял, что ни один из нас на этот раз не считает это ошибкой. Я остановился.

— Мы смущаем лошадь...

Один из фактов жизни, которые первыми понимает мужчина, состоит в том, что женщине никогда не следует говорить правду. Тем не менее этой я сказал правду. Я всегда это делал и всегда буду.

— Елена Юстина, я покончил с совращением женщин.

Я держала ее лицо двумя ладонями, отведя волосы назад. Она осмотрела меня с серьезным видом.

— Это была клятва богам?

— Нет — обещание самому себе.

На тот случай, если она почувствовала себя оскорбленной, я снова ее поцеловал.

— Почему ты мне это говоришь? — она не спросила, почему я дал это обещание, и это хорошо, потому что я на самом деле не знал.

— Я хочу, чтобы ты в это поверила.

Елена очень осторожно меня поцеловала. Я взял ее ладонь в свою. Ее холодные пальцы переплелись с моими, а одна из ее обнаженных ног заводила дружбу с моей.

— А ты хочешь не нарушать это обещание? — спросила она.

Я молча покачал головой (Елена снова меня целовала). Различные связанные с делом обстоятельства вынудили меня признать:

— Я не думаю, что смогу...

Прошло столько времени с тех пор, как я так сильно хотел женщину. Я почти забыл боль острого физического желания.

— Сегодня я в любом случае не хочу...

— Марк Дидий Фалько, ты меня не совращаешь, — улыбнулась Елена Юстина, решая мою нравственную дилемму с мягкостью и сладостью, которую я так долго не видел в ней. — Я стараюсь как только могу совратить тебя.

Я всегда знал, что эта девушка все говорит прямо. Я не намерен описывать то, что случилось потом. Это очень личное между мною,

сенаторской дочерью и лошадью садовника.

Глава 48

До утра оставалось два часа, и большая часть Рима спала. Все фургоны и повозки встали на прикол. Те, кто поздно ужинал, смело отправились домой, бросая вызов засадам на перекрестках. Проститутки и сутенеры дремали на тростниковых матрасах рядом с грязными сопящими клиентами. Свет во дворцах и особняках горел тускло. Было достаточно холодно, легкий туман спускался на долины между семью холмами, но когда я проснулся, мне было тепло. У меня в душе медленно крепло убеждение мужчины в том, что девушка в моих объятиях будет женщиной моей жизни.

Я не шевелился, вспоминая. Я наблюдал за лицом спящей женщины. Оно стало мне таким знакомым, и одновременно во время глубокого сна она странно не походила на себя. Я знал, что не должен ожидать новых объятий или наблюдения за тем, как она спит, никогда больше. Возможно, поэтому я и чувствовал, что не выдержу, если выпущу ее из объятий.

Она проснулась. Она тут же опустила взгляд. Она смущалась, но не из-за того, что произошло, а из-за того, что я мог измениться. Ее рука пошевелилась рядом со мной, в одном очень интимном месте. Я увидел, как у нее округлились глаза от удивления, затем она снова устроилась, как раньше. Я улыбнулся ей.

— Елена... — я смотрел на ее закрытое, осторожное лицо. Скульптор мог бы выискивать недостатки и придирааться, но для меня она была красавицей. В любом случае, если бы скульпторы что-то понимали, то стали бы заниматься чем-то более прибыльным. — Тебе нечего сказать?

Через некоторое время она ответила. С типичной честностью.

— Как я предполагаю, прошлой ночью все было так, как должно быть?

Ну, она мне кое-что рассказывала про Пертинакса. Мой ответ был таким же сдержанным.

— Думаю, что да.

Если ее интересовало прошлое, то этот ответ кое-что сказал ей обо мне.

Я начал смеяться — над нею, над собой, над жизнью, над беспомощностью.

— О, Елена, Елена!.. Прошлой ночью я узнал с тобой кое-какие чудеса о женщинах.

— Я сама кое-что про себя узнала! — ответила она насмешливо. Затем она закрыла глаза и прижалась к внутренней части моего запястья. Она не хотела, чтобы я видел ее чувства.

Несмотря на ее сдержанность или как раз из-за нее, я хотел, чтобы она поняла.

— Это подобно изучению иностранного языка. Ты изучаешь грамматику, набираешь какой-то необходимый словарный запас, у тебя ужасный акцент, и тебя едва понимают. Годами ты упорно пытаешься заговорить на чужом языке, а затем без предупреждения все вдруг получается, ты понимаешь, как это все срабатывает...

— О, не надо! Фалько... — она замолчала. Я ее потерял.

— Марк, — попросил я, но, казалось, она не слышит.

Елена заставила себя говорить дальше.

— Нет необходимости притворяться. Мы нашли приятный способ провести время...

«О, Юпитер!» Она снова замолчала, потом опять заговорила.

— Вчерашняя ночь была прекрасна. Ты, наверное, понял. Но я вижу, как это бывает — по девушке в каждом деле. Новое дело — новая девушка...

Ожидается, что все это думает мужчина.

— Но ты не какая-то девушка в деле! — раздраженно воскликнул я.

— А кто я? — спросила Елена.

— Ты сама, — я не мог ей сказать.

Я едва ли мог поверить, что она не понимала.

* * *

— Нам нужно уходить.

Мне очень не нравилось, что Елена теперь стала такой неприступной. О, я знал почему, боги, как хорошо я это знал! Я поступал подобным образом по отношению к другим людям. Это

жесткое отношение, такое неблагодарное, но такое разумное. Резкое расставание, сильно беспокоясь из-за того, что час страсти может быть использован против тебя, как оправдание для жизни, полной болезненных обязательств, которых ты никогда не хотел и не притворялся, что хочешь...

Здесь была ирония. Впервые в жизни я чувствовал все, что следовало, все, что, по мнению большинства женщин, им требуется. Это был единственный раз, когда это имело значение, тем не менее, Елена или просто не могла в это поверить, или судорожно пыталась меня избегать. Я крепко сжал ее в объятиях.

— Елена Юстина, — медленно начал я, — что я могу сделать? Если я скажу, что люблю тебя, это будет трагедией для нас обоих. Я ниже твоего достоинства, а ты вне пределов моей досягаемости...

— Я — сенаторская дочь, — перебила она сухо. — А ты на два разряда ниже. Это не противоречит закону, но не будет разрешено... — она беспокойно завертелась, но я не желал ее отпускать. — Мы ничего...

— Все возможно! Госпожа, мы с тобой оба очень цинично относимся к миру. Мы будем делать то, что должны, но не сомневайся во мне. Я очень сильно тебя хотел, я очень давно тебя хотел, так же, как ты хотела меня!

Я увидел, как изменился ее взгляд. Она колебалась. Внезапно у меня появилась надежда, и я заставил себя поверить, что она думала обо мне лучше, чем я считал, и не только прошлой ночью, но и вероятно задолго до нее. Я бросился в эту надежду, зная, что я дурак, но меня это не волновало.

— А сейчас...

— Сейчас? — повторила она.

В уголках ее рта мелькнула легкая улыбка. Я понял, что она отвечает на мою улыбку. Все-таки она оставалась со мной. Сражаясь за ее дружбу, я наблюдал, как она снова тает в близости, которую мы так неожиданно обнаружили прошлой ночью. Я стал более уверен в себе, погладил то нежное местечко на шее сзади, которого касался много часов назад, расстегивая ожерелье. На этот раз я позволил себе заметить дрожание кожи в месте прикосновения. На этот раз я понял, что она чувствует, что все нервы в моем теле ощущают ее.

Во второй раз я сказал ей правду, которую она должна была уже знать.

— Теперь я снова хочу тебя.

Глава 49

После этого я в благоговейном трепете почувствовал, как ее сотрясают рыдания. Она выпускала напряжение, которое я вчера ночью, даже в ее объятиях, осознавал лишь частично.

— Марк!

Я заснул, отметая все чувства, после того, как Елена Юстина произнесла мое имя.

Я назвал ее дорогой. Любой уважающий себя информатор знает, что лучше этого не делать. В тот момент, когда слово вырвалось, мы оба были сильно заняты, и я сказал себе, что она, вероятно, не слышала. Но в душе я знал, что надеюсь на другое. Я надеялся, что как раз слышала.

* * *

Когда ворота в конце концов отперли, мы прошли мимо зарослей жестких побегов аканта, а садовники в широкополых шляпах на больших тупых головах стояли грязными ногами в росе и смотрели нам вслед, раскрыв рты. Тем не менее я должен сказать, что они не впервые обнаруживали неприглашенных гостей в своих владениях. Перед тем, как проводить Елену домой, я купил ей завтрак, немного горячего. Мы остановились у колбасной лавки. Мне сопутствует удача, вы имеете дело с человеком, который один раз кормил сенаторскую дочь перченой рубленой телячьей котлетой, обернутой лавровым листом. Пусть удача сопутствует моей госпоже — она это съела на улице!

Я свою котлету тоже съел, хотя и осторожно, потому что мама учила меня есть только в доме. Она считает, что на улице есть неприлично.

Рассветало, над Тибром вставало бледное солнце. Мы сидели в испорченных лучших одеждах на причале у реки и смотрели, как

лодочники неторопливо разрезают речную гладь. У нас состоялся долгий веселый разговор. Мы обсуждали, является ли мое мнение о садовниках — то, что все они полоумные, — еще одним примером бессмысленной предрасположенности... До нас долетали восхитительные запахи сухой рыбы и свежее испеченного хлеба. Начинаясь ясный день, хотя в тени у стоящих на берегу домиков все еще было прохладно. Мне казалось, что это начало нечто большего, чем ясного дня.

Мы выглядели как пара грязных сорвиголов. Мне было стыдно провожать Елену домой. Я нашел небольшую частную баню, которая уже открылась. Мы вошли вместе. Больше там никого не было. Я купил фляжку масла по невероятно завышенной цене, затем за неимением раба сам намазал им Елену. Похоже, ей это понравилось. Я знаю, что это понравилось мне. Затем она терла меня специальной позаимствованной щеточкой для растирания тела — и мне это понравилось еще больше. Затем, когда мы сидели, прижавшись друг к другу, в сухой парной, Елена внезапно молча повернулась ко мне. Она крепко прижалась ко мне и спрятала лицо. Мы молчали. Слова были излишни. Никто из нас не мог говорить.

* * *

Все было тихо, когда я доставил ее домой. Самым трудным оказалось убедить тупую свинью привратника проснуться и впустить госпожу. Это был тот же самый раб, который вчера вечером отказывался меня узнавать. Теперь он меня запомнит — заходя в дом, сенаторская дочь быстро обернулась и поцеловала меня в щеку.

Я пешком отправился от Капенских ворот назад к Авентину. Я шел, не разбирая дороги. Меня одновременно охватили и измождение, и возбуждение. Я чувствовал, что за одну ночь прожил целую жизнь и стал на целую жизнь старше. Я был ужасно счастлив и милостив ко всему миру. Несмотря на невероятную усталость, у меня на лице от уха до уха светилась улыбка.

Петроний маячил перед прачечной Лении с розовым лицом и влажными волосами человека, который долго потел в прачечной. Я почувствовал сильный прилив нежности, который он не заслужил и никогда бы не понял. Он ткнул меня пальцем в живот, затем

внимательно осмотрел. Я почти лишился сил, едва стоял на ногах, поэтому воспринял его тычок, только раз моргнув.

— Марк? — неуверенно спросил он.

— Петроний. Спасибо за помощь.

— Всегда рад. Твоя мать хочет с тобой поговорить насчет этого мешка золота. А это твое, да? — он протянул мне перстень бабушки Скарро.

— Ты нашел этого негодяя Мелития?

— Без проблем. Мы знаем его норы. Я забрал все драгоценности твоей клиентки. Сегодня утром я отнес их ей домой. Там мне сказали, что ее нет...

Он неуверенно замолчал.

— Теперь она там. Я сказал ей, что если тебе удастся вернуть ее драгоценности, нужно тебя отблагодарить. Я предложил подарить что-то твоей жене.

Он уставился на меня. Я смотрел на него с искренней теплотой. Какой прекрасный друг!

— Послушай, Фалько, насчет прошлой ночи...

Я рассмеялся и отмахнулся.

— Судьба! — сказал я.

— Судьба? — взорвался он. — Что это за дерьмо?

Он — простая душа со здоровой философией. У него разрывалось сердце при виде меня в беде. (Он мог определить, что я в беде, по моей смехотворно мягкой улыбке.)

— О, Фалько, несчастный восторженный дьявол, что же ты наделал?

Вышла Ления. У нее за спиной грохотали тазы, пока она не закрыла задницей дверь. Ления всю жизнь ходит с полными грузной одежды руками, и делает это автоматически. Она открывает двери ногой, а закрывает задницей. Сейчас ее руки были свободны, но наморщенный лоб подсказал мне, что у нее болит голова после слишком большого количества выпитого прошлой ночью вместе со Смарактом. Платье прилипало к ее пышным формам, вечно влажное от пара. По какой-то причине она в последнее время стала набрасывать тонкие шарфики на плечи, чтобы выглядеть более утонченно. Она оценила мое состояние также беспристрастно, как пятно на простыни, затем хмыкнула.

— Размяк, как сдобный кекс. Дурак снова влюбился.

— Это все? — Петроний пытался успокоить себя, хотя, обычно сталкиваясь с одной из моих экстравагантностей, твердый Петроний сомневался. — С Фалько это случается по три раза в неделю.

Он ошибался. Теперь я это знал. До этого утра я ни разу не влюблялся.

— О, мой друг Петроний, на этот раз все по-другому.

— Цветочек, ты всегда так говоришь! — Петроний грустно покачал головой.

Я перевел взгляд с Петрония на Лению, я слишком устал и был слишком потрясен, чтобы говорить. Затем я отправился на лестницу.

* * *

Любовь! Она застала меня врасплох.

Однако я был к ней готов. Я также всегда знал, что ожидать. Какая-то бессердечная девчонка, красивая и холодная как стекло. Никому я не нужен (я намеревался страдать, я же в свободное время писал стихи). С этим справиться можно (я в состоянии написать целые реки стихов). Несколько ярких бусинок из эмали, или целые бусы в подарок, пока не найдется одна, чей суровый отец настоит на браке. После этого я бы погрузился в рутину и скуку как любой законопослушный гражданин, хотя мне было бы удобно жить...

Зная Елену Юстину, я понимал, что удобства не будет никогда. Она относилась к типу людей, которых можно изучать половину жизни и не опасаться, что тебе станет скучно. Если бы у меня был другой статус, я мог бы пожалеть, что у меня нет половины жизни, которую я мог бы на это потратить.

Я не мог себе это позволить. Даже не мог позволить себе ожерелье. Человек с таким состоянием банковского счета, как у меня (обычно в минусе), должен приготовиться к погоне за богатыми вдовушками, причем пожилого возраста, которые будут мне благодарны...

Я поднимался вверх, чувствуя в этом уверенность. Я поднялся до четвертого этажа. Там я изменил свое мнение.

Любовь — это конец. Она совершенная и самовластна. Ужасное облегчение. Я снова спустился вниз и отправился в лавку, где продавали духи.

— Сколько стоит малобатр?

Вероятно, владелец лавки родился с оскорбительной усмешкой на лице. Он назвал мне цену. Я едва ли мог позволить Елене понюхать пробку от флакончика. Бросив гордый взгляд, я заявил ему, что подумаю, потом снова отправился домой.

Ления видела, как я возвращался. Я отстраненно улыбнулся. Это улыбка говорила, что я не стану отвечать на вопросы, после чего снова отправился наверх.

* * *

Вернувшись в свою комнату, я долго стоял на месте, пока на меня не нашло вдохновение. Я отправился в спальню и стал копаться в рюкзаке, который брал с собой в путешествие. Там я нашел небольшой личный запас серебра с рудника в Вебиодуне, затем снова прошагал вниз шесть этажей и оказался на улице. На этот раз я отправился к серебряных дел мастеру. Гордостью его коллекции была закрученная цепочка филигранной работы, с которой по всей внушительной длине свисали крошечные желуди. Эта цепочка идеально подходила под сдержанный вкус, который демонстрировала в выборе одежды и украшений Елена Юстина. Я долго восхищался цепочкой, а, услышав цену, притворился, что думаю остановиться на серьгах. Но от последних работ мастера я отвернулся, поморщившись, затем извлек свое богатство и объяснил, что хочу.

— Наверное, вы смутитесь, если я спрошу вас, где вы это взяли? — усмехнулся серебряных дел мастер.

— Совсем нет, — беспечно ответил я ему. — Я работал рабом на серебряном руднике в Британии.

— Очень смешно! — хмыкнул мастер.

Я отправился домой.

Ления снова меня увидела. Она не потрудилась задать никаких вопросов, а я не потрудился улыбнуться.

Мои проблемы еще не закончились. Я выгнал виночерпия с балкона, мама должна была прийти, чтобы его отмыть. Она недружелюбно замахнулась на меня тряпкой.

Я улыбнулся матери, что было серьезной ошибкой.

— Ты был с одной из своих танцовщиц!

— Нет, — я схватил тряпку. — Сядь, выпей со мной вина, и я перескажу тебе, что знаменитый Тит Цезарь сказал о твоём славном сыне.

Она на самом деле села, хотя от вина отказалась. Я рассказал ей, как Тит хвалил Феста, и очень сильно налегал на комплименты. Она слушала, но я не замечал никаких изменений в выражении ее лица, затем в конце концов она с серьезным видом попросила вина. Я налил, мы подняли кубки в память о Фесте. Она потягивала вино мелкими глотками, как и обычно сидя очень прямо, словно пила только для того, чтобы не показаться невежливой и поддержать общение.

Лицо моей матери никогда не постареет, только в последние годы кожа как будто устала и больше не выглядела упругой и натянутой на костях. После того как я вернулся из Британии, она казалась мне меньше, чем раньше. Ее обведенные черным глаза останутся яркими, а взгляд пронзительным и умным до самой смерти. Когда-нибудь это случится, и, хотя теперь я тратил столько времени, отбиваясь от ее посягательств на мою жизнь, когда она умрет, я буду в отчаянии.

Я сидел тихо, позволяя ей переварить все, что я сказал.

Никто, даже его подруга никогда не критиковали Феста за то, что он сделал. Мать, получив новость о его самопожертвовании, проверила, чтобы Марина и ребенок были должным образом обеспечены (мною). Люди говорили о нем, мать же никогда не сказала ни слова. Мы все понимали, что потеря этого отличного, шумного, щедрого парня выбила почву у нее из-под ног.

Теперь, находясь вдвоем со мной, она внезапно сказала, что думает на самом деле. Когда я допустил ошибку и назвал его героем, она напряглась еще больше. Лицо стало суровым. Она осушила кубок и резко, с грохотом опустила его на стол.

— Нет, Марк! — резко сказала мама. — Твой брат был дураком!

Наконец она смогла плакать, жалея Феста и думая о его глупости у меня в объятиях, зная, что я всегда считал точно также.

С этого дня при постоянном отсутствии отца я стал главой семьи официально. Все это восприняли нормально. Для того чтобы с этим справиться, очень помогло взросление на целую жизнь.

Глава 50

Вскоре после полудня я наведалься в переулок Ворсовщиков.

Ничего не изменилось. В переулке валялся мусор, все дома выглядели пустыми и заброшенными, даже прокладывающие канализационные трубы работники трудились у того же люка. На том же месте стояло корыто для извести и лоток для подноса кирпичей. Вокруг самого склада находилось много военных, они были практически везде. Их капитан с грубыми чертами лица отказался меня впустить, хотя сделал это весьма вежливо. Видимо, некто высокого ранга, к кому он относился серьезно, предупредил его о моем возможном появлении.

Таким образом, у меня осталось два пути. Я мог показать себя дураком, оставляя горшки с розовыми гвоздиками у двери одной дамы, или поработать над телом в гимнасии. Я не хотел ее смущать, поэтому отправился в гимнасий.

Я посещал гимнасий, которым заправлял один умный киликиец по имени Глаук. Гимнасий располагался рядом с частными банями, в двух улицах от храма Кастора. Очень необычно то, что он считался приличным. Глаук не допускал в свое заведение профессиональных гладиаторов и аристократических юношей с впалыми щеками, сохнувших по маленьким мальчикам. Он держал заведение для физических упражнений, в котором приличные граждане развивали тело и приводили его состояние в соответствие с умственными способностями (которые в целом были весьма неплохими), а после упражнений наслаждались приятной беседой в бане, в которой выдавали чистые полотенца. На колоннаде имелась небольшая библиотека, а у ступеней портика — отличная лавка, где продавали сласти.

Первым человеком, которого я увидел, зайдя во двор, где располагалась площадка для игры в мяч, оказался Децим Камилл Вер,

благородный отец Елены. Он вполне серьезно и с поразительной готовностью и рвением воспринял мое шутовское предложение представить его владельцу гимназия. Большинство патронов Глаука были молодыми мужчинами, у них еще не выросли животы, и они могли без конца лупить по наполненной песком груше, на что не способно пожилое тело. Глаук считал, что, если какой-то господин пятидесяти лет помрет с красным лицом у него на ступенях, это приведет в уныние других клиентов, и далеко не все они станут впредь посещать его заведение. Я уже разговаривал с Глауком и сказал, что почтенный Децим хорошо заплатит, в виду чего можно время от времени поучить укрощенного сенатора обращению с легким мечом. Если это и не совсем разумно, то по крайней мере, выгодно.

И вот мой сенатор оказался здесь. Мы устроили бой учебными мечами. Я уже заметил, что Камилл Вер лучше управляется с оружием, хотя он никогда и не станет обладателем отменной реакции. Тем не менее он заплатит, хотя и не сразу же (кто же платит сразу?), и Глаук отработает эти деньги на простых упражнениях и одновременно проследит, чтобы никто никогда случайно не задел благородную шкуру.

Мы побросали мяч во дворе вместо того, чтобы признать усталость, потом расслабились в бане. Мы легко могли здесь встречаться, и в независимости от того, чем закончится дело, похоже, наша дружба продолжится. Гимназий был тем единственным местом, где мы можем быть приятелями, несмотря на пропасть между нашими сословиями. Его семья притворяется, что не знает об этом, моя уже считала, что я не обладаю чувством такта.

Но теперь мы обменивались новостями. Вспотев в парной и искупавшись в теплой воде, мы легли на плиты, наслаждаясь вниманием девушек, делающих маникюр. Мы ждали огромного массажиста, выворачивающего руки, которого Глаук украл из городских бань Тарса. Он был хорошим массажистом, а это означает — он был ужасен. После его процедур выходишь из бани, словно мальчик после первого в жизни борделя, притворяясь, что чувствуешь себя прекрасно, хотя на самом деле это не так.

— Вы — первый, господин, — улыбнулся я. — Ваше время ценится выше.

Мы оба благородно пропустили вперед кого-то еще. Я заметил, что сенатор выглядит усталым. Я спросил, и к моему удивлению, он ответил без колебаний:

— Сегодня утром у меня был ужасный разговор с матерью Сосии Камиллины. Она только что вернулась из-за границы и узнала новость. Фалько, как продвигается твое расследование? Есть ли хоть какой-то шанс, что я вскоре смогу ей сказать, что мы, по крайней мере, определили, кто нанес удар? Женщина была в большом возбуждении. Она сама хотела кого-то нанять, чтобы занялся этим делом.

— Более низких ставок, чем у меня, она не найдет.

— Хотя наша семья и не такая богатая, мы сделаем все, что только можно сделать! — ответил сенатор довольно натянуто.

— Я думал, что Сосия не знала свою мать, — решил я прощупать почву.

— Нет. — Он молчал какое-то время, потом наконец объяснил. — Все сложилось несколько неудачно, и я не извиняю брата за его поведение. Мать Сосии была женщиной с положением, и замужем, как ты, вероятно, понял. Она никогда не намекала, что хочет что-либо изменить. Теперь ее муж — бывший консул, и ты понимаешь, что это подразумевает. Даже в то время он был важным человеком. Эта дама познакомилась с моим братом, когда ее муж отправился в дипломатическую поездку на три года. Из-за длительного отсутствия мужа было невозможно притвориться, будто это его ребенок.

— Тем не менее она его родила?

— Она отказалась от аборта. Твердо стояла на своем, исходя из нравственных убеждений.

— Несколько поздновато для нравственных убеждений! — хмыкнул я. Сенатору явно было не по себе. — Значит, вы воспитывали их ребенка в своей семье?

— Да. Мой брат согласился ее удочерить...

Я задумался, сколько давления пришлось оказать Дециму, чтобы заставить Публия это сделать.

— Время от времени я давал женщине знать, как идут дела у Сосии. Она настаивала на том, чтобы давать мне деньги для покупки подарков для ее дочери. Но казалось, что лучше им не встречаться. Но теперь это не упрощает ситуацию!

— И что случилось сегодня?

— О-о... несчастная женщина наговорила много вещей, за которые я не могу ее винить. Самое худшее — это ее обвинение моей жены и меня в невнимании и недосмотре.

— Это, конечно, несправедливо, господин?

— Я так надеюсь, — с беспокойством пробормотал он. Очевидно, его очень расстраивала такая возможность. — Мы с Юлией Юстой определенно старались сделать все возможное для Сосии. Ее очень любила вся моя семья. После той попытки ее выкрасть моя жена запретила Сосии покидать дом. Мы думали, что этого достаточно. Что еще мы могли сделать? В чем мы ошиблись? Но мать Сосии обвиняет меня в том, что я позволил ей бегать по улицам, словно торгующей спичками девчонке с другой стороны Тибра...

Он сильно расстроился. Мне самому было очень больно вести этот разговор, поэтому я приложил все усилия, чтобы успокоить сенатора, и как только смог, сменил тему.

Я спросил, не слышал ли он каких-то новостей из дворца насчет ареста заговорщиков. Сенатор оглянулся по сторонам (это лучший способ обеспечить подслушивание) и заговорил более тихим голосом.

— Тит Цезарь говорит, что кое-какие господа в страхе разбежались!

Эти разговоры украдкой были забавой для сенатора, но не давали большой практической помощи.

— Господин, мне нужно знать, кто и куда сбежал.

Он прикусил губу, но сказал. Фауст Ферентин отплыл в Ликийю. Он отправился туда без разрешения — это запрещено сенаторам, которые должны жить в Риме. Корнелий Грацилий попросил аудиенции у императора, но слуги нашли его мертвым. Он лежал, вытянувшись с мечом в правой руке, хотя был левшой, до того как успел посетить дворец. Очевидно, это было самоубийство. Куртий Гордиан и его брат Лонгин внезапно были назначены жрецами в небольшом храме на берегу Ионического моря. Вероятно, это большее наказание, чем любая ссылка, которую мог бы для них придумать старый тиран Веспасиан. Ауфидий Крисп был замечен среди толп на берегу моря в Оплонтии. Мне казалось, что никто, кто мог прибрать к рукам частный монетный двор с серебром, не позволит себе страдать от летней жары в светском обществе среди роскошных вилл вдоль побережья Неаполя.

— Что ты об этом думаешь? — спросил Децим.

— Титу следует установить слежку за Ауфидием. До Оплонтия всего несколько дней пути. Если больше ничего не случится, я сам туда отправлюсь, но мне не хочется уезжать, пока остается хоть какой-то шанс найти серебряные слитки. Тит что-нибудь нашел в переулке Ворсовщиков?

Децим покачал головой.

— Очень скоро туда будет дозволено заходить моей дочери.

В бассейне слева от нас послышался сильный всплеск. Грузный мужчина, явно не умеющий плавать, плюхнулся в него с бортика.

— Я предполагаю, что вы не позволите Елене туда отправиться, — тихо предупредил я его. Мне следовало использовать ее полное имя, но теперь было уже поздно.

— Нет. Нет. Место может осмотреть мой брат. Я посоветую ей продать специи.

— Здание все еще принадлежит старику Марцеллу?

— М-м-м. Мы быстро его освободим из уважения к нему, хотя Елена и старый Марцелл в хороших отношениях. Он все еще смотрит на нее как на свою невестку. Она умеет очаровывать стариков.

Я лежал на спине и пытался притвориться мужчиной, который не смог заметить шарма Елены.

Отец Елены тоже неловко смотрел вверх.

— Я беспокоюсь за дочь, — признался он.

«Лошадь заговорила!» — подумал я. Мне хотелось истерически рассмеяться.

— Я допустил ошибку в случае Пертинакса. Наверное, ты в курсе. Она никогда меня не винила, но я всегда буду винить себя.

— У нее очень высокие требования, — сказал я, закрывая глаза, словно мне просто захотелось спать после бани. Услышав, как Децим перевернулся и оперся на локоть, я открыл глаза.

Теперь, после того, как я так внимательно изучил Елену, я видел в лице ее отца физическое сходство, которое упустил бы другой человек. Она унаследовала от него прямые волосы, открытое лицо, скулы, правда, чуть заметные ироничные складки в уголках рта были ее собственными. Иногда у нее также проскальзывали отцовские интонации. Децим наблюдал за мной пристальным, внимательным взглядом, в котором проскальзывала хитринка. Мне всегда нравился

этот взгляд. Я был рад, что мне нравится ее отец, и с благодарностью вспоминал, что он понравился мне с самого начала.

— Высокие требования, — повторил Децим Камилл Вер, очевидно изучая меня. Потом он вздохнул, почти неуловимо. — Елена, похоже, всегда знает, чего хочет!

Он беспокоился за дочь. Я предполагаю, что он беспокоился из-за меня.

Есть вещи, которые простой гражданин не может сказать родителям уважаемой дамы знатных кровей. Если бы я объявил сенатору, что земля, на которой стояла его дочь, становится для меня священной, он бы не успокоился. Я это видел.

К счастью, именно в этот момент к нам приблизился массажист из Тарса. Через руку у него было переброшено полотенце. Я уступил Дециму очередь в надежде, что после больших чаевых тарский гигант станет ко мне добрее. Этого не случилось. Чаевые только обеспечили ему новый прилив энергии.

Глава 51

В тот день во второй половине вернулась моя мать, чтобы сообщить, что завтра мне предстоит возглавить большой семейный выход на триумфальное шествие Веспасиана. Семья собиралась занять одну трибуну. Это обещало солнечный удар, едкие замечания сестер, крики уставших детей, выпадающих в раздражительность по непонятным причинам. В общем, мое любимое времяпровождение. Сама мама собиралась разделить тихий балкон с тремя старыми приятельницами. Тем не менее она принесла мне огромного золотого леща, чтобы смягчить удар.

— Ты убрал в комнате! — фыркнула она. — Наконец вырастешь?

— Может, у меня будет гость, на которого мне хочется произвести впечатление.

Гостья, которую я хотел видеть, так и не пришла.

Проходя мимо скамьи у меня за спиной, мама взъерошила мои волосы, затем пригладила. Я ничего не мог поделать, если она впадала из-за меня в отчаяние. Я сам пребывал в отчаянии.

Я сидел на балконе и притворялся, что философствую, и внезапно узнал легкие шаги перед дверью. Кто-то постучал, затем, не дожидаясь ответа, вошел. Я напрягся в предвкушении и быстро вскочил на ноги. Затем сквозь раздвижную дверь, я наблюдал за тем, как моя великолепная мать встречала молодую женщину в моей комнате.

Это не было стычкой, к которым привыкла мама. Она ожидала смешные ножные браслеты из кораллов и девическое смущение, а не мягкие ткани приглушенных тонов и серьезные глаза.

— Добрый день. Меня зовут Елена Юстина, — объявила Елена, которая умела вести себя спокойно, даже при виде двенадцатидюймового ножа в руках моей родительницы над миской с миндальным фаршем. — Мой отец — сенатор Камилл Вер. Служанка ждет меня снаружи. Я надеялась поговорить с Дидием Фалько. Я его клиентка.

— Я — его мать! — заявила моя мама, словно Венера с покрытыми пеной ногами, выступающая от имени Энея. (Учтите, я не думаю, что благочестивый Эней, этот несносный самодовольный хлыщ, питался рыбой, которую его прекрасная мать богиня сама для него чистила и фаршировала.)

— Я так и подумала, — ответила Елена в своей спокойной, приятной манере, глядя на неприготовленный для меня ужин так, словно ей очень хотелось, чтобы ей предложили остаться. — Однажды вы позаботились о моей двоюродной сестре Сосии. Я очень рада, что мне представилась возможность вас поблагодарить.

После этого она поправила покрывало и скромно замолчала, как делает молодая женщина после обращения к старшей, если обладает воспитанием. (До этого ни одна женщина, которая знала меня, не считалась с моей матерью и не проявляла такта в общении с ней. Это было впервые.)

— Марк! — заорала мама, сбитая с толку, после того как над ней так вежливо одержали верх. — К тебе по делу!

Пытаясь выглядеть беззаботным, я вошел в комнату. Мама схватила тарелку с рыбой и вышла на балкон, в знак уважения к клиентке, которой не требуются свидетели. Это не было настоящей жертвой — она все равно могла подслушивать и с балкона. Я

предложил Елене стул, предназначенный для клиентов, а сам устроился с другой стороны стола. Выглядел официально.

Наши глаза встретились — и мое актерство рухнуло. Елена пыталась решить, рад ли я ее видеть. Я точно также осторожно наблюдал за ней. В одно и то же мгновение наши глаза загорелись от нелепости ситуации. Нам обоим хотелось смеяться над собой. Затем мы просто сидели в тишине, которая говорила сама за себя, и счастливо друг другу улыбались.

— Дидий Фалько, я хотела бы обсудить оплату твоих услуг.

Глядя одним глазом на балкон, я потянулся через стол и коснулся кончиков ее пальцев. Меня словно пронзило током, и на руках выступила гусиная кожа.

— Что-то не так с представленным мною счетом, госпожа?

Она вырвала руки в настоящем негодовании.

— Что означает «спорные вопросы»? — спросила она. — Пятьсот сестерциев за что-то, что ты даже не объясняешь?

— Это просто выражение, которое используют некоторые счетоводы. Я советую тебе просто как следует поторговаться — поспорить и не платить! — я улыбнулся. Она поняла, что это было только поводом, чтобы пригласить ее ко мне.

— Хм! Я об этом подумаю. Мне следует поговорить с твоим счетоводом?

— Я никогда не пользуюсь услугами счетовода. Половина из них умеет только рассчитывать процент, положенный им в виде оплаты услуг, а у меня достаточно нахлебников и без какого-то лысого финикийского учетчика и его чахлого болезненного помощника, которые также хотят ко мне присосаться. Когда будешь готова, тебе лучше поговорить напрямую со мной.

Я вперился на Елену честным взглядом, предполагая таким образом напомнить ей про вечер, который ей следовало забыть, но прекратил это, потому что мое собственное сердце билось слишком часто. Я чувствовал себя легкомысленно и весело, и еще мне казалось, что я потерял две пинты крови. Я прислонился к стене и сплел руки над головой, с улыбкой наслаждаясь ее видом. Елена улыбнулась в ответ. Я наслаждался ее улыбкой...

Я должен был это прекратить. Это было ужасной ошибкой. В жизни мне обычно требовалась какая-нибудь доступная девушка с

цветком за ухом, которая будет хихикать, когда я читаю ей свои стихи. Я никогда не стану читать свои стихи Елене. Она сама их прочитает, потом подчеркнет места, где допущены ошибки в правописании и рифмах. Я буду яростно возмущаться, но потом все равно исправлю все так, как она сказала...

— Есть кое-что еще, — заговорила она. Мое лицо расплылось в счастливой улыбке. Наверное, я напоминал бессловесную лягушку. — Очень скоро таможня освободит склад в переулке Ворсовщиков, и туда будет открыт доступ. Отец очень не хочет, чтобы я туда ходила.

Я резко опустил руки.

— В переулке Ворсовщиков было совершено убийство. Твой отец прав.

— Мне на самом деле хочется осмотреться.

— Тогда возьми кого-нибудь с собой.

— Ты пойдешь?

— С радостью. Дай мне знать когда.

Я хитро посмотрел на нее широко раскрытыми горящими глазами. Мой взгляд говорил ей о том, что мы можем сделать на складе перца. Это что-то само по себе будет пикантным. Елена казалась серьезной. Я разумно откашлялся. Она встала, чтобы уйти.

— Завтра твой триумф. Ты пойдешь?

— Не для себя. Выполнять семейный долг. Давай я займусь твоим складом после этого.

Я вылез из-за стола и проводил ее к двери. Мы оставили ее открытой для маскировки, и вышли из квартиры. Тут нас ждало смущение — ее служанка все еще ждала на площадке, где ее оставили.

Некоторые служанки знают, как незаметно исчезнуть, если мужчина хочет поцеловать красавицу, которую они сопровождают. С одной стороны, мне было приятно обнаружить, что служанка Елены не считала, что ее хозяйка захочет быть поцелованной. В то же самое время я пришел в ужас, что госпожа может этого больше не хотеть.

— Наисса, спускайся вниз. Я тебя догоню, — приказала Елена спокойным, деловым тоном.

Мы слушали, как стихают шаги Наиссы, пока она не завернула на следующий пролет. Больше никто из нас не произнес ни слова.

Елена повернулась ко мне с обеспокоенным видом. Я поцеловал ей руку, стоя на расстоянии вытянутой руки, затем немного приблизился и поцеловал другую руку. Я притянул Елену поближе, поцеловал ее в обе щеки. Со вздохом, который повторил мой, она упала в мои объятия, затем одно мгновение мы стояли без движения, а проблемы словно упали с нас, как лепестки с розы после сильного порыва ветра. Все еще сжимая Елену в объятиях и целуя, я медленно повел ее по площадке. В конце концов у начала лестницы я ее отпустил.

Елена пошла вниз. Я наблюдал за ней на всем пути до улицы. Пять минут я стоял на одном месте после того, как она ушла.

Эта женщина изменила мой день.

* * *

Я снова уселся за стол, притворяясь, что все в порядке. Лицо покалывало в том месте, где его коснулась Елена перед тем, как уйти.

Меня ждала мать. Она знала, что я много раз, проводив женщину, возвращался домой и долго бродил по комнатам, молча демонстрируя свои чувства. Они приходили, они уходили. Они не угрожали ничьему спокойствию.

Теперь мама с грохотом опустилась на противоположную скамью и поджала губы.

— Значит, это она и есть!

У меня под ребром перевернулось сердце. Я неловко рассмеялся.

— А ты откуда знаешь?

— Я знаю тебя!

* * *

Я вытянул подбородок и посмотрел в потолок: заметил новую дыру, в которую попадал дождь. Я подумал о Елене Юстине, представил, какой, вероятно, ее увидела моя мать. Женщина с

прекрасной кожей, элегантная, с дорогими, но не вычурными украшениями и прекрасными манерами, а также унаследовавшая от отца способность казаться застенчивой. Правда, странное сочетание внутренней силы и иронии бросалось в глаза. Елена Юстина, сенаторская дочь, которая так холодно разговаривала со мной об оплате и складах, пока ее глаза молча пели о счастье, которое мы разделили... Все знали, что я ищу (когда я вообще удосуживался, потому что поиски проводились время от времени) кого-то типа Марины, девушки моего брата: простую душу, у которой есть разум и симпатичное лицо, способную вести хозяйство и имеющую достаточно собственных друзей, чтобы мне не мешать. Все это знали, я сам это знал.

Я снова уставился в стол, теребя в руках выпавшие веточки полыни.

— Ну! — бросила вызов моя мать. — Мне начинать печь шафранные кексы или надеть черный платок и отправляться плакать в храм Юноны? Что теперь будет?

— Ничего, — ответил я, учитывая все факты. — Она сказала тебе, кто ее отец. Я ничего не могу поделать.

Мама еще раз злобно фыркнула.

— Марк, увидев ее, я не думаю, что она для тебя!

У меня вытянулось лицо, и я покосился на мать, а она довольно странно посмотрела на меня в ответ.

Глава 52

В тот вечер мне было нечего делать, поэтому я отправился к цирюльнику в конце нашей улицы. Я сидел на тротуаре, пока он занимался моим подбородком. Мне удалось заставить споткнуться ликтора одного второстепенного должностного лица, причем так, что это выглядело настоящей случайностью. Ликтор чуть себя не кастрировал своим церемониальным топориком. Я собой гордился.

Я снова ее увижу. Кого? Никого. Просто девушку. Просто клиентку. Забудьте, что я ее упомянул.

Подошел сын цирюльника. Он жевал конец луканской колбасы. Ему было тринадцать лет, вроде не совсем дурак, но ел он колбасу так,

словно это было сложной задачей, вставшей перед его мозгом. Дети моей сестры Майи зовут его Платоном.

— Фалько! Тебя перед домом ждет какая-то госпожа.

Редко человек с испанской бритвой у горла так быстро вскакивал на ноги.

* * *

Я перепрыгнул через бочонок со съедобными моллюсками, обежал груды пустых амфор, ударился головой о корзину с цветами перед похоронной лавкой, где нанятые плакальщики тренировались в пении — не для похорон, а для триумфа, запланированного на следующий день. Из-за него никто в городе не будет работать, объявлен всеобщий праздник. Все музыканты Рима будут отвлекать людские толпы, чтобы воры-карманники могли спокойно работать.

Я не увидел никакой госпожи. Неудивительно. Чего ждать от этого дурака Платона? Меня хотела видеть Ления. Она маячила перед прачечной и выглядела виноватой.

У нее за плечами имелся двадцатилетний опыт объяснений на тему, почему потерялась нижняя туника, поэтому вид расстроенной и виноватой прачки был таким непривычным, что я понял: дело на самом деле серьезное. И так и было. Чтобы отпраздновать триумф императора, она планировала безрассудный и опрометчивый поступок. Наша королева тазов с мощными руками собиралась вступить в брак.

Когда люди объявляют о бракосочетании, я стараюсь не говорить им, что они совершают серьезную ошибку. Обычно они все равно ее делают, но если бы все неподходящие браки в Риме душили в зародыше добрые друзья дельным советом, то не было бы нового поколения цивилизованных граждан, способных усмирять варваров остального мира.

— И кто счастливый жених?

— Смаракт.

Я передумал и дал Ленин самый лучший совет, который только мог придумать.

* * *

Причина, по которой не стоит беспокоиться, заключается в том, что в любом случае тебя никогда не слушают.

— Заткнись, Фалько, — дружелюбно ответила Ления. — Он тянет на полмиллиона сестерциев!

По нескольким причинам у меня от этой новости перед глазами возник красный туман.

— Если тебе это сказал Смаракт, женщина, то могу тебе заявить: он врет!

— Не будь дураком. Я никогда его не спрашивала.

— Хорошо. Это зависит от того, кого ты совратила. Если это его счетовод, то он хвастается, поэтому раздели сумму напополам. Если это его банкир, он проявляет осторожность, поэтому умножь сумму на два...

— Ни тот, ни другой. Поверь мне, я не собираюсь рисковать. Я прочитала его завещание.

— Ления, нет таких глубин, на которые не опустится хитрая женщина! — грустно заметил я.

* * *

Стратегический альянс с моим вредным домовладельцем мог быть лишь частью хитрого плана оборотистой Лени. Он положил глаз на ее прачечную, эту маленькую, но постоянно дающую доход золотую жилу, а она явно нацелилась на его внушительную недвижимость. Их совместная жизнь будет укрепляться острыми приступами жадности. Каждый будет ежедневно молиться своим богам, чтобы второй умер первым.

Многие браки существуют десятилетиями на подобной здоровой основе, поэтому я пожелал ей всего наилучшего.

— Он будет жить здесь, Фалько...

— Я думал, что он здесь уже живет.

— Я просто тебя предупреждаю.

— Мне плевать, на какое дерево испражняется эта мерзкая птица...

— Я не могу не пускать его в прачечную. Я подумала, что до свадьбы ты мог бы забрать из чана ту свою штуковину...

Самый первый серебряный слиток! Тот, который нашли на улице, а потом мы с Петронием спасли из банковской ячейки Сосии Камиллины. Я забыл о нем, забыли и все остальные...

Наша могучая Ления вытащила слиток из чана, и он сох под скопившейся за неделю отданной в стирку грязной бельевой мелочью из какого-то храма. Ления вытерла слиток митрой жреца, которая все еще пахла благовониями с прошлого четверга.

— Ты знаешь, что кто-то прикрепил к нему еще и список сдаваемого в стирку? — спросила Ления.

Мы с Петронием оставили веревку вокруг слитка. Теперь к веревке была прикреплена одна восковая табличка...

— О, боги!

Даже до того как я забрал табличку из распухших рук Ления, я знал, что это и от кого. Я вспомнил, как Ления говорила мне шесть месяцев назад: «Я дала ей пописать в чан для отбеливания, затем она написала записку наверху...»

Затем я также вспомнил, как Елена Юстина кричала на меня в первый вечер в Британии. «Она написала, что сообщила это вам...» И так и было. Восковая табличка — это достаточно официально, и может быть представлена в виде доказательства. Сосия Камиллина оставила мне список имен.

«Сосия Камиллина, дочь П. Камилла Метона, М. Дидию Фалько, частному информатору. В октябрьские иды, во время второго консульства Веспасиана Августа, в первый год его пребывания императором

Т. Флавий Домициан

Л. Ауфидий Крисп

Гн. Атий Пертинакс Карпений Марцелл

Т. Фауст Плаутий Ферентин

А. Куртий Гордиан

А. Куртий Лонгин

Кв. Корнелий Грацилий

Я называю этих людей в знак почтения к императору и преданности богам».

Вот они все. Все? Очевидно, все, за исключением одного. Перед последним предложением остался один пробел. Похоже, Сосия написала еще одно имя. Похоже, она его написала, а потом стерла тупой стороной пера то, что только что вывела по воску острой.

В этом деле, как я однажды сказал Елене, не может быть ни верности, ни доверия. Сосия Камиллина отличалась и тем, и другим. Вероятно, это было очень тяжелым грузом для шестнадцатилетней девушки.

* * *

Эта табличка ничего не доказывала. Просто семеро мужчин, которые знали друг друга. По виду это мог быть список приглашенных на ужин. Возможно, Сосия нашла такой список в доме, в котором побывала. Это была записка с указаниями чьему-то управляющему. Сосия тщательно скопировала имена...

Семеро мужчин, которые вполне могут сказать, что спокойно ужинали вместе, если мы бросим им вызов в суде. Хотя их истинная цель не станет менее зловещей из-за этого.

И кто же тогда организовывал эту мерзкую вечеринку?

Я уставился в пустое место, где остался след тупой части пера Сосии, стершего еще одно имя. Моя бедная Сосия оказалась связанной путами, которые не были моими. Если бы она сейчас стояла здесь, и смотрела на меня огромными, горящими готовностью глазами, которые я так хорошо помнил, я должен был бы сохранять ее тайну до конца. Но ее давно нет в живых. А мне все еще страстно хотелось отомстить за ее смерть.

В это дело был замешан еще один человек: кто-то, умеющий очень ловко исчезать из поля зрения. Я практически преднамеренно игнорировал очевидную связь. Поблагодарив Ленину, я подхватил слиток и стал тяжело подниматься наверх в свою коморку. Вскоре я снова спустился вниз в своей лучшей тоге, которая раньше принадлежала Фесту, и отправился выполнить необходимое дело на Палатинском холме.

К тому времени как я добрался до дворца, я пребывал уже в таком истеричном состоянии, что ожидал ареста преторианцами при одном только взгляде на меня. Было приятно обнаружить, что стража императора, очевидно, способна отличить настоящего наемного убийцу от возбужденного, но честного человека. Это успокаивало. Когда я попросил встречи с Титом, мне пришлось встретиться с несколькими чиновниками, ранг которых все время поднимался, пока меня не передали высокому худому секретарю. При взгляде на него создавалось впечатление, что у него не дрогнет ни одна красивая длинная ресница, даже если его теща застанет его занимающимся содомией с мясником у нее на заднем дворе. Он выслушал меня, потом усадил на стул. Я аккуратно сложил тогу на коленях, а он ушел во внутренние помещения.

Вышел Тит. Выглядел он великолепно. Он снова облачился в военную форму со всеми регалиями главнокомандующего в Иудее. Форме соответствовала уверенность и настроение ее обладателя. На полководце были декоративные доспехи и широкий плащ сочного пурпурного цвета, который окутывал торс героических пропорций. Тунику по всем краям украшали вышитые пальмовые листья. Недостаток роста героя компенсировался мускулистым телосложением. Он был готов отправиться в храм Исиды, где собирался провести торжественную ночь с отцом и братом перед завтрашним въездом в Рим. Победоносные римские полководцы поведут домой пленных и понесут блестящие трофеи.

Теперь меня одолевали сомнения. Мой клиент оделся так, чтобы служить моделью для официальных статуй, которые будут его прославлять на протяжении нескольких тысяч лет. Я не верил в силу церемоний, но понял, что пришел не в тот день.

Я встал. Я вручил Титу восковую табличку Сосии и почувствовал крепость его руки, когда он ее принимал. Он молча и напряженно уставился на имя Домициана, затем пробежал глазами остальной список.

— Спасибо, Фалько. Это полезно, но ничего нового...

Взгляд у Тита казался отстраненным, он мысленно уже находился в завтрашнем дне и предстоящих почестях. Но несмотря на это, в конце концов ему передалось мое возбуждение.

— Что?.. Ты считаешь, что это оно и есть?

Я показал на пробел.

— Господин, дочь Камилла Метона не была писарем. Она писала как ребенок и сильно надавливала пером. Я должен был показать вам список, но если вы согласитесь, ценой его уничтожения... — я сглотнул, потому что мне было нелегко уничтожить подарок Сосии Камиллины. — Если мы полностью расплавим воск, то вполне может оказаться, что на дереве таблички остались какие-то следы.

Тит внимательно посмотрел на меня. Его взгляд был таким же пронизывающим, как испанский меч.

— Недостающее имя все еще можно рассмотреть? — Тит Цезарь и в мирной жизни принимал решения как полководец. — Нам нечего терять!

Он крикнул своего тощего секретаря. Этот сутулый вампир пытался слегка рисоваться, но, тем не менее, наклонил табличку над пламенем, затем стал вертеть костлявым запястьем, чтобы капли воска падали в гравированную серебряную чашу, после чего отдал табличку назад с учтивым поклоном.

Тит бросил взгляд на поцарапанную поверхность, затем подал знак секретарю, чтобы тот исчез. Одно болезненное мгновение мы смотрели друг на друга. Затем Тит снова заговорил тихим голосом.

— Ну, Дидий Фалько, насколько ты хороший информатор? Хочешь сказать мне, до того как я тебе покажу табличку, чье имя по твоему мнению здесь значит?

* * *

Военный трибун, со знаками отличия, свидетельствующими о принадлежности ко второму рангу, вошел в приемную по какому-то официальному делу, связанному с триумфом. Его глаза горели, он обул лучшие сандалии, а броня была начищена до блеска. Он явно много времени провел в бане, начистив все — от коротко подстриженных ногтей на ногах до покрасневших юношеских ушей. Тит даже не взглянул на него.

— Вон! — приказал он почти вежливо, правда, трибун вылетел, не бросив больше ни одного взгляда на начальника.

* * *

Комната снова погрузилась в молчание. Тит и я... Тит продолжал держать табличку, которую я так и не видел.

У меня пересохло во рту. Я был средним информатором (слишком мечтательным и слишком осторожным, чтобы браться за поручения сомнительного характера — как раз те, за которые хорошо платят). Но все-таки я неплох. Раньше я поклялся себе никогда больше не связываться с правящими и влиятельными особами, тем не менее, снова предоставлял свои услуги своему городу и империи. Я никогда не приму божественности императора, но я уважал себя и хотел обеспечить получение денег.

Поэтому я сказал Титу Цезаря, на кого думаю.

— Это должен быть один из братьев Камиллов, Цезарь. Только я не уверен который.

Глава 54

Мы услышали, как снаружи собирается группа сопровождения. Тит прошел к дверному проему и сказал несколько слов. Шум стих, кто-то выставил стражу.

У меня так болел живот, словно я лишился кого-то из родственников.

* * *

Когда Тит вернулся, то предложил мне сесть и сам занял место на кушетке рядом, потом положил табличку между нами, стороной для письма вниз.

— Бедная девочка! О, Фалько, вся эта семья несчастна! Хотя подобное случалось и раньше. Пожалуйста, объясни мне, как ты пришел к таким выводам.

— Господин, после того, как хорошо подумаешь над всеми известными фактами, все становится ужасающе очевидным. Я вернусь

к началу. Случившееся с Сосией Камиллиной оказалось тесно связанным с первым обнаруженным в Риме слитком. Я всегда так думал. Возможно, Атий Пертинакс, занимая пост эдила в управлении претора, смог сообщить заговорщикам, где спрятан слиток. Но теперь я считаю, что они это уже знали. Определенно, кто-то близкий к Сосии понял, что она знает номер банковской ячейки. Поэтому самым быстрым способом в нее забраться было отвести туда саму девушку. Использовать головорезов, чтобы всех запутать и не дать ей никого узнать.

Тит кивнул.

— Что-то еще? — спросил он.

— Да. Как раз перед смертью Сосия написала письмо двоюродной сестре с сообщением, что опознала дом человека, который связан с похитившими ее людьми. Я считаю, что там она и обнаружила этот список. Дело в том, что в то время ради ее собственной безопасности после попытки похищения, она сидела дома, то есть в сенаторском доме. Хотя я не сомневаюсь, что когда бы она ни захотела, ей все еще дозволялся доступ в дом ее отца, расположенный по соседству.

Тит кивнул, неохотно принимая услышанное.

— Цезарь, с того самого момента, как я взялся за это дело для вас, кто-то очень близкий наблюдал за моими успехами и продвижением вперед и мешал на каждом повороте. Когда мы с Еленой Юстиной вернулись из Британии, после многомесячного отсутствия, кто-то знал достаточно, чтобы устроить нам засаду в самый первый день. На самом деле я послал сообщение о нашем приближении от Остийских ворот — семье Елены Юстины.

— И таким образом ты потерял письмо от друга Илария? — произнося эту фразу, Тит дружески улыбнулся. Честный Гай, славящийся педантичной преданностью тяжелой работе, часто заставлял людей улыбаться. Я тоже улыбнулся, но просто потому, что мне нравился этот человек.

— Вот именно. Я всегда предполагал, что два имени, которые Флавий Иларий отправил Веспасиану, — это Домициан и Пертинакс. Однако он отказывался мне их называть. Я был не прав. Маловероятно, что подрядчик с рудников Трифер понял бы, что в дело вовлечен ваш брат... Пертинакс, перевозчик, должен был быть одним из них, и Пертинакс был женат на собственной племяннице Гая. А

если предположить, что второй — еще более близкий родственник его жены? Это, вероятно, оказалось болезненно. Неудивительно, что Флавий Иларий решил отступить в сторону и позволить Веспасиану принимать решение.

Тит ничего не стал комментировать и осторожно спросил:

— А ты никогда не рассматривал вариант, что и Иларий может быть замешан в этом деле?

— Не после того, как я с ним познакомился!

Я рассказал Титу свою шутку про то, что в этом деле только государственные служащие оказываются честными. Он рассмеялся.

— Рыцари заслужили почестей, — воскликнул он, аплодируя среднему классу, затем добавил со всей серьезностью:

— Тебе самому следует подумать насчет более высокого разряда. Мой отец хочет пополнить списки достойными людьми.

— Имущественный ценз для второго разряда — это собственность стоимостью четыреста тысяч сестерциев.

Тит Цезарь не понимал, насколько смехотворно его замечание. В некоторые годы мой доход был таким низким, что я был вправе претендовать на пособие, выдаваемое беднякам пшеничной крупой. Проигнорировав шутку императорского сына, я напомнил, что на протяжении двадцати лет Флавий Иларий был другом Веспасиана.

— Фалько, грустный факт заключается в том, что когда человек становится императором, ему приходится по-новому смотреть на своих друзей.

— Когда человек становится императором, господин, его друзьям может потребоваться по-новому смотреть на него!

Он снова рассмеялся.

* * *

Недавно стихшие голоса за дверью снова зазвучали громче: кто-то что-то напряженно обсуждал. Тит смотрел в никуда.

— А Флавия Илария попросили повторить письмо? — спросил я.

— Мы отправили срочное сообщение, но из-за триумфа все передвижения замедлились. Ответ должен прийти в конце завтрашнего дня.

— А он вам все еще требуется?

Именно тогда он перевернул табличку Сосии, чтобы я сам мог прочитать, что там написано.

— Боюсь, что да, — сказал Тит.

На бледном дереве просматривалось несколько царапинок. Я догадался правильно: Сосия сильно нажимала на перо, когда писала. По всей поверхности выделялись четкие линии, петли, даже отдельные буквы.

Но было невозможно прочитать отсутствующее имя.

Глава 55

Тит Цезарь сложил руки на груди.

— На самом деле это ничего не меняет. Нам просто придется все выяснять самим. У тебя есть мысли насчет того, который из братьев?

— Нет, господин. Это может быть сенатор, который, как кажется, с такой готовностью оказывает содействие вашему отцу, но на самом деле делает это, чтобы иметь возможность мешать нашим усилиям. И с точно такой же вероятностью это может быть его брат, который так тесно сотрудничал с Атием Пертинаксом. Я предполагаю, что это даже могут быть оба.

— Фалько, а как давно у тебя зародились эти подозрения? — с любопытством спросил меня Тит.

— Цезарь, если вы хотите еще больше рассуждений, то я мог бы еще шесть месяцев назад вручить вам список с тысячью имен...

Руки Тита оставались сложенными на груди, но тут он выдал знаменитую улыбку Флавиев.

— И как ты сам относишься к вовлеченности к делу этой семьи? Ты ведь, очевидно, к ним привязан?

— Нет, Цезарь, — настаивал я.

Мы были на грани жаркого спора. Неудивительно, я в одно или другое время спорил и ссорился со всеми остальными людьми, связанными с этим делом. Но Тит, с его сильной сентиментальной жилкой, внезапно сдался. Он еще дальше закинул голову и воскликнул грустным голосом:

— О, Фалько! Как я все это ненавижу!

— Вы это ненавидите, — сказал я ему резко, — но вам придется с этим разбираться.

* * *

Снаружи снова слышались движения. В комнату вошел трибун, по возрасту немного старше первого, в форме, свидетельствующей о принадлежности к сенаторскому чину. Увидев, что мы с Титом беседуем, наклонившись друг к другу, он тихо встал у двери. Очевидно, ему очень доверяли, поэтому он не ожидал, что его сразу же выставят вон. Он явно считал, что завтрашний день важнее моих мелких интриг. Присутствие постороннего и его нежелание уходить напомнило Титу о предстоящих делах.

— Какие-то проблемы, господин? Домициан Цезарь уехал вперед, но ваш отец откладывает отъезд и ждет вас.

— Хорошо. Я иду.

Трибун ждал. Тит оставил его.

* * *

— Ты нам нужен, чтобы помочь опознать остающихся заговорщиков! — настаивал Тит, обращаясь ко мне. Я колебался. Я был слишком тесно связан с задействованными людьми, чтобы и дальше трезво оценивать ситуацию. Я понял, что он ожидал увидеть нежелание с моей стороны.

— Цезарь, теперь этим для вас могут заняться стражники. Я хотел бы порекомендовать вам одного капитана, который кое-что уже знает о деле. Его зовут Юлий Фронтин. Он заинтересовался делом, когда в Риме нашли первый слиток. Тогда он помог мне встать на правильный путь...

— Друг?

— Они вместе учились в школе с моим братом.

— А-а!

Общение с Цезарем проходило неприятно учтиво официально. От его хороших манер мне становилось плохо. Вместо того чтобы

сбежать, я чувствовал, как подпадаю под давление.

— Фалько, я не могу заставить тебя продолжать вести это дело, хотя хочу, чтобы именно ты продолжал им заниматься. Послушай, ты можешь отложить свое решение на день? Ничего не случится за следующие двадцать четыре часа. Весь Рим замрет. Завтра мой отец будет вручать подарки людям, которым платит. Ты определенно это заслужил. Ты вполне можешь воспользоваться возможностью! Тем временем мы оба подумаем, что делать. Приходи после триумфа, и поговорим.

Он встал, теперь готовый ответить на призыв подчиненного, тем не менее, меня он не торопил.

— Это люди не моего круга, — неловко заявил я ему. — Я могу скрутить голову или вора, бросить его к вашим ногам с петлей на шее, живого или мертвого, как вы захотите. А для этого дела я недостаточно ловок.

Тит Цезарь сардонически приподнял одну бровь.

— Маловероятно, что загнанный в угол предатель отреагирует в соответствии со строгим дворцовым этикетом. Дидий Фалько, мой отец получил письмо от Флавия Илария, который восторгается твоей физической выносливостью и умственными способностями. Он поет тебе дифирамбы на трех страницах первоклассного пергамента! Тебе удалось самому, в весьма суровых условиях разбираться со всеми, кто попадался на пути, когда это тебе подходило, тем не менее, тебя что-то не устраивает сейчас?

— Хорошо, господин. Я выполню условия контракта и найду того, кто организовал заговор...

— И найдешь серебряные слитки!

— Сосия Камиллина подозревала, где они находятся. Я считаю, что она была права.

— Переулок Ворсовщиков?

— Переулок Ворсовщиков.

— Фалько, я не могу больше держать своих людей в переулке Ворсовщиков! — теперь Тит был раздражен. — У них есть работа в других местах. Этот склад фактически разобрали и собрали заново, причем несколько раз. Стоимость содержимого серьезно осложняет работу ответственного офицера. Даме, которую ты представляешь, пообещали, что мои люди оставят содержимое...

— И пусть оставят, — предложил я с легкой улыбкой. — И позвольте мне сказать Елене Юстине, что ваши подчиненные с завтрашнего дня отозваны для выполнения других обязанностей. Завтра — день триумфа, и у них есть другие дела. Возможно, будет полезно дать этой новости погулять среди членов семьи...

Я не стал объяснять зачем, но, как и другие умные люди, Тит наслаждался разговором, во время которого ему требовалось напрягать умственные способности.

— Ничего не случится, пока мои солдаты сидят на слитках? Согласен. Можешь сказать Елене Юстине, что склад открыт. Я попрошу преторианцев время от времени тайно его осматривать. Но, Фалько, я полагаюсь на тебя!

* * *

Я вышел из дворца с северной стороны и спустился к Форуму по склону Победы. Все улицы, которые обычно в это позднее время были погружены во тьму, освещались многочисленными мигающими факелами. Нечетко различимые в их свете фигуры украшали гирляндами портики. Бригады муниципальных подрядчиков строили временные трибуны. В канавах постоянно что-то булькало — грязь и строительный мусор несло от одного острова к другому. Отряд за отрядом солдат маршировали мимо на большой смотр на Марсовом поле. Граждане, которые обычно запирались в своих лавках и домах после наступления темноты, группами маячили на улице в ожидании. Город уже гудел.

* * *

Я отправил одного из племянников с запиской к Елене Юстине, сообщил, что специи теперь принадлежат ей, но я больше не могу сопровождать ее при осмотре склада, как она хотела. Я не объяснял почему. К тому времени, как мне станет стыдно от нарушения обещания, она поймет, почему я это сделал. А пока она подумает, будто я решил ее избегать.

Возможно, мне следовало ее избегать. Я никогда раньше не писал Елене. Теперь я, вероятно, никогда этого больше не сделаю. Несомненно, после того как она узнает, что я сделал на Палатинском холме, почтенная Елена Юстина сама захочет меня избегать.

Я велел племяннику дожидаться ответа. Но его не последовало.

* * *

В тот вечер я навестил Петрония у него дома. Его жена, которая и так в самые лучшие дни смотрит на меня мрачно, совсем не обрадовалась. Она хотела, чтобы Петроний провел время с детьми, в виде компенсации за потерянные часы во время всеобщего праздника, когда ему придется следить за лавочниками на Остийской дороге.

Я рассказал другу о том, что, по моему мнению, должно произойти в ближайшее время, и он обещал вместе со мной вести наблюдение за складом, как только я подам ему сигнал. Когда я уходил, он стоял на четвереньках и изображал слона, на котором катались три маленькие девочки. Перед моим уходом жена Петрония вручила мне кровяную колбасу. Думаю, это была благодарность за то, что я оставил их в покое.

Мне хотелось выпить. К счастью для жены Петрония, я придерживаюсь философии, что напиваться можно в любой момент ведения дела, но только не когда ты, наконец, узнаешь, кого ищешь.

Отправляясь во дворец, я думал, что все закончилось. Самые ненавистные дела, как кажется, не заканчиваются никогда.

Глава 56

Я взял всех сестер и дюжину маленьких детей наблюдать за триумфом Веспасиана. Только за одно это моя душа заслужила спокойного отдыха на Элисийских полях.

* * *

Мне удалось пропустить скучный марш консулов и сенаторов по простой причине — я проспал. (Даже когда город гудит от возбуждения, на шестом этаже можно спокойно спать, словно голубиное яичко в гнездышке, свитом на каменной сосне.) На Марсовом поле для парада выстроилась армия, Веспасиан с Титом заняли места на тронах из слоновой кости в портике Октавии, чтобы принимать парад. Когда крики солдат донеслись до небес, даже самый большой соня на Авентине вскочил с кровати. Пока император с приближенным завтракал под Триумфальной аркой, я достал праздничную тунику, спокойно полил цветы на балконе и расчесал волосы. Напевая себе под нос, я оправился в северную часть города и, пройдя под украшенными гирляндами арками, оказался среди шумной толпы.

День был хорошим, теплым и солнечным, торжественность ощущалась даже в воздухе. Это оказался плохой день для тех, кто страдает бурситом большого пальца стопы. Когда я, наконец, подошел к трибунам, остались только стоячие места. Все храмы открыли двери, а бани закрыли. На тысячах алтарей курился фимиам, и его запах смешивался с запахом пота полумиллиона человек, которые надели праздничные одежды и весь день не имели возможности помыться. Если не считать парочки преданных делу воров-взломщиков, которые проскальзывали по пустым переулкам с неприметными мешками награбленного добра, все, кто не участвовал в процессии, за ней наблюдали. Вдоль пути прохождения процессии собралось столько зевак, что марширующие продвигались вперед крайне медленно, словно ползком.

Мужу моей сестры Мико (штукатуру) тоже нашлось дело. Как только рассвело, его отправили строить помост для одной нашей семьи перед частным домом одного ничего не подозревающего гражданина. Вся семья Дидиев устроилась на больших плетеных корзинах с крышками, в шляпах я полями, которые носят сельские жители. Все наше семейство поедало сочные дыни, запивая их прихваченным с собой вином, и было готово дать отпор каждому, кто помешает. Заметившие их солдаты эдила взяли по куску предложенной дыни, затем отправились прочь, даже не пытаясь разрушить помост.

К счастью, к тому времени как я прибыл на место, сенаторы уже прошли, мимо нас теперь несли трубы и рожки. Их пасти, изрыгающие

звуки, находились на одном уровне с нашими головами. Викторина и Алия стали меня ругать. Остальные члены семьи заткнули уши, спасаясь от шума труб и рожков, и решили не напрягать голосовые связки жалобами на мое опоздание.

— Вы помните тот триумф в честь завоевания Британии, когда слоны императора испугали Марка так, что его стошнило? — занялась воспоминаниями Викторина, когда в рядах трубачей на мгновение образовался проем. Говорила она очень громким голосом.

Это не имело никакого отношения к слонам. Мне было семь лет. Я сидел, скрестив ноги, на земле перед подносом с персидскими засахаренными фруктами, который стоял в тени. Из триумфа в честь завоевания Британии я видел только ноги людей. За день я сжевал три фунта жареных фиников, обваленных в меду, губы у меня разъело, живот разболелся и решил устроить мятеж. Я слонов даже не увидел...

Майя бросила мне шляпу. Из всех моих сестер Майя особенно добра ко мне. Было только одно исключение. Именно Майя внедрила в нашу семью моего зятя Фамию. Этот Фамия — ветеринар, лечит лошадей, впрягаемых в гоночные колесницы, причем из команды зеленых. Я посчитал бы его бездарной посредственностью, даже если бы не был активным болельщиком голубых. На самом деле мне не нравились мужья всех моих сестер, и это была одна из причин моей нелюбви к семейным сборищам. Я не считаю, что праздничный день нужно проводить, демонстрируя любезность идиотам и конченным типам. Если не считать мужа Галлы, которого она временно выбросила в кучу мусора, эти презренные и жалкие типы на протяжении всего дня только приходили и уходили. Меня утешало только то, что их жены относились к ним еще более язвительно, чем ко мне.

И это был долгий день. После прохода трубачей, нам демонстрировали военные трофеи. Тит был прав: ничего подобного никто никогда в мире не видел. Прошел год после захвата трона Веспасианом и шесть месяцев после того, как сам Тит вернулся домой. Прошло достаточно времени, чтобы дворец организовал зрелище, и он его организовал. Час за часом нам представляли, как проходила Иудейская кампания Веспасиана. Мы видели пустыни и реки, захваченные города и горящие деревни, армии, проходящие по раскаленным долинам, осадные орудия, которые придумал сам Веспасиан. Все это было нарисовано яркими красками на парусине,

натянутой на щитах высотой в три или четыре этажа, и проплывало мимо нас. Затем среди болезненного скрипа колес и запаха свежей краски, трескавшейся на солнце, по улицам поплыли корабли с нарисованными веслами. Они вздымались вверх и опускались вниз, словно носы настоящих кораблей. Корабли мне понравились больше всего. Плавание по сухой земле казалось мне идеальным.

Шествие продолжалось. Ряд за рядом от Марсова поля шли носильщики в праздничных одеждах и лавровых венках. Их путь пролегал мимо театров, где толпы расположились на наружных стенах, сквозь Бычий рынок, вокруг цирка, между Палатином и Целием, затем на Форум по Священной дороге. Они несли знамена и полотнища в богатом вавилонском стиле, нарисованные прекрасными художниками или украшенные вышивкой с драгоценными камнями. В паланкинах качались статуи самых почитаемых богов города в праздничных одеждах. Тоннами несли сокровища, причем в таком количестве, что они становились практически бессмысленными. Там были не только золото и драгоценные камни, извлеченные из обломков разгромленного Иерусалима, но и бесценные сокровища, полученные при помощи суровой дипломатии по приказу Веспасиана из городов в богатейших уголках мира. Отдельные драгоценные камни горами лежали на носилках — грудями, без разбора по сортам, словно все рудники Индии вдруг одновременно изрыгнули ночью свои драгоценности: оникс и полосчатый халцедон, аметисты и агаты, изумруды, яшма, гранат, сапфиры и лазурит. За ними последовали золотые короны покоренных царей, небрежно сложенные горками на носилках, в солнечных лучах блестели диадемы и бросали лучи во все стороны. Короны украшали гигантские рубины и жемчужины. Золото засверкало так, что, казалось, расплавленный металл медленно и неторопливо тек с героической экстравагантностью к Капитолию, извиваясь.

Я помню, что после полудня шум стал стихать, но не потому, что люди охрипли (хотя на самом деле охрипли) или утратили интерес (они не утратили), а потому, что толпы больше не могли смотреть на все это великолепие империи, которое в начале и вызывало восторженные крики. Казалось, что аплодисментов уже недостаточно. В то же самое время бесконечные марширующие ноги шли мимо с нарастающей гордостью. Подходил самый важный момент, основная

часть процессии — сокровища из священного Иерусалимского храма — странный семисвечник, золотой стол весом в несколько центнеров, и пять свитков Торы.

— Здесь следовало бы быть Фесту, — захныкала Галла, и все мои родственники шмыгнули носами. (Все емкости с вином уже успели опустеть.)

* * *

Похоже, возникла пауза. Мы с Майей спустили всех детей на землю и повели их к ближайшей общественной уборной. Затем мы привели их назад и напоили, чтобы малыши не умерли от обезвоживания и возбуждения.

— Дядя Марк! А вон тот дядя запустил руку тете под тунику, — сказала Марция.

Какой наблюдательный ребенок! Подобные вызывающие смущение случаи происходили весь день. Марина, мать моей племянницы, ничего не сказала. Она уже устала от постоянных неприличных восклицаний Марции и поэтому редко что-то говорила.

— Наверное, хочет залезть ей в карман и что-то украсть, — беззаботно ответил я.

Майя взорвалась.

— Боги, Марк, ты бы хоть постыдился!

* * *

Жрецы и юноши вели на малиновых поводках ослепительно белых жертвенных животных с гирляндами цветов вокруг рогов. Их сопровождали флейтисты в клубах фимиама, рядом крутились танцовщики, ловко выбирая место, где оно вообще было. Они делали сальто и крутили колесо. Мальчики-прислужники несли золотые кадила и все необходимое для жертвоприношений.

— Дядя Марк, вон тот дядя там! Тот дядя, который воняет!

Лицо в толпе. Нет, запах.

Я увидел его, как только она закричала. Он стоял у колонны портика на другой стороне улицы. У него было вытянутое лицо, болезненная кожа и тонкие отвратительные волосы. Забыть или перепутать эту физиономию было невозможно. Виночерпий, которого я обнаружил в своей комнате после возвращения из Британии. Наконец до меня дошло, что никакого совпадения в том, что во время моего отсутствия Смаракт нашел нового жильца, не было. Этот вонючий кусок дерьма специально туда поместили, чтобы следить за мной. И он продолжал за мной следить. Я снял ребенка с плеч и прошептал Майе, что оставляю ее за старшую, пока схожу переговорить с одним знакомым насчет скачек. Он должен мне подсказать, на кого ставить.

Не думаю, что наша Майя когда-либо меня простила. Я ведь так и не вернулся.

Глава 57

Я пересек улицу под ногами первых рядов пленных из Иудеи. Семьсот пленных специально выбрали из-за их впечатляющей внешности для доставки за море и демонстрации Титом во время парада победы. Их одели в дорогие одежды, чтобы скрыть синяки, которые оставили на их телах солдаты во время путешествия. Перебираясь на другую сторону улицы до того, как они меня раздавят, я почувствовал их страх. Они, вероятно, слышали, что перед совершением жертвоприношения на Капитолийском холме, император сделает перерыв до того, как придет сообщение о ритуальной казни его врагов в Мамертинской тюрьме. Эти несчастные парни не знали, что виселица ждет не всех семьсот пленных, а только одного главаря их восстания.

На сегодня для удушения был выбран некий Симон, сын Гиора. Охрана пленников яростно замахнулась на меня, когда я перебежал дорогу прямо перед ними. Они явно уже готовились бить Симона по почкам, вытягивая его из строя у лестницы Стонов на склоне Капитолийского холма. Я едва успел увернуться и в целостности и сохранности добраться до противоположной стороны. Виночерпий

меня заметил и уже протискивался сквозь толпу по направлению к Священной дороге. Несмотря на то, что улица была забита людьми, ему не представляло труда убедить людей расступиться. У меня не было преимущества личной вони, поэтому моя задача оказалась сложнее, но раздражение от этого грязного дела придавало мне сил. Я нещадно расталкивал людей локтями, чтобы не мешали.

Я следовал за ним по всей улице, идущей на север, в тени здания, которое мы называем Верхним дворцом, по территории, прилегающей к Золотому дворцу Нерона. Мы оказались на Священной дороге. На углу у храма Весты, с тростниковой крышей и решетками, толпы, вытягивающие шеи в ожидании Веспасиана и Тита, стояли так плотно, что моя дичь могла повернуть только в одну сторону — на Форум с южной стороны. Когда нас догнали марширующие пленные, мы оказались прижатыми спинами к общественным зданиям. Теперь нам обоим приходилось прилагать огромные усилия. Продвигаться вперед можно было только одним единственным способом — при движении толпы, словно последний обед внутри тела змеи.

Надежды спрятаться не было, так как время от времени виночерпий с беспокойством оглядывался назад. Он пролетел мимо фасада Юлианского суда, я весь в поту следовал за ним. Я слышал, как продолжает идти процессия и чеканят шаг двадцать четыре ликтора, сопровождающие императора. Предположительно, все они облачились в красные туники и несли на плечах пучки прутьев, хотя оставались скрытыми от меня давящими толпами. Теперь приближался сам Веспасиан. Возбуждение нарастало, а с ним и мое отчаяние. Я старался пробираться вперед, тем не менее, делать что-либо, кроме как стоять спокойно и аплодировать Веспасиану, как все остальные, было практически невозможно. У храма Сатурна я совсем отстал от виночерпия, а когда повернулся, отвлеченный грохотом императорской колесницы, наконец в последний раз потерял его из вида. Я позволил ему уйти. Жизнь мне слишком дорога, чтобы ее терять. Я старался удержаться на ногах и оказался на ступенях, практически в том самом месте, где стоял в летний день, когда ко мне подбежала Сосия Камиллина, и все это началось.

И теперь я тоже стоял там, сдавленный со всех сторон так, что мне стало трудно дышать, пока император, в которого она так свято верила, ехал в колеснице на встречу с Сенатом в храме Юпитера, для

празднования победы. Он был героем города и собирался совершать жертвоприношения в честь мира и процветания Рима в роли главного жреца. Четверка сильных белых коней тянула внушительную колесницу мимо благодарно кричащих толп. Старик стоял в украшенных богатой вышивкой одеждах, под золотым дубовым венком, который держали у него над головой. Это была корона Юпитера, слишком тяжелая, чтобы ее носил смертный. На крепком плече лежала лавровая ветвь, которую Веспасиан положит на колени богов на Капитолийском холме. В твердой руке он держал традиционный скипетр из слоновой кости с взлетающим орлом. Раб, задачей которого было напоминание о бессмертии императора, похоже, сдался. (Раб должен был восклицать: «Помни, что ты — человек!», когда воины пели хвалебные песни. Это делалось с целью магической защиты триумфатора, но в этом сейчас не было смысла.) Веспасиан был мрачным старым циником. Он знал, как обстоят дела на самом деле.

Золоченая триумфальная колесница медленно прогрохотала мимо. Как сам Веспасиан скажет в дальнейшем, чувствовал он себя в эти минуты глупо, к тому же сожалел о потраченном дне на этот бесконечно ползущий парад. Я не выкрикивал приветствий, но не смог удержаться от смеха.

За Веспасианом следовал Тит. Он ехал во второй огромной колеснице и выглядел так, словно у него сейчас разорвется сердце. Наконец появился Домициан, младший сын, красавец на гарцующем белом коне.

Они это сделали. Они были здесь. Трое провинциалов сабинян, о которых никто никогда не слышал до прошлого года. Им повезло, они проявили доблесть и сделали себя правящей династией Рима.

* * *

Я отвернулся. За тремя Флавиями теперь маршировала основная масса армии: ряд за рядом несли штандарты, шли трубачи, офицеры с жезлами с высокими малиновыми гребнями на шлемах, авгуры, инженеры, затем бесконечные ряды пехотинцев, выстроившихся по шесть в ряд. Сейчас им было легко шагать по городу, но именно этот

шаг помог легионам без усилий пройти по миру. Следовала когорта за когортой солдат регулярной армии. За ними выстроились экзотические вспомогательные части — темнолицые лучники в блестящих чешуйчатых доспехах на быстрых лошадках, затем более тяжелая кавалерия, выглядящая сегодня зловеще в золоченых масках, украшенных драгоценными камнями. Маски ничего не выражали, когда кавалеристы одновременно поднимали украшенные перьями копыя.

Требовалось долго ждать, пока император взберется на лестницу Стонов на коленях, потом была новая отсрочка, пока он проводил официальное жертвоприношение в храме Юпитера на Капитолийском холме. Вернуться тем путем, которым я пришел, будет невозможно еще на протяжении часа. Я решил обойти Палатин по кругу и пробираться к остальным вдоль Целия. Это также позволит, не привлекая внимания, проверить кое-какие объекты по пути.

Я следовал вдоль большого сточного канала, построенного пятьсот лет назад, чтобы осушить болота вокруг Форума и прибрежной части Авентина. Вскоре дорога привела меня к рынкам специй, где я натолкнулся на стражника, охраняющего люк, у которого ежедневно продолжали трудиться рабочие, что-то делающие с трубами под переулком Ворсовщиков. Сегодня они отсутствовали. Во всеобщий праздник никто не работает, только иногда стражники что-то охраняют, если хотят найти какое-то тихое место, где можно выпить. Этот стражник уже осушил один бурдюк и вздремнул, чтобы набраться сил для следующего.

Пока ничего неожиданного. Тем не менее в конце переулка я заметил девушку, которая показалась мне знакомой.

— Наисса? — это была служанка Елены Юстины, которую она постоянно где-то оставляла.

В честь этого торжественного дня Наисса использовала позаимствованную у госпожи косметику. Она красилась при плохом освещении, поэтому при ярком солнечном свете окончательный результат не подчеркивал черты лица нужными цветами. Выглядело это ужасно неестественно.

— Где твоя госпожа, девушка? — с беспокойством спросил я.

— На складе своего свекра. Я побоялась идти дальше. Она велела мне ждать здесь.

— Это же склад, в нем нет ничего зловещего. Тебе следовало пойти с ней!

— Что мне теперь делать? — нервно спросила Наисса, округляя фантастически накрашенные глаза.

— То, что она тебе сказала, Наисса! — велел я без особого сочувствия, пока судорожно размышлял.

Вчера я поставил Елену Юстину в известность, что не могу пойти на склад. Я знал, что должен отказаться от теперешнего плана. Мне очень хотелось ее увидеть, но я себе этого не позволил. Я теперь принял как факт, что по крайней мере, один из ее близких родственников замешан в плане заговорщиков, и мне было трудно смотреть ей в глаза. И все же я постоянно помнил, что Сосию убили именно на складе. Оставить Елену одну было еще труднее.

— Вы Дидий Фалько? — спросила Наисса, у нее в глазах мелькнуло узнавание. Я остановился. — Она велела мне отправиться к вам домой с этим...

Девушка протягивала мне что-то, завернутое в шарф. Как только вещь оказалась у меня в руке, вес показался знакомым.

— А она что-то передавала на словах?

— Нет, господин.

Я уже понял, что происходит что-то серьезное.

— Возвращайся назад и смотри шествие с семьей, — сказал я служанке напряженным тоном. — Скажи матери Елены Юстины так осторожно, как только можешь, что теперь твоя госпожа находится со мной. Ее отец должен присутствовать при жертвоприношении, но нет необходимости пока его беспокоить. Но если Елена не появится ко времени праздничного ужина, тут же отправляйся к сенатору и сообщи, где мы.

Я снова быстро зашагал и теперь я следовал по переулку Ворсовщиков. По пути я развернул шарф Елены.

В моей руке оказался браслет из британского гагата, сделанный в форме сжимающихся китовых зубов. Этот браслет мне когда-то подарила Сосия Камиллина, и его у меня украли на ступенях сенаторского дома.

Иногда дело состоит из последовательности фактов, которые ведут тебя от одного к другому в логической последовательности. При помощи них информатор, имеющий хоть немного мозгов, способен сам выполнить всю работу, в своем темпе. Иногда все происходит иначе. Все, что вы можете делать, — это помешивать трясину, затем собирать куски мусора, которые всплывают на поверхность, пока сам стоишь на берегу и ждешь, пока покажется какая-нибудь гнилая реликвия, имеющая смысл. Теперь кое-что показалось, но проблема заключалась только в том, что болото расшевелила Елена. Но если Елена нашла этот браслет там, где Сосия обнаружила список имен, это имело смысл. И это означало, что Елена Юстина теперь знает, кто последний заговорщик.

Чтобы сберечь браслет, я прикрепил его к своему ремню.

* * *

Когда я зашел в переулок, заметил, что кое-что изменилось, кое-что нет. Буйно разросшиеся сорняки качались у разрушающихся дверных косяков, грибок на которых напоминал креветочную икру. Чуть дальше ярко блестели новые цепи висячих замков на новых дверях явно каких-то контор. Вероятно, в этом месте право собственности постоянно переходит из рук в руки, и перемены отражают коммерческие бури, пусть то зарождаемые в океане богами в плохом настроении, или создаваемые в торговом городе спекулянтами.

С внешней стороны склада Марцелла я не заметил особых перемен. Сломанный фургон, который стоял на подъездной дорожке и который я помнил по предыдущим посещениям, отодвинули на пару ярдов. Я удивился, что его вообще можно было подвинуть. Я обратил на это внимание, потому что на том месте, где раньше находился фургон, очевидно, оставленный на вечное гниение, стал заметен люк с открытой крышкой. Ворота во двор были закрыты, но не заперты. Я поспешно зашел внутрь.

Когда я приходил сюда искать Сосию, склад Марцелла выглядел почти заброшенным. С тех пор морские пути, связывающие Рим с Александрией, снова открылись, и видимо, несколько трирем, нагруженных до предела, прибыли к Пертинаксу, пока он все еще был

жив и занимался торговлей. Судя по всему, теперь склад работал. У одной стены во дворе стоял ряд повозок, а при приближении к двери склада, я уловил другой запах, пока мне оставалось пройти еще пять шагов. Во внешнем замке кто-то оставил большой ключ. Двенадцатифутовая дверь поддавалась со скрипом. Мне пришлось надавить на нее всем телом, чтобы этот монстр раскрылся.

Ну и место! Теперь, когда Пертинакс и его партнер Камилл Метон снова им пользовались, атмосфера стала магической. Но мертвая тишина подсказала мне, что там никого нет.

Склад перца представлял собой квадратное, забитое товаром помещение с высоким потолком, тускло освещавшееся сверху. Даже теперь оно было заполнено меньше, чем наполовину, но в этот теплый день различные ароматы специй внутри ударили в меня, словно пар из плотно закрываемой парилки в бане. После того как я смог сфокусировать взгляд в странном свете, я рассмотрел стеклянные сосуды с корнем имбиря, которые рядами стояли на затененных полках, словно статуи фараонов вдоль дороги к гробницам в каком-то тихом городе мертвых. Мешки были свалены в центре на полу и забиты гвоздикой, кориандром, кардамоном и корицей. Вдоль одной целой стены шли деревянные столы, на которых находились различные виды перченого зерна — черного, белого и зеленого. Я почти неосознанно запустил руку по локоть в один из мешков и извлек из него пригоршню, которую опустил в карман. Ее стоимость равнялась моему годовому заработку.

Елены нигде не было видно. Я пошел прямо вперед вдоль длинного ряда корзин и бочонков в дальний конец здания, затем вернулся. У меня стали слегка слезиться глаза. Я стоял в этом спертom воздухе из ароматов и чувствовал, как тону в лечебном бальзаме.

— Елена! — позвал я негромко. Я подождал, напрягаясь, чтобы обнаружить ее присутствие, но мог сказать, что ее здесь нет. — Елена...

* * *

Я вышел во двор на солнечный свет. Кто-то здесь был и оставил ключ. Этот кто-то собирался вернуться.

Во дворе никого не оказалось. Я снова посмотрел на ряд выставленных повозок. Они выглядели весьма внушительно. Обычно специи перевозят в корзинах на вьючных животных, как правило, мулах. Я зашагал к воротам. Наисса ушла, а больше ничего не изменилось. Я отправился назад, туда, где стражник только что проснулся и смотрел на меня счастливым затуманенным взором.

— Я ищу девушку.

— Удачи вам, господин!

К этому времени он уже любил весь мир. Он настаивал, чтобы я разделил с ним следующую бутылку, поэтому я уселся рядом, решая, что делать дальше. Делить с ним бутылку означало делить с ним компанию. И то, и другое объясняло, почему стражник пил один, поскольку его общество было невыносимо, а вино еще хуже. Казалось, что вино его отрезвляет, поэтому, чтобы перестать думать об этом скучном типе и мерзком привкусе у меня рту, я спросил у стражника, как идет работа по очистке канализации. Мне не следовало этого делать. Выяснилось, что это самоуверенный и упрямый оратор, он с мрачным видом начал речь с рассуждений о некомпетентности эдилов, которые отвечают за общественные работы. Он был прав. Но от этого мне не захотелось слушать его мнение. Я прожевал перечное зерно и отругал себя.

— Эта работа продолжается почти год. Почему так долго?

Если бы я был удачливым человеком, то он ответил бы только, что он просто стражник и не представляет почему. Но люди, которые читают вам лекции о местном управлении, никогда не бывают честными и никогда не говорят кратко. Он заплетающимся языком прочитал мне трактат об искусстве поддержании канализации в рабочем состоянии, с очень большими неточностями в плане инженерных работ. А после того как он принялся рисовать схемы в пыли, слушать его стало просто невыносимого. Правда, я выяснил, что залатанные трещины постоянно появляются вновь, работа доставляла много хлопот. Основная проблема была в двухстах ярдах под переулком Ворсовщиков. Никто из уважающих себя владельцев не позволял перекопать свои дворы, поэтому приходилось мешать бетон здесь, а потом спускать его в корзинах под землю...

— Неужели нельзя воспользоваться люком поближе? — спросил я.

Он ответил с логикой истинно пьяного, что такого там нет.

— Спасибо! — воскликнул я и пониже надвинул на лицо шляпу, подаренную сестрой Майей.

Даже не двигаясь с места, я знал, что нашел серебряные слитки.

* * *

Мы лежали на земле рядом друг с другом — безнадежный пьяница с полуобнаженным животом и его случайный собеседник, прикрывший лицо шляпой с полями. Я переваривал мысль. Почему-то я совсем не удивился, услышав приближение быстрых шагов с основной улицы. Шаги проследовали мимо нас дальше по переулку. Я чуть-чуть приподнял шляпу Майи с носа — и увидел мужчину. Я его узнал. Он вошел в ворота склада.

* * *

Мне едва хватило времени, чтобы пробежать по переулку и вскочить в повозку. Там я прижался ко дну, до того как мужчина вылетел наружу, словно взорвавшийся стручок люпина. Вероятно, он обнаружил тот же ключ, что и я, который так и остался в замке. Я прижимался ко дну повозки и слышал, как он идет прямо к ложному люку, который был спрятан под развалившимся фургоном, пока его не сдвинули с места. Похоже, он остановился и прислушался. Я пытался не дышать. Я услышал, как зажглась серная спичка, и встал на железную лестницу. Я, словно краб, выскользнул на землю и приблизился к люку. Я специально держался на некотором расстоянии, чтобы на спускающегося человека не упала моя тень. Я оставался в стороне, пока слабый звук его шагов не перестал отдаваться звоном от лестницы, затем подождал еще несколько секунд на случай, что он посмотрит вверх после того, как доберется до низа.

Никого не было видно. Я подбежал к люку и сам стал спускаться по лестнице, тихо опуская ступни на металлические перекладки.

Вскоре я очутился в маленьком помещении, которого едва хватало, чтобы развернуться. Из него шел коридором проход,

проложенный под огибающей двор стеной. Проход оказался достаточно высоким, чтобы идти, не пригибаясь к полу. Все поверхности тщательно покрыли известковым раствором, было почти сухо. Из люка проникал свет — можно было добраться до тяжелой открытой двери, где я и остался в темноте прохода, чтобы понаблюдать за человеком, за которым я следил. Он разговаривал с Еленой. Это был младший из братьев Камиллов, ее дядя Публий.

Но я до сих пор не знал, пришел ли он как негодяй, желающий обезопасить свои трофеи, или, как и я, он был просто любопытным ни в чем не виноватом гражданином.

Глава 59

И Публий, и Елена держали по светильнику. За этими небольшими источниками света, которые бросали блики на их лица, делая их болезненными и словно полупрозрачными, маячила черная прямоугольная масса.

— Значит, ты здесь! — воскликнул Камилл Метон с легким удивлением человека, который считал, что молодая женщина захочет посмотреть триумф. Судя по акустике, я решил, что они находятся в небольшом помещении, причем чем-то заполненном. — Я тебя напугал?

Ни один из них не казался особенно испуганным. Это я испугался, даже слышал стук своего сердца. В груди kloкотало, как kloкочет вода, попавшая в воздушную пробку в узкой бронзовой водопроводной трубе.

Елена Юстина стояла в подземном помещении почти неподвижно, словно погрузилась в глубокие размышления. Вероятно, она слышала шаги дяди, но не выказала никакого удивления. Она обратилась к нему весело, как к любому родственнику.

— Ты только посмотри на это! Этот склад шафрана хорошо хранит секреты. Я думала, нашли ли его солдаты. Очевидно, нет!

— Ты знала про это место? Тебя сюда приводил Пертинакс?

— Несколько раз, чтобы показать мне духи. Конечно, тогда мы были женаты. Он хвастался передо мной сухим погребом с потайной дверью, где запирали самые дорогие специи. Такая простая уловка —

сделать вход снаружи. Я ему не верила, когда он говорил, что это надежно... Я нашла и другие лампы...

Она начала их зажигать, затем они оба устали в стену.

Там оказалась низкая ниша с полками из необработанного камня, на них стояли керамические и стеклянные сосуды, как эликсиры у аптекаря. Здесь кроме сухих цветков вифинского шафрана, в честь которого и назвали склеп, Пертинакс и Публий Метон хранили ценные ароматические масла. В этом подземном хранилище масла находились в безопасности от обложения акцизным сбором и от загребущих рук работников склада. Запах шафрана не чувствовался из-за более концентрированных ароматов духов, которые наводняли небольшое закрытое помещение. Но Елена с дядей не замечали этих запахов. Большую часть пола занимал темный куб, высотой достигающий до груди взрослого человека. При виде него в душе бывшего раба с серебряных рудников все похолодело. Серебряные слитки стояли во мраке ровными рядами, одинаковые, плотно прилегающие друг к другу, словно куски торфа в стене, построенной военными.

* * *

Я видел, как Камилл Метон наблюдает за своей племянницей.

— Фалько с тобой?

— Нет, — ответила она кратко.

Метон хохотнул с намеком, против которого я возражал.

— Отверг тебя?

Елена проигнорировала замечание.

— Плата за империю! — восхитилась она в своем старом горьком стиле. — Фалько захотелось бы взглянуть на эти слитки. Как жаль, что он обнаружил правду! Три четверти этих внушающих суеверный страх трофеев больше вообще не содержат серебра.

— Умный старина Фалько! — тихо сказал Публий. — Не могу представить преторианцев, стучащих в виллы в Помпее и Ополонии на берегу моря и пытающихся по дешевке продать недорогие свинцовые водопроводные трубы! — он казался более уверенным, чем я помнил его по прошлым встречам. — А что ты здесь делала в одиночестве, когда я пришел?

— Думала, — судя по голосу, ей было грустно, — думала о Сосии. Не в этом ли склепе она умерла? Она знала, что он здесь есть. Один раз она тут побывала вместе со мной и Гнеем. Она могла прийти, зная про это потайное место...

Отец Сосии поставил свой светильник на полку одним резким движением и сложил руки на груди. Лицо его прорезали глубокие морщины. Он с мрачным видом обводил взглядом помещение.

— Слишком поздно, чтобы это имело какое-то значение! — заявил он натянутым голосом.

Он хотел ее остановить. Ради себя самого, как и я. Он не мог здесь оставаться и смотреть фактам в лицо. Его голос охрип, как на похоронах Сосии, словно он все еще страдал, словно хотел не думать о ее смерти и резко отталкивал всех, кто ему о ней напоминал.

Елена вздохнула.

— «Честная, почтительная, обязательная и преданная долгу». Отец читал мне твой панегирик. Он был так подавлен...

— Он справляется! — резко ответил Публий.

— Не так хорошо, как раньше. Недавно отец сказал мне, что чувствует себя так, словно тонет в водовороте. Теперь, увидев это, я понимаю.

— Что? — я заметил, как Публий резко поднял голову.

— Разве это не очевидно? — спросила Елена Юстина почти нетерпеливо, но с ноткой горечи. Она расправила плечи, потом объявила натянутым тоном, который я слышал от нее, только когда она чувствовала себя оскорбленной мною до глубины души:

— Пертинакс мог предоставить склад с потайным склепом, но у него не было мозгов для придумывания такого хитрого, дьявольского заговора. Я предполагаю, что все это организовал мой отец.

* * *

Когда она гневно показала на ряды слитков, Камилл Метон пристально посмотрел на нее. И он, и я раздумывали над последствиями ее предположения. Если в Риме случается скандал, то никому из семьи не удастся избежать последствий. Еще не рожденные поколения, о которых судят по чести их предков, уже обречены этим

деянием против государства. Обесчещенный сенатор потянет за собой вниз всех своих родственников. Потеря им чести влияет на уважаемых и невиновных, включая брата и сыновей. Публий будет страдать всегда, словно обезображенный шрамами. Добрый и щедрый парень, с которым я познакомился в Германии, когда путешествовал вместе с Еленой, обнаружит, что его карьера закончилась, даже толком не начавшись. То же случится и с его братом в Испании. Проклятие падет и на Элию Камиллу, а через брак даже на Гая. А здесь — на Елену.

Ее дядя откинул назад голову и сказал напряженным тоном:

— О, Елена, Елена! Конечно, я знал. Я знал давно. Я не был уверен, понимаешь ли ты.

Я подумал, что если этот человек на самом деле сам замешан в заговоре, то ведет себя исключительно хорошо. Если он задействован, то это может знать Елена. Но в таком случае девушке повезло, что я здесь. Остаться с ним одной было исключительно опасно...

Глава 60

— Что ты предлагаешь делать? — осторожно спросил племянницу Камиллу Метон.

— Если смогу, все исправлю, — она говорила очень резко, не задумываясь надолго. В этом была вся Елена. Я любил эту бедную, введенную в заблуждение девушку за ее прямоту.

У меня так сильно чесалась ступня, что я поднял ногу и потряс ею, хотя знал, что в этой сухой норе не выживет ни одна тварь. Тьма давила, было прохладно, и мои руки покрылись гусиной кожей. Из прохода не доносилось ни звука, хотя я слышал далекие аплодисменты. Триумф продолжался, процессия, видимо, приближалась к Капитолию.

В тусклом свете полудюжины маленьких масляных ламп Елена Юстина наполовину отвернулась, хотя я знал эту девушку так хорошо, что мог определять ее настроение по интонации. Она побледнела, выглядела изнуренной и говорила через силу. Так случалось всегда, когда она была обеспокоена и чувствовала себя одинокой. Сейчас я не мог определить, сказала ли она правду дяде или же проверяла его. Что касается самого Камилла Метона, то он выглядел как человек, который

мало подвержен проявлению эмоций или же умеет их так глубоко прятать, что нельзя и надеяться их узнать.

— Я ожидал, что ты считаешь своего отца слишком уважаемым и достойным человеком для этого! — заметил он.

Елена вздохнула.

— Разве не в этом дело? Семья полагается на него, ожидая, что он всегда поступит благородно. Но когда я была в Британии, я долго говорила с тетей. Элия Камилла многое мне рассказала, чтобы все это объяснить. Как дедушка, Камилл жил в Вифинии, частично, чтобы сэкономить деньги, когда у семьи их было мало. Как он бережно хранил приданое жены на протяжении двадцати пяти лет, чтобы найти средства для обеспечения отцу места в Сенате...

— Так как вы с сестрой Элией все это объясняете? — спросил Публий. Судя по голосу, он был заинтригован, тем не менее, в его тоне слышалась обычная усмешка.

— Ты знаешь папу, — серьезно говорила Елена. — Он не зачинщик, не подстрекатель и не смутьян. Не исключено, напряжение от ответственности, которую он считал выше, чем могут позволить его таланты, привело его к какому-то дикому политическому поступку. Если наш Гней, используя положение зятя, как-то надавил, папа мог оказаться уязвимым. Может, Гней использовал шантаж. Затем мой отец пытался отвести от семьи позор, но таким образом оказался втянутым в дело уже так, что из него не выйти. Пока я все еще была замужем, он, вероятно, каким-то образом надеялся меня защитить. Как сказал бы Фалько, у каждого человека есть свои слабости.

— А-а, снова Фалько! — теперь в голосе Публия появилось почти не скрываемое презрение, с которым он всегда общался со мной. — Фалько подошел опасно близко. Если нам и удастся что-то спасти из всего этого, то нам необходимо указать этому молодому человеку новое направление.

— О, это я уже пыталась! — Елена Юстина странно улыбнулась. У меня внутри все похолодело. По ноге пробежала дрожь.

— Я так и думал! — откровенно хмыкнул Публий. — Ну, это наследство для тебя — неожиданная награда. Что ты с ней будешь делать, сбежишь с другом Фалько?

— Поверь мне, Дидий Фалько не поблагодарил бы тебя за это предложение, — гневно выкрикнула Елена как та девушка, с которой я

познакомился в Британии. — Его единственная цель в жизни — это избавиться от меня, как только сможет.

— Правда? Мои шпионы говорят мне, что он смотрит на тебя так, словно ревнует к тому воздуху, которым ты дышишь.

— Правда? — саркастически повторила Елена, затем ядовито спросила:

— И что это за шпионы, дядя?

Дядя ей не ответил.

И именно тогда, думая, что Елена может раскрыть свои чувства ко мне, разрываясь на части от страха и желания, я не смог удержаться и очень громко чихнул.

* * *

Не было времени отступать по проходу, поэтому я придал лицу самое беззаботное выражение и проскользнул в склеп.

— Твой зеленый перец высшего качества! — поздравил я Елену, чтобы скрыть истинную причину чихания.

— О, Фалько! — я надеялся, что заметил блеск в ее глазах, словно она радостно приветствовала меня, тем не менее, судя по голосу, она сильно разозлилась. — Что ты здесь делаешь?

— Насколько я понял, ты меня пригласила.

— Насколько я поняла, ты отказался со мной пойти.

— К счастью для тебя, когда третий пятилетний ребенок ударил меня по голени маленьким башмаком с железными набойками, семейный долг стал надоедать. Именно здесь Атий Пертинакс обычно хранил мелкую наличность?

— Это склад шафрана, Фалько.

— Я должен не забыть построить такой же, когда буду проектировать себе виллу в сельской местности. Не могу ли я получить полпинты малобатра? Хочется сделать подарок одной особенной знакомой девушке.

— Только ты можешь сделать комплимент женщине и польстить ей подарком, который вначале у нее украл, — заметила, Елена.

— Я так надеюсь, — весело согласился я. — Если повезет то я — единственный, кто знает, что на самом деле для тебя лучше всего

подходит.

Все это время ее ухмыляющийся дядя наблюдал за нами обоими. У меня было достаточно здравого смысла, чтобы подумать, будто он надеется научиться у меня технике оболъщения.

— Молодой человек, — обратился он ко мне слабым голосом, — а все-таки почему вы сюда зашли?

Я улыбнулся широко и невинно, как деревенский дурачок.

— Ищу серебряные слитки!

Теперь, после того как я нашел слитки, я пересек комнату, чтобы их осмотреть и поздоровался с ними, дружески ударив по ним ногой, как сделал бы любой раб с серебряных рудников. У меня заболел большой палец, но это меня не волновало. По крайней мере, я теперь точно знал, что эта призрачная масса реальна. Когда я наклонился, чтобы потереть ушибленную ногу, моя рука коснулась небольшого предмета, спрятанного под платформой с выложенными слитками. Этим предметом оказалась простая латунная чернильница, я ее поднял, содержимое которой давно высохло. Мы все втроем уставились на нее, но никто не произнес ни слова. Я медленно опустил чернильницу в карман туники, после чего вздрогнул.

Елена Юстина заговорила с намеком на драматизм и напряженность.

— Ты зашел на чужую территорию, Фалько. Я хочу, чтобы ты ушел.

Я повернулся. Наши глаза встретились, и я внезапно почувствовал знакомый подъем. Настроение улучшилось. Я также был уверен, что мы — партнеры, участвующие в одном фарсе.

Теперь нас в склепе было трое, и снова возникло напряжение. Создавалось ощущение, будто решаешь геометрическую задачу, в которой элементы или отдельные части, расположенные в определенном порядке, позволят нам получить фигуру, если строго исходить из правил Эвклидовой геометрии. Я улыбнулся госпоже.

— Я наконец понял, что нескольких бочонков мускатного ореха недостаточно, чтобы большой сточный канал постоянно обваливался. Однако свинцовых брусков достаточно! Политический заговор провалился, поэтому главарь, вероятно, собирается взять слитки себе. Я также понял что он отправится к слиткам, а затем сбежит. Во дворе стоит аккуратный ряд повозок, на которых можно перевозить тяжелый

груз. Я предполагаю, что они должны покинуть двор, груженные серебром, сегодня ночью после вечернего звона. А когда этот негодяй за ними придет, я буду здесь.

— Фалько! — в бешенстве закричала Елена. — Это мой отец. Ты не можешь его арестовать!

— Тит может. Тем не менее в случае государственной измены мы освобождаем сенаторов от неудобства публичного суда, — сухо заметил я. — Достопочтенный сенатор может ожидать получения уведомления с предупреждением, чтобы у него было время аккуратно упасть на меч в тишине его родного дома...

— Доказательств нет, — заявила Елена.

— Большое количество косвенных доказательств всегда указывало на Децима, — печально возразил я, — с самого первого случая, когда он добровольно вызвался помочь другу претору, до того как на нас с тобой была устроена засада, и до неприятного типа, которого поселили у меня в квартире, пока твой отец платил за мою квартиру... Кстати, мне интересно, госпожа, а почему ты никогда не упоминала о существовании этого склепа? Что собираешься делать — позволить отцу сбежать с серебром? Какая преданность! Ты определенно произвела на меня впечатление!

Она молчала, поэтому я повернулся к ее дяде, продолжая играть роль простака.

— Несколько неожиданный поворот для вас, господин? Ваш высокопоставленный брат назван казначеем Домициана...

— Заткнись, Фалько, — произнесла Елена, но я продолжал говорить.

— Присутствующая здесь госпожа, которая так восхищается императором, и будет оформлять все документы по хранящимся грузам, тем не менее, она кажется вполне готовой позволить своему бедному отцу доить монетный двор... Елена Юстина, ты знаешь, что не можешь этого, сделать.

— Ты ничего обо мне не знаешь, Фалько, — пробормотала она очень тихо.

Я резко развернулся, возможно, более резко, чем собирался.

— О, душа моя, я хотел это выяснить!

Я отчаянно пытался увести ее отсюда, пока дело не приняло крутой оборот. Я не сомневался, что вскоре так оно и будет.

— Господин, это не место для дамы, — обратился я к ее дяде. — Вы прикажете своей племяннице его покинуть?

— Это ей решать, Фалько, — Камилл поджал губы привычным образом и выглядел безразличным. У него было до странности неподвижное лицо. Я догадался, что он всегда был независимым и самоуверенным и настолько самодостаточным, что это выглядело странным.

Я стоял спиной к холодным сложенным рядами свинцовым брускам. Елена находилась слева от меня, ее дядя — справа. Я видел, что Камилл Метон понимает: что бы я ни говорил Елене, за ним я не переставал наблюдать. Я сделал еще одну попытку.

— Послушай меня, госпожа. Когда мы с тобой находились в Британии, ты сказала, что Сосия сообщила мне имена заговорщиков. Она сообщила.

— Значит, ты мне врал, Фалько!

— Не зная этого. Но теперь я знаю, что перед смертью Сосия выяснила, кто участвовал в заговоре. Доказательства находятся у Тита Цезаря. Поэтому сделай то, что я от тебя прошу, Елена, ладно? То, что случилось здесь раньше, и то, что происходит сегодня, не должно иметь к тебе никакого отношения...

— Ты ошибаешься, Фалько! — наконец вмешался Публий Камилл Метон.

Елена Юстина обернулась легкой накидкой, стараясь согреться. В склепе было прохладно. Публий был одет в тогу, как и любой человек, занимающий положение, во время всеобщего праздника. Тут он сложил руки чуть выше талии, как солдат, выполняющий задание и бессознательно успокаивающий себя тем, что его кинжал и меч все еще под рукой. Он смотрел прямо на меня, пытаясь выяснить, что мне на самом деле известно. Я приподнял одну бровь, приглашая его продолжать.

— Если тебя правильно информировали, то ты должен был понять, что Елена Юстина находилась в центре заговора, поскольку являлась женой Пертинакса! — заявил он голосом, полным мстительности.

Иногда разум работает очень странно. До того, как я даже повернулся к ней, я принял его слова за правду.

У меня кружилась голова. Наши глаза встретились. Елена не предпринимала попыток это отрицать. С моей неудачливостью я всем сердцем привязался к этой женщине и до этой минуты никогда не сомневался в ее честности!

Она наблюдала за тем, как я принимаю эту новость, в ее в глазах я увидел презрение. Я специально тренировался, чтобы не реагировать заметно для окружающих, тем не менее, понял, что все мои чувства к Елене Юстине полностью отразились на моем на лице. Я не мог изменить выражение лица. Одно страдание приковывало меня к плиткам. Я не мог ее обвинить, даже говорить было тяжело.

Затем в глазах все почернело — кто-то сзади ударил меня по голове. Среди черноты я видел только вспыхивающие огоньки.

Глава 61

«Ничто из того, что она когда-либо говорила мне, не было правдой. Ничто из того, что она когда-либо делала, не было настоящим...» Я оставался без сознания, но все еще видел ее лишенное маски лицо, застывшее в момент, когда она наблюдала за тем, как до меня доходит истина.

Я достаточно пришел в себя, чтобы понять, что лежу лицом вниз, а кто-то — Камилл Метон собственной персоной — связывает мне руки и ноги. Он хорошо поработал, но допустил ошибку — не связал две веревки между собой, как сделал бы я на его месте. Если он оставит меня одного, то я смогу добиться некоторой подвижности.

Странно, как продолжает работать сознание, даже если ты еще не пришел в себя. Я постепенно приходил в себя и теперь слышал возмущенный голос, который задавал вопросы: «Если это Елена, то почему она сказала, что Пертинакс является владельцем корабля с контрабандой? Почему она передала Титу Цезарю имена заговорщиков? Почему она сегодня отправила мне браслет Сосии?..» Вероятно, я застонал.

— Не шевелись, — проворчал Метон.

Я всегда подозревал, что за непримечательной внешностью может скрываться исключительно умный человек. Он выбрал то единственное заявление, которое может меня потрясти до глубины души, затем ударил рукояткой меча. Теперь я видел, что меч валяется рядом. Пытаясь отвлечь Метона, я принялся бормотать себе под нос:

— Я не чувствовал себя так глупо с тех пор, как командир в армии сказал нам, что учения окончены, а потом бросился на нас с мечом, как раз когда мы уходили с тренировочной площадки... Урок состоял в том, что никогда нельзя доверять противнику до тех пор, пока он не превратился в мертвечину... — Подумав, я невинно добавил, — или пока ты его надежно не связал!

Метон стоял прямо надо мной.

— Прости! — извинился он неискренне.

На самом деле притворство закончилось. И у меня не осталось сомнений: в тот момент когда он ударил меня по голове, он признал свою вину.

— Где Елена? — спросил я.

— Я вывел ее наружу.

Я пытался говорить ровным голосом, но от этой новости пришел в отчаяние. Что он с ней сделал? Что он с ней сделает?

— Люди начнут меня искать, Метон.

— Пока нет.

— А тебе требовалось это о ней говорить? — я был в дикой ярости.

— Это имеет значение только, если она имеет для тебя значение...

— О нет! — с удовольствием перебил я. — Это только имеет значение, если я когда-то имел значение для нее.

Метон рассмеялся и поднял меч.

— Ну, Фалько, если ты ее и волновал, то ты сам все испортил.

— О, я все порчу! — с сожалением признал я.

Но я знал лошадь, которая могла бы поклясться, что это неправда.

* * *

Я лежал неподвижно. У меня была мысль, что Камилл Метон вполне может оказаться типом, который врежет мне ногой по ребрам.

В этом деле мои ребра и так достаточно пострадали и до сих пор болели. Пока я был рабом, я всегда ждал пинков и тумачков, но рудники и рабство остались в прошлом. Поэтому я почувствовал неконтролируемую панику, нарастающую от одной лишь угрозы драки.

В конце прохода прозвучал тихий свист. Я услышал, как Метон идет к двери. Он обменялся с кем-то несколькими словами прямо за ней, затем вернулся в склеп.

— Мои люди прибыли, чтобы забрать серебряные слитки. Не пытайся ничего предпринимать, Фалько, помни о девушке. Я забираю ее с собой, поэтому ни ты, ни мой брат не должны ничего предпринимать и отправлять за нами преследователей!

Он вышел. Я лежал на полу связанный. Одна неосторожная эмоция стоила мне дела. Пока я потерял серебро, потерял свою женщину, потерял негодяя и, вероятно, до окончания дня мне еще придется распрощаться со своей несчастной жизнью.

* * *

День казался долгим. Кто-то откатил меня в сторону. Затем туманные фигуры выбрали в куче отмеченные бруски. Они работали методично, отбирая проштампованные. Шатаясь, они ходила взад и вперед, вынося эти бруски из склепа. Среди группы я узнал двух головорезов, которые выкрали Сосию из дома. Ни один не проявил ко мне интереса.

После завершения дела стонущие работники покинули склеп и оставили меня и не нужные им свинцовые бруски в кромешной тьме.

Я почувствовал легкие вибрации, затем догадался, что у меня над головой проехали повозки, груженные серебром. Они решили рискнуть, надеясь, что триумф Веспасиана внес сумятицу в заведенные порядки и им удастся проскользнуть по пустынным улицам при дневном свете, несмотря на законы о передвижении грузов ночью. Слабая надежда, которую я лелеял, испарилась. Я надеялся на патруль преторианцев, который мне обещал Тит. Я ждал, что он появится, пока повозки все еще находились здесь. Но никто из стражников не освободится, пока император сегодня вечером не вернется во дворец. И даже тогда будет

велика вероятность, что дежурящие сегодня ночью парни предпочтут праздновать...

Петроний Лонг всегда говорил, что преторианцы в любом случае не способны поймать даже блоху.

Я задумался, где же в эти минуты находится сам Петроний Лонг...

* * *

Я лежал на спине. Я начал переваливаться на бок, раскачиваясь все больше и больше, пока, наконец, со стоном не перевернулся на живот. К рукам болезненно приливалась кровь. Лицо было выпачкано в пыли, я для порядка выругался несколько раз, затем согнул ноги в коленях и схватился за лодыжки связанными руками.

После того, как эта пытка продолжалась несколько минут, удача для разнообразия оказалась на моей стороне. В результате яростных извиваний мне удалось высвободить нож, который я прятал в левом сапоге сзади. Я почувствовал, как он скатился по ноге и упал на пол.

Я снова выругался, с большим чувством, потом выпрямился с мучительной болью.

Я стал скользить по полу в поисках ножа. Когда я наконец его нашел, начались настоящие проблемы. Я извивался в сторону, затем наполовину опускался на спину, пока после нескольких отчаянных попыток мне не удалось схватить нож пальцами одной руки.

Вероятно, я смог бы перерезать веревку, связывающую лодыжки, не потеряв значительной части ноги, но поскольку я не был акробатом, это не приблизило бы меня к свободе, ведь руки оставались недоступными у меня за спиной. К счастью, люди, которые выносили слитки, так устали к концу работы, что оставили дверь не полностью закрытой. Извиваясь и то и дело обо что-то ударяясь, я смог найти ее по памяти. Мне также помогал сквозняк. Я вставил рукоятку ножа между дверью и косяком. Одним плечом я привалился к двери и принялся разрезать путы, сковывающие мои руки.

Эта хитрая игра закончилась победой Фалько и двумя порезанными запястьями.

Потребовалось много времени, несколько раз я был на грани апоплексического удара, но наконец мне удалось освободиться.

Глава 62

Шум триумфа стал тише, но все равно отвлекал, когда я вышел на поверхность.

Конечно, двор опустел, но я решил осмотреться. Я быстро его пересек и оказался у больших дверей, прислушался, ничего не услышал и украдкой проскользнул внутрь. Я оставался у двери, пока мои глаза привыкали к мерцающему туману из корицы.

Они все еще были здесь! Елена Юстина, приглушенный свет моей разбитой жизни, выглядела почти также измученно, как я себя чувствовал. Она сидела на каком-то тюке, по виду не пострадала, правда была связана. Причина того, что ее скользкий дядя еще не сбежал, сразу же стала очевидна: он забирал запасы ее первоклассных специй. Пертинакс был его партнером, поэтому, как я и предположил, Метон считал, что половина добра по праву принадлежит ему. Он поднял голову и заметил меня.

— Господин! Я не могу позволить вам обокрасть свою клиентку! — закричал я.

Елена мгновенно огляделась, и мы встретились взглядами. Между нами промелькнула искра, но это было только обоюдным укором любовников, словно боль, оттого что ее предали, грызла ее также сильно, как меня.

— О боги, Фалько, неужели ты никогда не сдаешься? — жалобно произнесла она.

У меня дрожали ноги, а пальцы стали липкими от крови. Одним глазом я неотрывно смотрел на ее дядю, а он — на меч, который лежал на бочонке на равном удалении от нас обоих. Можно было сразу же определить, к какому сословию принадлежит Метон, — по небрежному отношению к орудиям труда.

— Нет смысла лежать в темноте и ждать, пока какой-то негодяй не будет готов вонзить клинок мне между ребер...

Метон опустил на пол корзину с перечным зерном, которую наполнял ковшиком. Он увидел, что у меня в руке кинжал.

— Конечно, я использую слово «негодяй» обдуманно, после тщательного рассмотрения всех аспектов дела, — добавил я мягко.

Не отводя взгляда, я принялся расстегивать ремень. Я намотал его на левый кулак, а затем продемонстрировал Метону гагатовый браслет,

который свисал с кожаной части.

— Вы кажетесь странно тоскующим по прошлому, господин! Возьмите вот эту вещь, к примеру. Драгоценность Сосии Камиллины...

Он напрягся. Я тихо задал вопрос:

— Зачем вы это взяли? Почему вы это хранили? Что это — чувство победы надо мной или жалость к ней? Трофеей или на самом деле напоминание? — Он не ответил, и я бросил ему вызов:

— Или чувство вины? Публий Камилл Метон, ты убил собственного ребенка?!

Елена резко вдохнула воздух.

— Не будь дураком! — воскликнул Метон.

Я потряс их обоих. Произнеся это обвинение вслух, я потряс себя самого.

— Или ее убил Пертинакс? — заорал я, чтобы вымотать Метона. На самом деле я знал, кто это сделал.

— Нет, — тихо ответил он.

— Но ты убил его!

— Не говори глупостей! Это смешно... — я увидел, что он начинает сопротивляться. — Фалько, моя дочь погибла из-за твоего вмешательства...

Его перебила Елена, которая пришла в ярость и внезапно присоединилась ко мне.

— Не обвиняй шута за всю пантомиму!

— Твою дочь убил Домициан, — закипая от ярости и взвешивая каждое слово, сказал я. — Ты очень хорошо это знаешь. Возможно, ты был в ужасе, и я верю, что это так, но ты не мог ничего сказать, потому что это могло бы быть вменено тебе в вину. Ее убил Домициан. Его инициалы стоят на чернильнице, которую, как ты видел, я нашел в склепе. Домициан убил ее. Как я догадываюсь, он там был один. Он действовал поспешно после того, как понял, что она, скорее всего, узнала его лицо. Кто-то — он? Ты? Атий Пертинакс? — перенес ее тело из склепа сюда, вероятно, не ожидая, что тут появится стража с Авентина. Стража с Авентина и я...

Я услышал, как у меня перехватило горло.

— Марк! — воскликнула Елена.

Тогда я точно понял, что он мне врал. Я был абсолютно в этом уверен. Елена Юстина никогда не участвовала в заговоре.

* * *

Я перевел на нее взгляд. Публий начал движение.

— Кто нашел браслет? — этот предмет явно очаровал дядю Елены.

— Я нашла, дядя. Я нашла его сегодня у тебя дома. О, Юнона, в какую ярость ты меня приводишь! Ты думаешь, что другие люди абсолютно бесчувственны. Ты устроил похищение Сосии, твое имя значилось в письме, которое дядя Гай написал Веспасиану. Сегодня я видела, как ты спокойно стоял и позволял мне обвинять папу — папу, который двадцать лет покрывал твой позор! Моя тетя Элия Камиллина рассказала мне правду о твоей молодости в Вифинии, которая была слишком бурной и продолжалась слишком долго, чтобы считаться просто избытком чувств. Твоя публичная карьера в Мавретании окончилась слишком внезапно по причинам, которые никогда не объяснялись. Тебя высылали из одной провинции за другой, а теперь ты не можешь остаться и в Риме. Политические спекуляции, скандал в обществе, нарушение общественного порядка, бесчинства, подозрительные сделки, женщины, Сосия! Ее мать, жена назначенного, но еще не вступившего в должность консула, муж так некстати оказавшийся за границей. Ты предпочел бы, чтобы ребенка бросили в навозную кучу, но, как и всегда, к делу подключился порядочный отец. Жизнь отца была сплошным несчастьем, тебе даже удалось его обмануть, чтобы он согласился на мой брак с человеком, который ему так не нравился! А это тебе требовалось, чтобы убедить Пертинакса помогать в импорте серебра!

Я слышал ее крики и раньше, но никогда в них не было столько страсти, как сейчас.

— Ты считаешь, что никто не мог знать...

— Даже Сосия знала, — вставил я. — Твое имя включено в список, который она передала мне. В список, переданный простому информатору, Метон, твоим собственным ребенком!

Я не видел оснований сообщать ему, что Сосия стерла его имя.

Метон переводил взгляд с Елены Юстины на меня, затем тихо засмеялся, как никогда не делал раньше. На мгновение я увидел красоту, на которую обращал внимание раньше, во время похорон Сосии. Я понял, что когда он хотел и старался, он мог привлекать женщин.

— Отличная команда! — похвалил он нас.

Это было правдой. И мы всегда ею были. В этом деле мы сформировали истинное партнерство. И теперь мы вместе сражались с ним.

— Жизнь среднего класса не для меня, — фыркнул он. — Жизнь, основанная только на высоких моральных принципах и больше ни на чем, меня не устраивает! Она не для меня. Быть пойманным в капкан среди третьесортных сборщиков налогов, освобожденных из рабства секретарей, командующих британского флота! Тяжелая работа за маленькое жалованье или борьба в торговле. Никаких церемоний за границей, никакой роскоши или власти дома...

Если он сожалел об этом, то меня это не впечатляло. Я гневно посмотрел на него со всей ядовитостью усталого человека с Авентина, живущего в многоквартирном доме.

— Ты никогда ни в чем не нуждался, — прорычал я. — У тебя был комфорт, и ты всю жизнь мог жить в свое удовольствие. Чего ты хочешь?

— Роскоши и власти! — признал он, не моргнув глазом.

Елена Юстина внезапно встала. Ее голос звучал звонко и четко.

— Тогда забирай серебро. Пусть это будет мой подарок за моего несчастного, пребывающего в постоянном беспокойстве отца. Забирай его. Уезжай прочь и никогда больше не беспокой его или кого-либо из нас вновь.

Это был смелый поступок, это был риск, и я понял теперь, чего раньше пыталась добиться моя принципиальная честная красавица. Как и ее отец, она пыталась спасти репутацию своего дяди, даже на его условиях. Она попала в болото, и путы семейного долга и семейных обязательств, в сравнении с которыми мои мелкие пререкания и стычки с собственными родственниками казались смешными.

— Твой отец, обуреваемый муками совести, ничего мне не оставил... — заговорил Публий.

Это был обманный маневр. В то же самое мгновение и он, и я бросились вперед к месту, где беспомощно стояла Елена Юстина. Она понимала, что находится в опасности. Метон понял, что я предусмотрел этот шаг, и вместо Елены прыгнул к мечу. Я увидел, как он меняет направление, и молнией ринулся за ним.

Глава 63

Как только я бросился на него, я понял, что он умеет бороться. В некоторых сомнительных и подозрительных частях империи он научился уловкам, которые господину среднего класса знать не положено. К счастью для меня, я не принадлежал к среднему классу.

Драка была яростной. Более того, Метон относился к типу людей, которые считают, что противника отвлекает рев. Поэтому он много ревел и рычал, и очень активно размахивал оружием, независимо от того, послужит ли какой-то цели наносимый удар или нет. Меня это не волновало. Вскоре я сам принялся вопить. Мы скакали по проемам между перцем и специями, ударялись о бочонки и тюки, и вскоре оба жадно хватали ртом воздух. Я радовался, что у Елены Юстины достаточно здравого смысла, чтобы не путаться под ногами.

Я сражался со сбившимся с пути младшим братом сенатора в этом мрачном, пронизанном острыми запахами месте на протяжении получаса. Вываливая дорогое наследство Елены себе под ноги и безжалостно его топча, мы продолжали биться. У нас обоих слезились глаза. Вероятно, Публию было ближе к пятидесяти, но его отличал высокий рост, типичный для их семьи. Ничего не выражающее лицо выводило из себя. Я не видел никаких произвольных реакций, которыми мог бы воспользоваться, нельзя было ввести его в заблуждение, сбить с толку, обмануть.

У него имелось оружие лучше моего, более длинное, хотя это меня беспокоило меньше всего. Я на протяжении многих лет тренировался как раз для подобных схваток в гимнасии у Глаука. Однако Метон тоже тренировался. И где бы он ни проходил подготовку, в том месте считали, что противнику следует перерезать подколенное сухожилие, вообще посильнее покалечить, а еще лучше попасть пальцем в глаз. По крайней мере, я подготовился к тому, чтобы удерживать его на расстоянии, размахивая снятым с пояса ремнем.

Затем, когда Метон подошел слишком близко, я обвязал ремень вокруг предплечья, как делают гладиаторы, чтобы отразить выпады клинка.

Метон был в хорошей физической форме. Я устал. Мы в третий раз проскочили мимо Елены, я постарался не встречаться с ее обеспокоенным взглядом. Я знал, что со стороны, вероятно, кажется, что я прилагаю массу усилий, и это было вполне нормально. Затем ее дядя расслабился. У меня снизилась концентрация — и внезапно он выбил кинжал у меня из руки. Я судорожно бросился за оружием, головой вперед, затем меня качнуло в сторону — и я рухнул на пол, распластавшись по нему, мне в ладони и колени врезались рассыпанные по полу перчинки и специи.

Я все еще оставался на полу, лежал на животе и был готов перекатиться с поднятой вверх рукой, но знал, что, вероятно, уже слишком поздно. Елена Юстина стояла так тихо, что мы с Метоном про нее забыли. Ее дядя понесся ко мне с высоко поднятым мечом, ужасающе кричал. Когда он несся, связанная Елена всем своим весом надела на бочонок, за который я ее затолкнул в начале драки. Бочонок рухнул. Содержимое вывалилось и раскатилось на много ярдов вокруг по твердому полу склада.

Не было времени ее благодарить. Я подогнул одно колено и быстро встал, затем перебрался через рухнувший бочонок. Метон вскрикнул и пошатнулся, когда крошечные, твердые, как железо шарики под его ухоженными ступнями, во все больших количествах стали забиваться в обувь. Более того, ему было больно на них ступать в мягкой обуви. Мои же мозолистые ноги оказались обуты в сапоги с тройными подошвами, толщиной с дюйм. Я легко продвигался вперед по мускатным орехам и легко отбрасывал их ногами. Затем, до того, как Метон пришел в себя, я нырнул ему под гарду и врезал рукояткой ножа по запястью. Он выронил меч. Чтобы удостовериться, я еще подтолкнул его плечом подальше от клинка.

Елена Юстина отшвырнула меч в сторону.

* * *

— Не двигайся! — ублюдок пошевелился. — Все закончено! — выдавил я из себя. — Не двигайся. Все закончилось...

Я освободил Елену.

— Неплохо, — выдохнул Метон. — Для... грязного грубияна из трущоб Субуры! — Мне нечего терять. Не двигайся! — я знал этот тип людей. Этот мужик будет доставлять мне проблемы до тех пор, пока за ним не захлопнется дверь камеры. — Не выводи меня из себя, Камилл!

— Что теперь, Фалько? — быстро спросила Елена.

— Во дворец. Решение будет принимать Веспасиан.

— Фалько, ты дурак! — воскликнул Публий. — Давай разделим с тобой серебро, как и специи. И девчонка, Фалько...

Тогда я разозлился. Один раз он распорядился ее судьбой, чтобы это подходило его низменным целям. Тогда он выдал ее замуж за Пертинакса. Но это больше никогда не повторится.

— У твоей племянницы ужасный вкус, но все-таки не такой ужасный! Игра закончена. Стража с Авентина блокирует Остийскую дорогу и обыскивает все, что по ней движется — от корзины, с которой старушка ходит на рынок, до вьюков на верблюдах. Петроний Лонг не пропустит незаконный караван повозок. Это серебро — твой смертный приговор...

— Ты врешь, Фалько!

— Не суди меня по своим стандартам. Пора идти.

* * *

Отец Сосии (а он на самом деле был отцом Сосии), и, я думаю, он знал: я никогда этого не забуду, повернул ко мне открытые ладони. Это унылый жест гладиатора, который потерял оружие и признает поражение.

— Позволь мне самому выбрать свой путь.

— Что? — фыркнул я. — Ты выбираешь смерть, руководствуясь высокоморальными принципами, которые презирал всю жизнь? Предатель из среднего класса — и слишком благороден для виселицы?

— О, Марк... — прошептала Елена. В это мгновение я впервые услышал скрип большой двери. — Позволь человеку воспользоваться гражданским правом, — умоляла она. — Дай ему шанс. Посмотри, как он им воспользуется. Позволь мне дать ему меч...

Она сделала это до того, как я смог ее остановить, ее честное красивое лицо с блестящими глазами было ясным как день. Конечно, он сразу же приставил меч к ее нежному горлу.

У Камилла Метона было не больше чести, чем у жалящей крапивы, а девушка подошла слишком близко. Он запустил руку глубоко в ее мягкие волосы и заставил Елену опуститься на колени. Она посерела. Одно движение кого-то из нас — и он режет ей по шее, словно отрезая кусок копченой испанской ветчины.

— Отпусти ее... — приказал я ему ровным голосом, пытаюсь удержать его взгляд.

— О, Фалько! Это твое по-настоящему слабое место!

— Нет — моя сила.

Елена не сопротивлялась и молчала. Она неотрывно смотрела на меня. Я сделал шаг.

— Не приближайся!

Он стоял между мной и дверью. Таким образом у него было лучшее освещение, а у меня — лучший обзор.

— За спиной, Камилл!

— О боги! — фыркнул он. — Только не эта старая уловка.

— Партнер! — крикнул я громким голосом. — Тебе потребовалось много времени.

Елена вскрикнула, когда дядя причинил ей боль, безжалостно дернув за волосы. Таким образом он пытался вывести меня из себя. Это было его ошибкой. Я не сводил с него глаз из-за Елены, но, в конце концов, он услышал яростный топот ног.

Он начал оборачиваться.

— Твой ход! — крикнул я.

Публий дернулся. Я прыгнул вперед и вырвал у него Елену. Я развернул ее и прижал лицом к груди.

Она прекратила сопротивляться раньше, чем все закончилось. Она все поняла. Я очень нежно ее отпустил, затем прижимал к себе, пока срезал веревки, и только потом позволил ей взглянуть...

Ее дядя был мертв. Возле него в луже крови лежал меч, но не его собственный, а его палача.

Сенатор Децим Камилл опустился на колени. Мгновение его глаза были плотно закрыты. Не поднимая головы, он обратился ко мне голосом, которым разговаривал в гимнасии Глаука, где мы были друзьями.

— Чему нас учит твой тренер, Марк? Чтобы убить человека мечом, требуется сила, скорость и истинное желание видеть его мертвым!

Честный Глаук на самом деле обычно так и говорил. Децим нанес хороший сильный удар, в который была вложена душа, но я никогда ему этого не скажу.

— О, брат мой, здравствуй и прощай!

* * *

Все еще обнимая его дочь одной рукой, я подошел к Дециму и предложил ему другую руку, чтобы подняться. Елена, продолжая прижиматься ко мне, повисла на шею отца. Я обнял их обоих. Мгновение мы втроем были равны, мы делили огромное облегчение и боль.

* * *

Мы продолжали стоять вместе, когда прибыли преторианцы. Петроний Лонг появился в дверном проеме, белый как молоко. За его спиной я слышал грохот возвращающихся повозок.

Похоже, шума было много. Высокопоставленные лица взяли дело в свои руки, все запуталось, началась суматоха. Люди, которые не играли никакой очевидной роли в событиях дня, поздравляли себя с завершением дела. Я медленно вышел наружу, чувствуя невероятную усталость. Мое лицо напоминало маску актера с вырезанными отверстиями для глаз.

Склад опечатывали с телом внутри, на ворота, ведущие во двор, навесили цепь. Децима отвели во дворец для объяснений. Я видел, как его дочь провожают к паланкину. Мы не разговаривали. Преторианцы

знали, что у информатора — даже императорского информатора — не может быть никаких дел с сенаторской дочерью.

Метон меня ранил, и на лице Елены Юстины осталась моя кровь. Она хотела видеть меня рядом, я знал, что хотела. Она пострадала, получила ушибы, была потрясена, тем не менее, я не мог к ней подойти.

Если бы Елена подала хоть малейший знак, то я бы оттолкнул в сторону всех преторианцев, но она этого не сделала. Я стоял в растерянности. Стража провожала ее домой.

Наступила ночь. В Риме творились дурные дела, раздавались злобные и жуткие крики. Над Капитолием прокричала сова. Я услышал грустные звуки флейты, прорезающие городские улицы. Флейта пела о несправедливости мужчины к женщине, про несправедливость богов к людям.

Петроний Лонг стоял рядом, не произнося ни звука. Как мы оба знали, дело о серебряных слитках успешно закончилось.

Глава 64

Это был Рим. Требовалось соблюдения формальности. В ту же самую ночь, пока Веспасиан развлекал фаворитов и счастливых на устроенном им пире во дворце, а весь Рим ужинал семьями и трибами в других местах, меня потащили на Палатин для разговора с его сыном. Тит Цезарь, знаменитый своими милостями и любезностями, поздравил Камилла Вера, Петрония Лонга и меня. Сенатор был слишком сильно потрясен, чтобы возражать. Елена Юстина молча стояла рядом с матерью, лица обеих скрывали покрывала. Но даже и так я мог определить, что Елена пребывает в мрачном настроении, она чем-то напоминала мертвую медузу.

Особым событием дня должно было стать вручение М. Дидию Фалько золотого перстня, четырехсот тысяч сестерциев и перевода в средний класс. Щедрый жест от молодого Цезаря, который любил творить добрые дела.

* * *

М. Дидий Фалько, славящийся дурным характером, поведением и неблагодарностью, легко и беспечно оправдал свою репутацию замечательного информатора. Я подумал о том, что это означает не просто получение земли и разряда, но также изменение образа жизни. Флавий Иларий по-своему вспахивает полезную борозду и наслаждается спокойными, уютными домами с женой, которую сильно любит. Я смог бы, как и он, жить той жизнью, которую выберу, среди людей, которые мне нравятся. Я знал, что смогу преуспеть.

Затем я вспомнил Сосию. Сосию, которая умерла и у которой теперь нет даже отца, чтобы просить богов нежно с ней обращаться.

— Значит, это ваша премия за работу по контракту! — обратился я к Титу Цезарю. — Оставьте ее себе, Цезарь. Я ее не заслужил. Меня наняли, чтобы найти человека, убившего Сосию Камиллину...

В ушах у Тита все еще звенели радостные крики и приветствия, с которыми его встречали в Риме, и он весь день пребывал в радостном настроении, но все равно немного поморщился после произнесения мною этих фраз. Присутствовало несколько официальных лиц, но я сделал ему одолжение и не стал называть имя Домициана. Это имя я не хотел произносить больше никогда.

— Дидий Фалько, Веспасиан лично закрыл этот счет! — осторожно заметил Тит.

— У меня он никогда не будет закрыт, — холодно ответил я на метафору.

— Вероятно, нет. Я это понимаю. Поверь мне, мы все сожалеем о смерти этой бедной девушки. Фалько, попытайся в ответ проявить понимание. Теперь Риму требуется верить в свою первую семью. Императоры должны устанавливать свои правила...

— Именно поэтому, господин, я — республиканец!

Я был возбужден, но Тит не пошевелился. Он задумчиво смотрел на меня, затем обратился к сенатору. С усилием, явно вызванным печалью и измождением, а не антипатией ко мне, попытку предпринял и Децим.

— Марк, ради моей дочери...

Но я прямо сказал сенатору, что его дочь, прекрасный чистой души человек, явно заслуживает большего, чем побитый, подкупленный, только что получивший взятку за молчание информатор.

Он довольно хорошо это принял. Вероятно, он соглашался. Гарантирую, что его жена согласилась. Если это и не было его собственным мнением, когда я начал его оскорблять, то теперь оно не могло у него не сложиться. Для завершения процесса, я присовокупил в конце:

— Сенатор, не позволяйте вашим суждениям сложиться под впечатлением одного мгновения, от которого кружится голова.

Затем я развернулся и отправился прямо к его дочери, прямо в общественную приемную. Слава богам, что на ней было покрывало. Я не смог бы это сделать, если бы мне пришлось видеть ее лицо.

— Госпожа, вы знаете, как обстоят дела: каждое дело — девушка, новое дело — новая девушка. Тем не менее я привез домой подарок для украшения вашего пальчика: *Ex Argentiis Britanniae*. Подарок благодарного раба с серебряных рудников.

Я вручил Елене Юстине серебряное кольцо. У меня не будет больше возможности ее увидеть, поэтому я сегодня вечером забрал его у серебряных дел мастера. Внутри был выгравирован один из дешевых девизов ювелиров, которые не значат ничего или значат очень многое, в зависимости от твоего настроения. *Anima Mea...*

Я знал, что безнадежен. Я отказался от нее публично, затем навесил этот груз на ее одиночество. Это не было моей виной. Серебряных дел мастер не получил никаких указаний, поэтому выгравировал то, что ему понравилось. Увидев гравировку, я не мог заставить себя попросить что-то изменить.

И, в конце концов, ведь девиз был настоящим. «*Anima Mea*» — моя душа.

* * *

Я поднял ладонь Елены Юстины, положил в нее подарок и плотно сжал пальцы девушки. Подарок остался внутри. Затем, не глядя ни на кого, я ушел.

Глава 65

Я отправился на набережную. Я шел мимо закрытых кабинок кукольников на пустынный променад. Тут я однажды гулял с Еленой Юстиной. Туда я иногда я отправлялся в одиночестве. Теперь было темно, но мне хотелось темноты. Я закутался в тогу, прислушивался к звукам ночного Рима и боролся с паникой от содеянного.

Я стоял в полном одиночестве на высоте, над Римом. Дул холодный ветер. Издалека доносилась музыка, которая то прерывалась, то звучала вновь, я слышал, как топают ногами часовые, до меня доносились взрывы смеха, а время от времени зловещие крики.

Когда я снова успокоился, а это произошло после того, как я очень сильно замерз, я спустился вниз.

* * *

Я отправился назад во дворец и снова попросил аудиенции у Тита. Теперь было очень поздно. В коридорах меняли направление высокие тени, а несколько слуг, которых я смог найти, сплетничали и испуганно поднимали головы, когда их отвлекал призрак с белым лицом.

Похоже, никто не находил мое присутствие странным. Похоже, никому не было дела. Иногда подобное случается в официальных учреждениях после того, как на службу заступает ночная смена. Обычно происходит так мало событий, что люди радуются любому изменению рутины.

Меня пропустили сквозь многочисленные помещения, от богато украшенных до довольно простой приемной, которую я не видел никогда раньше. Кто-то зашел во внутренние покои, и я услышал, как мое имя произносит тихий голос, не проявляющий любопытства. Мгновение спустя, вышел веселый чудной старикан в домашних тапках, за ним мелкими шажками следовал мужчина, который меня привел. Провожатый исчез почти сразу же. Старик внимательно меня осмотрел.

— Оба молодых Цезаря уже в постели. Я подойду?

На нем была помятая пурпурная туника, никакого ремня. Этого крупного мужчину плотного телосложения, примерно шестидесяти лет отличали широкие плечи и здоровый вид. Лоб прорезали глубокие морщины, смотрел он открытым взглядом. Каким-то образом то, что

он обходился без церемоний, запросто, способствовало его теперешнему влиянию. На протяжении лет он привык вести за собой людей только силой своей личности. У него это прекрасно получалось. Будь проклят этот ублюдок от больших пальцев ног до тонких волос на голове, но мне он сразу же понравился.

Я знал, кто это. Это был император Веспасиан.

Я решил, что лучше ответить вежливо, и сказал, что он сойдет.

* * *

Он смотрел на меня снисходительно и явно забавлялся, затем жестом пригласил меня войти. Он работал в небольшой комнате, которая стала уютной благодаря удачно расположенным светильникам. Веспасиан занимался двумя аккуратными стопками писем. Создавалось впечатление очень хорошей организации труда. Мне самому хотелось бы работать в таком кабинете.

— Значит, ты и есть Фалько. Выглядишь ты немного нездорово. Хочешь выпить вина?

— Нет, спасибо. Я просто немного замерз. Пожалуйста, не беспокойтесь.

— О-о, никакого беспокойства! — весело воскликнул Веспасиан. — В коридоре ждет неограниченное количество тех, в обязанности кого входит подносить кубки и разливать вино. Они ждут возможности показать свое мастерство... — Я все равно покачал головой. К моему удивлению, он продолжал болтать. — Тех, кто что-то приносит и что-то уносит. Каждый из них — большой специалист своего дела. Если хочешь, вероятно, можно среди них найти раба, мастера чистки пупков. У него окажется специальный передничек чистильщика пупков и специальное приспособление с украшенной жемчугом ручкой.

Похоже, он успокоился.

— Можно прекрасно отдохнуть и расслабиться в таком окружении, господин, — с серьезным видом устало заметил я.

— Я перестал расслабляться, как только увидел, сколько денег уходит на выплату жалованья, — горько ответил Веспасиан.

Он посмотрел на меня глубоко посаженными глазами, и я понял, что если мог справиться с Титом, с этим человеком справиться не могу.

— Я слышал про твое кривлянье в связи с оплатой.

— Я не хотел никого оскорбить, господин.

Веспасиан молчал. Мне показалось, что взгляд и напряженный вид, которыми он так славился, легко могли быть результатами многолетних усилий по сдерживанию смеха в общественных местах. Однако теперь он не смеялся.

— Ты оскорбил свой собственный ум, которым несомненно обладаешь! — Я люблю прямых людей. Пусть лучше будет так. — Так с чем же связана эта твоя последняя пантомима? — более спокойно спросил император.

Именно тогда я объяснил Веспасиану, зачем пришел сейчас во дворец и чего надеюсь добиться.

Я рассказал ему историю и признался, что мне очень жаль. Я попросил второго шанса. Он спросил, зачем он мне. Я пояснил, что из-за нее, он дал отрицательный ответ.

И тогда я спросил: что нужно сделать? Но он снова ответил нет.

* * *

Это было не то, что я ожидал, совсем не то, что я ожидал.

После этого Веспасиан предложил мне работу. Пришел мой черед отвечать отрицательно. Я указал, что он не любит информаторов, а я не люблю императоров, поэтому едва ли мы подходим друг другу. Веспасиан объяснил, что неприязни к информаторам как таковым у него нет, чего нельзя сказать о работе, которую они выполняют. Я признался, что примерно то же самое чувствую насчет императоров.

Он долго смотрел на меня, хотя не казался особо расстроенным.

— Значит, этот визит связан с дочерью Камилла? — Я ничего не сказал. — Я не верю в связи между представителями разных сословий. Они вредны. Сенаторская дочь обязана уважать честь своей семьи. Меня считают старомодным, — заметил император.

Я едва ли мог этого не знать, поскольку весь Рим говорил о том, что сам Веспасиан на протяжении практически всей жизни имел связь с освобожденной рабыней, которая впервые стала его любовницей

сорок лет назад. Говорили даже, хотя это и казалось маловероятным, что он теперь притащил это верное старое тело с собой во дворец.

— Господин, с должным уважением к вам я не стану расспрашивать вас по этим вопросам, поэтому не ожидаю, что мне придется отвечать за себя.

Я думаю, что на этот раз он оскорбился, но через несколько секунд улыбнулся.

— Тит говорит, что она кажется разумной девушкой.

— Я тоже так думал, пока она не связалась со мной! — резко ответил я.

— Мой старый друг Иларий был бы категорически не согласен, — запротестовал Веспасиан, опровергая мое утверждение. — Я никогда не спорю с Гаем, это ведет к слишком большому количеству бумажной работы. Он о тебе хорошего мнения. И что я ему скажу теперь?

Я смотрел на императора, а он смотрел на меня. Мы достигли соглашения. Он просто сидел со сложенными на груди руками, пока я представлял свою идею. Он включит меня в список претендентов для перехода во второй разряд. И он включит меня во второй разряд после того, как я сам заработаю деньги, которые требуются для этого.

Я обязался заработать — и сберечь — четыреста тысяч золотом.

* * *

Перед тем, как уйти, я настоял еще на одной вещи.

— Я хочу, чтобы вы это увидели.

Я достал чернильницу, которую нашел в склепе с шафраном. Я извлек ее из кармана вместе с несколькими горошинами перца. Император повертел ее на ладони большой руки. Это была обычная чернильница, простой формы, с крышкой. На дне было аккуратно выцарапано: Т ФЛ ДОМ, инициалы младшего сына Веспасиана.

До того как он успел что-то сказать, я ее забрал.

— Поскольку она не потребуется в суде, я оставлю ее у себя, как память об этом деле.

Отдать должное Веспасиану, он на самом деле позволил мне ее забрать.

* * *

Я отправился домой. Когда я спускался с Палатина, над Римом уже царила ночь. Везде вокруг меня город спал и напоминал серию глубоких черных прудов между тусклыми огнями на вершинах семи холмов. Я пошел по спящим улицам и наконец добрался до знакомого убожества и запустения родных кварталов и мрачной квартиры, где я жил и куда однажды привел девушку по имени Сосия Камиллина.

Это был худший день в моей жизни, но, войдя к себе, я понял, что он еще не закончился. Дверь на балкон оказалась приоткрыта. Когда я вошел, в комнату ворвалась струя холодного воздуха — получился сквозняк. Кто-то меня ждал, притаившись на балконе.

Глава 66

Мама никогда не приходила так поздно. Петроний подозрительно относился к пребыванию на улице в ночное время. Я решил, что поджидающий меня там человек точно не относится к тем, кого бы мне хотелось видеть.

* * *

На первые гонорары от сенатора я купил несколько керамических ламп, теперь я их все впервые зажег, чтобы стало очевидно: я вернулся домой и больше никуда не собираюсь. Я не сводил глаз с балконной двери, разделся, налил себе тазик воды и вымылся, чтобы запах богатства и упадка исчез с моей холодной кожи. Я зашел в спальню, производя много шума, нашел чистую тунику, которую любил, затем расчесал волосы. Они до сих пор оставались слишком короткими, чтобы виться.

Все это время тот, кто скрывался на балконе, продолжал ждать снаружи.

Я хотел лечь. Я отправился назад в гостиную, взял одну лампу, затем направил усталые ноги на балкон. Я был полностью изможден и совершенно безоружен.

* * *

Воздух был теплым, давно стемнело, время от времени слабые шумы города вдруг становились резкими. Иногда отдельные звуки долетают до шестого этажа, а поскольку они вырваны из общей массы, то кажутся странными.

— Да, это зрелище!

Она стояла у балюстрады и смотрела в ночь, но когда я заговорил, она развернулась. Миндалевидные глаза цвета корицы на нежном белом лице. Только боги знают, сколько времени она там стояла, и какие сомнения ее одолевали, пока она ждала моего возвращения домой.

— Сосия писала мне про вид у тебя с балкона.

— Не про вид, — сказал я.

И продолжал неотрывно смотреть на Елену.

* * *

Она стояла там, а я стоял здесь, она в темноте, а я со своей лампой. Ни один из нас не был уверен, остаемся ли мы друзьями. Из ночи стали прилетать обеспокоенные мотыльки. Когда-нибудь мы поговорим о том, что случилось, но не теперь. Вначале нам требовалось многое восстановить в наших отношениях.

— Я думала, что ты никогда не придешь. Ты пьян?

По пути домой я заглянул несколько питейных заведений, открытых всю ночь.

— Я быстро трезвею. А ты давно ждешь?

— Давно. Ты удивлен?

Я задумался об этом. Нет. Зная ее, я не был удивлен.

— Я считал, что никогда больше тебя не увижу. Что я могу сказать, госпожа?

— Теперь, после того, как ты публично плюнул мне в глаза, тебе, вероятно, следует называть меня Елена.

— Елена, — покорно пробормотал я.

Мне нужно было сесть. Я опустился на скамью, которую использовал для мечтаний на открытом воздухе, и застонал от

усталости.

— Ты хочешь, чтобы я ушла, — неловко сказала она.

— Слишком поздно, — ответил я, повторяя то, что говорил в другой день, другой гостье. — Слишком темно. Слишком рискованно... Я хочу, чтобы ты осталась. Сядь рядом со мной, Елена. Посиди с мужчиной у него на балконе и послушай ночь!

Но она осталась там, где стояла.

— Ты был с женщиной?

Было слишком темно, и я не видел ее лица.

— Я занимался делами, — заявил я.

Елена Юстина отвернулась и снова стала смотреть на город. Мои ребра были перевязаны тугой повязкой, и она давила и как с той стороны, где я повредил их в Британии, и с той стороны, где у меня ничего не болело.

— Я так рад тебя видеть!

— Меня? — она гневно повернулась. — Или просто кого-то?

— Тебя, — сказал я.

* * *

— О, Марк, где ты был? — на этот раз, когда она задала этот вопрос, ее голос звучал по-другому.

Я рассказал про набережную и про Веспасиана.

— Это означает, что ты работаешь на императора.

Я работал ради нее.

— Я работаю на себя. Но если мне удастся скопить достаточно денег, он согласен включить меня в список претендентов для перехода во второй разряд.

— Сколько времени для этого понадобится?

— Примерно четыреста лет.

— Я могу подождать!

— Это если я откажусь от еды, а жить буду в бочке под мостом Фабриция. Я не позволю тебе ждать.

— Я буду делать то, что хочу.

Елена Юстина потерла глаза рукой, а когда ее ярость утихла, я понял, что она устала так же, как и я. Я протянул одну руку. Наконец

она подошла и устроилась рядом. Я положил руку так, чтобы заслонить любимую от грубой стены. Елена сидела напряженно, немного отклоняясь от меня. Я скинул с ее головы капюшон накидки, в которую она была одета, и стал гладить мягкие волосы. Она внезапно закрыла глаза. Теперь я знал, что это означает желание, а не неудовольствие.

Я заправил ей за ухо выбившуюся из прически прядь и тихо сказал, что мне всегда нравилось, как она укладывает волосы.

— Пока я ждала, мне пришлось прогнать трех девок в неприличных платьях, которые слышали, что ты можешь быть богат... — холодно сообщила Елена, притворяясь, что не слышала моих слов.

Я протянул руку и взял ее ладонь в свою. Подаренное мною кольцо было надето! Я этого ожидал. Хотя не ожидал, что оно окажется на среднем пальце левой руки. Приходила твоя мать, — снова заговорила Елена, успокаивающе сжав мои пальцы. — Она считала, что кто-то должен тут остаться. Она предупредила меня, что, в конце концов, ты появишься, замерзший, усталый, пьяный и несчастный, как Цербер. Она считает, что ничего хорошего тебя не ждет, путного из тебя ничего не выйдет. И кончишь ты плохо.

— Она считает, что мне нужна хорошая женщина.

— А ты сам что думаешь?

— Если я такую найду, то разочарую ее.

— Вы можете разочаровать друг друга. Или...

— Или можем не разочаровать! — осторожно согласился я. — Моя дорогая, дело не в этом.

Минуту спустя Елена заговорила опять.

— Однажды ты сказал, что если бы любил меня, это было бы трагедией? А если я люблю тебя?

— Я тебя прощу, если ты можешь простить себя.

Она открыла рот, чтобы ответить, но я остановил ее, нежно прижав один палец к ее губам.

— Не надо. Я этого не вынесу. Ты видела, как я живу. Я никогда не смогу привести тебя сюда. Ты знаешь о моих перспективах — практически нулевые. Я не могу оскорблять тебя обещаниями. Лучше прими ситуацию так, как есть. Лучше ничего не говори. Лучше беги прочь, пока можешь...

— Слишком поздно, — уныло повторила Елена Юстина мои недавние слова.

Я выпустил ее и закрыл лицо руками.

Момент прошел.

* * *

Огромная ночная бабочка ударилась о мой светильник. Она лежала на столе, даже не опалив крылья, хотя и оглушенная. Ее длина составляла два дюйма, по форме она напоминала стрелу катапульты. У бабочки были коричневые крылья с множеством пятнышек, крепко сложенные. И выглядела она такой же потрясенной, каким я себя чувствовал.

Я встал и осторожно взял бабочку краем туники. Можно быть смелым человеком, но не получать удовольствия от трепыхания живой бабочки в вашей голой руке. Елена потушила лампу.

Я опустил бабочку на цветок в ящике у окна. Она немного покачалась, потом успокоилась. Я оставил ее там — пусть воспользуется шансом улететь или утром станет завтраком голубя. Какое-то время я стоял и смотрел на Рим. Момент прошел, но слова Елены останутся со мной. Когда я буду работать в одиночестве и окажусь в тишине, не отвлекаемый никем и ничем, слова Елены будут со мной.

— Марк! — умоляюще произнесла она.

Я повернулся. От стоявших в комнате ламп на балкон падал мерцающий свет. Его было едва ли достаточно, чтобы рассмотреть лицо девушки, но это не имело значения. Я все про нее знал. Один ее вид, даже ссутулившейся и грустной, с испарившейся самоуверенностью, вызывал во мне одновременно панику и возбуждение. Сердце начинало судорожно биться в груди.

— Ты знаешь, что мне придется отвести тебя домой.

— Завтра, — сказала она мне... — Если ты хочешь, чтобы я осталась.

— Я хочу, чтобы ты осталась, — я сделал шаг вперед, преодолевая разделявшее нас расстояние.

Сенаторская дочь посмотрела на меня, и этот взгляд однозначно говорил: она знает, что я думаю, — это был именно такой взгляд. Я находился достаточно близко, чтобы протянуть к ней руку и обнять за талию. Затем я крепче прижал любимую к себе и вспомнил, что это такое — быть рядом с ней, обнимать ее... Мы оба проявили осторожность и действовали с опаской. Я поднял ее на руки. Елена Юстина весила немногим меньше государственного слитка. Ее было не очень тяжело держать на руках, хотя трудно украсть... Мужчина мог перенести ее через порог своего дома, не прекращая глупо улыбаться. Я знаю, потому что сделал это именно так.

Было очень поздно, уже давно миновал час вечернего звона, и грохот грузовых повозок, наконец, начинал стихать. Слишком поздно, чтобы провожать Елену домой или чтобы кто-то из дома ее отца пришел забрать ее у меня. Завтра утром начнется моя обычная жизнь. Завтра мне придется вернуть ее домой.

Но это будет завтра. Сегодня ночью она моя.

Комментарии

ЧАСТЬ 1

Эдилы (лат. *ediles*) — младшие магистраты, помощники древнеримских трибунов, наблюдавшие за общественными зданиями и храмами, дорогами, рынками и пр. Эта должность была создана в 493 до н. э. одновременно с трибуналом, по всей вероятности, для попечения о храме Цереры. В 366 до н. э. на трибутных комициях, т. е. в народном собрании по трибам, двоих патрициев избрали курульными эдилами. Затем патриции и плебеи сменяли друг друга в этой новой должности, а позднее ее занятие уже никак не регламентировалось происхождением. Курульные эдилы носили тогу с пурпурной каймой, другие знаки почета, на которые они имели право, — курульное кресло и маски предков.

Магистрат (новолат. *magistratus* «власти, управление») — в Древнем Риме — лицо, занимающее государственную должность, представитель власти.

Авентин — Авентин, или Авентинский холм — один из семи холмов, на которых стоит Рим. По преданию, здесь великан-разбойник Как (Какус) пас свое стадо коров, а Ромул и Рем предсказали основание Рима. На холме находился храм богини Дианы, святилище Латинского союза. В 5 в. до н. э. Авентин был заселен плебеями и сразу возникло противостояние с Палатином, заселенным патрициями. В период их противоборства на Авентин демонстративно удалялись плебеи. При императоре Августе он стал 12-м (или 13-м) районом Рима. В правление императора Клавдия Авентин был включен в черту города и его стали заселять богатые граждане вплоть до захвата Рима Аларихом в 410 г.

Гимнасий (греч. *gymnasion*) — государственное учебно-воспитательное заведение в древнегреческих городах и на эллинистическом Востоке, получившее наибольшее распространение в 5–4 вв. до н. э. В гимнасий поступали после палестры юноши 16 лет из знатных рабовладельческих семей и до 18 лет занимались в нем гимнастикой, получали литературное, философское и политическое образование.

Кенида — наложница Веспасиана.

Магистратура (новолат. magistratura < magistratus «управление») — государственная должность в Древнем Риме, также совокупность лиц (магистратов) на таких должностях.

Delator (лат.) — доносчик.

Vigilia — караул, преимущественно ночной, охрана, стража.

Форум (лат. forum) — Площадь в Древнем Риме, на которой происходили народные собрания, устраивались ярмарки и совершался суд.

Туника (лат. tunica) — древнеримская одежда, белая шерстяная или льняная, в виде длинной рубашки с короткими рукавами, носилась под тогой. Мужская туника доходила спереди до колен, сзади была длиннее, женщины носили туники до лодыжек, причем обычно надевали две — нижнюю с рукавами и верхнюю без рукавов.

Остия — портовый город Рима в устье Тибра.

Тога (лат. toga, от tego — покрываю) — верхняя одежда древнеримских граждан мужского пола, длинная белая накидка. Тога шилась из куска материи эллиптической формы. Один конец спускался вперед с левого плеча, главная часть покрывала спину, ее пропускали под правой рукой и перебрасывали на левое плечо, таким образом закрывая переднюю часть тела.

Яникул — один из холмов Рима на правом берегу Тибра.

Палатин — один из холмов Рима, на котором расположен императорский дворец.

Пинций — холм на севере Рима, названный в честь рода Пинциев, которые владели здесь замком, но в 4 веке н. э. Во время действия романа он назывался Холм садов, так как здесь находились парки знатных римлян.

Бодикка — царица британского племени икенов. Возглавляла восстание против римского господства в 61 году н. э. После первоначальных успехов потерпела сокрушительное поражение и покончила жизнь самоубийством.

Гадес, или Аид — владыка царства мертвых.

Туллианская тюрьма — тюрьма, построенная при Сервии Туллии, подземная часть государственной тюрьмы в Риме.

Этруски — римское название одного из самых значительных племен Древней Италии. Сами этруски называли себя «расенами».

Претор — (лат. praetor < praeitor — «идуший впереди») — лицо, обладавшее высшей судебной властью в Древнем Риме. В эпоху империи (время действия романа) преторами называли назначавшихся императорами чиновников для охраны порядка в Риме, а также высших должностных лиц в городах.

Сестерций (лат. sestertius) — древнеримская серебряная монета.

Бетика — римская провинция в южной Испании, в настоящее время — Андалузия и часть Гранады.

Цензор (лат. censor, от censeo — делаю опись, перепись) — в Древнем Риме один из двух крупных магистратов, в обязанности которого входило проведение цензовой переписи, наблюдение за правильным поступлением налогов и надзор за благонаравием населения. Избирались цензоры вначале на пять лет, потом на полтора года.

Эмпорий — торговая площадь, рынок.

Либурния — побережье Иллирии между Истрией и Далматией.

Вифиния — страна в Малой Азии.

Коракл — рыбацья лодка, сплетенная из ивняка и обтянутая кожей, типична для Ирландии и Уэльса.

EX ARG BRIT (лат.) — Ex Argentiis Britanniae — деньги из Британии.

Т КЛ ТРИФ — аббревиатура, сокращение имени, как будет понятно из дальнейшего повествования.

Четыре императора — Гальба, Отон, Вителлий и Веспасиан. Годом четырех императоров называют 69 год н. э. — за этот год в Риме сменилось четыре императора.

Эскулап или, Эскулапий (Aesculapius, из греч. AsklepioV) натурализовавшийся у древних римлян греческий бог врачебного искусства, которое вместе с его божественным представителем, проникло в Рим в начале III-го века до Р.Х.

Отон, Марк Сальвий (32–69) — римский император 69 г. н. э.

В начале гражданской войны поддерживал Гальбу, провозглашенного войсками императором, так как рассчитывал стать его преемником. Когда эти надежды не оправдались, поднял против Гальбы преторианцев, которые провозгласили Отона императором. Покончил жизнь самоубийством.

Пергола — открытая беседка.

Кампания — область в средней Италии на западном побережье, одна из наиболее благодатных частей Италии.

Золотой мильный камень — путевой столб, с которого начинаются все дороги в империи.

Мирмиллоны — разряд гладиаторов. Их отличало снаряжение: шлем с украшением в виде рыбы, большой овальный щит и прямой меч.

Ретиарии — разряд гладиаторов. Ловили противника сетью, имели на вооружении короткое копье и кинжалы.

Ватикан — здесь один из семи холмов Рима, на правом берегу Тибра.

Инталия — резное углубленное изображение на камне.

Борей — в греческой мифологии бог северного ветра.

Геркулесовы столбы — Гибралтарский пролив.

Лузитания — юго-западная часть Пиренейского п-ова, приблизительно соответствует нынешней Португалии.

Галлия (лат. Gallia) — в древности область, занимавшая территорию между рекой По и Альпами (Цизальпинская Галлия) и между Альпами, Средиземным морем, Пиренеями, Атлантическим океаном (Трансальпийская Галлия). С 6 века до н. э. заселена кельтами (получившими у римлян название «галлы»).

Арретий — город в восточной Этрурии.

Фурии — в римской мифологии богини мести и угрызений совести, наказывающие человека за совершенные грехи. Ф. — аналог греческих эриний.

Кеч — двухмачтовое парусное судно вместимостью 100–250 тонн.

Волсинии — этрусский город.

Силуры — древнейшее население Уэльса.

Купелирование, или купеляция — отделение благородных металлов от свинца путем окислительного плавления в пламенных, печах при ~ 1000 °С.

Ликия — область в Малой Азии.

Сатурналии — древнеиталийский праздник, справлявшийся в течение ряда дней с 17 декабря, в память о «золотом веке» (Сатурна), и отмечавшийся с особым весельем.

Ultor (лат.) — прозвище Марса и Юпитера как богов-мстителей.

Mansio (лат.) — место отдыха, привал, ночлег В данном случае имеется в виде гостиница.

Абак (от греч. *abaх* — доска) — счетная доска, счеты.

Соль — в римской мифологии бог солнца. В древности почитался как Соль Индигет. Культ Соля и Луны до 2 века был распространен в основном среди крестьян, затем он становится одним из ведущих в империи, когда в образе Соля сочетались: религиозно-философские учения о Солнце как верховном боге; представления о Солнце как блюстителе справедливости, пропаганда идеи особой близости к Солю императоров, изображавшихся в солнечной короне и, как и Соль, именовавшихся «непобедимыми».

Медуза — младшая, смертная, из трех сестер, крылатых женщин-чудовищ (горгон). Горгоны отличаются ужасным видом: крылатые, покрытые чешуей, со змеями вместо волос, клыками и взором, превращающим все живое в камень.

Родан — главная река юго-восточной Галлии, в настоящее время — Рона.

Массилия — город на юго-восточном побережье Галлии, теперь Марсель.

Малобатр — масло, получаемое из дерева тамала и употреблявшееся римлянами для придания блеска волосам.

Эсквилин или Эсквилинский холм — самый большой и высокий из семи холмов Рима, находится в северо-восточной части города.

ЧАСТЬ 2

Геркулес — римский вариант имени греческого героя Геракла. Культ Геркулеса был одним из самых распространенных в римском мире. Герой через некоторое время стал почитаться, как бог-«победитель». Для мужчин была обычна клятва его именем, женщины из участия в культе Геркулеса исключались, и им запрещалось клясться.

Палатин или Палатинский холм — один из семи холмов Рима, расположенный между Авентином и Капитолием, южнее Форума. Иногда также называют императорский дворец, так как резиденция Августа располагалась на Палатинском холме.

Байи — город в Кампании к западу от Неаполя.

Береника — дочь иудейского царя Агриппы I, супруга Ирода Халкидского, впоследствии возлюбленная императора Тита.

Кодицилл (юр.) — дополнительное распоряжение к завещанию.

Апис — священный бык в Древнем Египте.

Триумф, предоставить кому-то триумф — имеется в виду право триумфального въезда в Рим за победу. По решению Сената триумф предоставлялся полководцу, одержавшему победу в войне, в которой было убито не менее 5000 врагов. Если изначально триумфа удостаивались полководцы, которые вели войну в качестве главнокомандующего, то в императорское время лишь императоры и их ближайшие родственники. В дальнейшем слово приобрело значение «победа, торжество», в котором используется теперь.

Титул учтивости — титул, носимый по обычаю и фактически не дающий прав.

Сабиняне — племя в гористой области к северо-востоку от Рима. Отличались суровыми обычаями.

Атрий — передняя, приемная или зал, то есть первая комната от входа в дом.

Гибла — гора на Сицилии, славившаяся медом.

Поллион — фамильное имя в родах Азиниев и Требеллиев.

Киликия — область в юго-восточной части Малой Азии.

Тарс — главный город Киликии.

Ликия — область в Малой Азии.

Эней — сын Анхиса и Венеры, легендарный царь дарданцев, основатель рода римских царей.

Ликтор (лат. *lictor*) — одна из низших государственных должностей в Древнем Риме. Упоминаются в истории со времени правления в Риме этрусских царей (VII век до н. э.). Первоначально ликторы были исполнителями распоряжений магистратов, позднее осуществляли лишь охранные и парадные функции при них. Охранные и парадные функции ликторов заключались в том, что вооружённые фасциями, ликторы сопровождали высших магистратов. Ликторы расчищали путь среди толпы и приводили в исполнение приговоры. Например, у консула было 12 ликторов, у претора 6, у весталки 1.

Лукания — область на западном побережье южной Италии.

Иды — 15-е марта, мая, июля, октября. В остальные месяцы — 13-е число.

Военный трибун — командная должность в римской армии, первоначально трибуны командовали легионами, потом отдельными отрядами из состава легиона. В каждом легионе их было шесть. Они исполняли военно-административные и хозяйственные обязанности.

Элисийские поля, или Элисий — обитель блаженных в царстве мертвых.

Целий, или Целийский холм — один из семи холмов Рима. Во времена Республики был густо населен плебеями, после пожара в 27 году н. э., уничтожившего большинство построек, превратился в квартал нобилитета.

Симон Бар Гиора — один из вождей сикариев. В самом начале Иудейской войны повстанцы под его предводительством нанесли значительные потери римской армии, он также являлся одним из организаторов обороны Иерусалима во время осады города римлянами. По приказу Тита казнь Симона была отложена до «триумфальной жертвы» в Риме.

Лестница Стонов — лестница в Древнем Риме, по которой крюками стаскивались в Тибр тела казненных.

Авгуры — жрецы-птицегадатели, делавшие предсказания по полету птиц, их крику и другим признакам.

Трирема (лат. *triremis* — имеющий три ряда весел) — боевое гребное судно в Древнем Риме с тремя рядами весел, расположенных один над другим в шахматном порядке. В Древней Греции корабли, аналогичные триремам, называли триерами.

Субура — район Рима в низине между Эсквилином, Кваириналом и Виминалом, людный и оживленный, с большим количеством притонов.

Трибы — в Древнем Риме первоначально три римских племена, из которых состояла римская патрицианская община. Впоследствии — административно-территориальные округа. Триба включала 10 курий, каждая курия 10 родов. В императорский период (время действия романа) трибы уже утратили свое значение.

Цербер — много- или трехголовый пес со змеиным хвостом, охранявший вход в подземное царство.

Примечания

Единицы измерения, используемые в романе

1 дюйм = 2,54 см.

1 фут = 30,48 см.

1 ярд = 91,44 см.

1 миля = 1609 м.

1 милларий = 1598 м. (милларий — единица измерения длины в Древнем Риме).

1 фунт = 453,59 г.

1 унция = 28,35 г.

1 стоун = 6,35 кг.

1 пинта = 0,57 литра.